

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОЗЛОВСКИЙ

КОД ЗОЛОТОЙ КНИГИ

ЮРИЙ КОЗЛОВСКИЙ

КОД ЗОЛОТОЙ КНИГИ

ЭКСМО

ЮРИЙ
КОЗЛОВСКИЙ

КОД ЗОЛОТОЙ КНИГИ

ЮРИЙ
КОЗЛОВСКИЙ

КОД
ЗОЛОТОЙ
КНИГИ

ЭКСМО

МОСКВА

2011

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Козловский Ю.

К 59   Код Золотой книги : фантастический роман / Юрий Козловский. — М. : Эксмо, 2011. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-52577-5

В советские годы рядовой Советской Армии Владимир Кубанский прошел обучение в таинственной Школе, получив недоступные обычным смертным знания и навыки. Курсанты Школы становятся сотрудниками особой Службы, задача которых — сражаться с порождениями Хаоса, которые в давние времена вырвались из параллельного мира, открытого при помощи кода Золотой книги...

В наши дни Золотая книга была похищена одним из дезертиров Службы. Миру угрожает нешуточная опасность, если похититель сумеет воспользоваться кодом, призвав в нашу вселенную полчища тьмы. Кубанскому и его коллегам предстоит смертельная схватка — Апокалипсису уже дан обратный отсчет...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Козловский Ю., 2011

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52577-5

Человек — это то существо, посредством которого Ничто входит в мир.

Сартр. Бытие и Ничто

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИКВИДАТОРЫ ХАОСА

ГЛАВА 1

Служба

ВИНО НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

 чера я вернулся с Гавайских островов, где днем покорял на доске волны океанского прибоя, а вечерами — сердца ищущих приключений красавиц, съехавшихся туда со всех концов света. На внеплановом отдыхе настоял командир, заявивший, что мне следует не меньше двух недель держаться подальше не только от Москвы, но и вообще от России. Не знаю, какие он преследовал высшие интересы, но я был совсем не против приятной ссылки.

А сегодня мне исполнилось пятьдесят семь лет. Правда, никто из окружающих об этом не подозревает, потому что по паспорту, да и по внешнему виду, мне стукнуло только тридцать. Лично же для меня наступление этой даты, двадцать седьмого июля, означает, что миновал еще год и остаток отмеренного мне кем-то там, наверху, срока составляет еще больше шестидесяти лет.

Срок, согласитесь, очень приличный, так что поводов для пессимизма пока нет. Еще очень не скоро, говоря высоким стилем, завершится мой жизненный путь и я отойду в долину смертной тени. Если, конечно, раньше не произойдет что-нибудь непредвиденное — упадет, к примеру, на голову случайный кирпич, или в чужой перестрелке я поймаю шальную, не мне предназначенную пулю.

Но вероятность этого настолько мала, что неудержимо стремится к нулю. Не потому, что я никогда не попадаю в опасные ситуации. В моей бурной жизни их было более чем достаточно. Пули не раз свистели мимо меня, но ни одна из них ни разу не оцарапала мою шкуру. А все потому, что у меня хорошо развито чувство опасности и я всегда очень внимательно прислушиваюсь к внутреннему голосу. Дело тут не просто в дарованном матерью-природой инстинкте. Этого добра у меня хватит на троих, но постоянно везти не может, и правильно использовать врожденное чувство опасности меня долго и старательно учили.

Был такой случай: однажды мне очень не хотелось отпрапляться в дальнюю командировку. Стоило подумать, что впереди предстоят три ночи на узкой вагонной полке, как у меня заранее начали болеть ребра. Мое внутреннее «я» так сопротивлялось этому путешествию, что я проспал назначенное время, и водителю заказанного накануне такси пришлось подниматься ко мне на шестой этаж. Потом оказалось, что я забыл дома паспорт вместе с билетом, и пришлось возвращаться за ними с полпути, отчего я едва не опоздал на поезд. И все-таки не опоздал. В те благословенные годы москвичи еще не знали слово-

сочетания «дорожные пробки». Но ангел-хранитель все не сдавался, и в самом начале пути у меня неожиданно началась резь в желудке, чего не должно было со мной случиться в принципе.

Вот тогда меня, наконец, проняло. На первой же станции я пулей выскочил из вагона и вернулся на электричке домой, хотя в пункте назначения меня ждало чрезвычайно важное дело. Дома боли сразу прекратились, а пассажиры моего вагона погибли в огне все до одного. Проложенный рядом с железнодорожными путями магистральный газопровод взорвался точно в тот момент, когда рядом с ним по соседним колеям проезжали два встречных пассажирских поезда. А я тогда получил грандиозный нагоняй от командира, но не за сорванное задание, а за то, что вообще вышел в тот день из дома, не прислушавшись к такой прозрачной и недвусмысленной подсказке судьбы.

Двадцать седьмого июля каждого года, если удачно складываются обстоятельства и я оказываюсь дома, я достаю из темной кладовой любовно оплетенную соломой трехлитровую бутылку с красным вином, усаживаюсь с ней в кресло на лоджии и наливаю до краев стакан из тонкого стекла. Смакуя наполненный ароматами Крыма напиток, выпиваю два стакана, после чего у меня пробуждается зверский аппетит.

Так случилось и сегодня. В моем холодильнике, как обычно, сквозил ветер, и пришлось идти на Одинцовский рынок, благо жил я в двух шагах от него. Не оглядываясь на цены и не торгуясь, я купил добрый кусок парного свиного окорока. Положил в пакет килограмм лопающихся от спелости крупных

мясистых помидоров и столько же маленьких пупырчатых огурчиков. Туда же забросил несколько пучков зелени. Потом не удержался и прошелся по ряду, где торговали всякими маринадами, где взял пучок соленой черемши и несколько крупных головок маринованного чеснока. Конечно, я знал, что мне ни за что не съесть всего этого, но такой уж у меня характер — вечно покупаю все, на что падает голодный взгляд, и только дома задумываюсь: а нужно ли мне все это? Поэтому стараюсь ходить за продуктами сытым. Или не ходить совсем. Но сегодня был особый случай.

Продавщица весьма аппетитно выглядевших контрабандных молочных продуктов, у которой я купил сметаны для салата, веселая толстая тетка-белоруска, лет так далеко за пятьдесят, увидев мои покупки, спросила с доброй улыбкой:

— Што, сынок, нябось, свята какое спрауляешь?

— Ага, мамаша, — ответил я, стараясь спрятать иронию. — Тридцать в аккурат исполнилось.

— Ну, виньшую! — еще шире улыбнулась продавщица и, вздохнув с завистью, добавила: — Прыемны возраст!

Услышанное от ровесницы слово «сынок» ничуть не смутило меня. Сегодня у меня не было ни причин, ни желания напрягаться, чтобы выглядеть так, как должен выглядеть всякий нормальный человек, давно разменявший шестой десяток. Я улыбнулся ей в ответ во все свои тридцать два зуба (ни одного искусственного!) и, решив, что хватит без толку тратить деньги, отправился домой.

Через час пиршество вышло на новый уровень. И без того великолепное вино в сочетании с жарен-

ным мясом превратилось в настоящий напиток богов. Трехлитровую бутылку его каждое лето мне присылает с проводниками поезда «Москва — Евпатория» бывший капитан каботажного теплохода, а ныне пенсионер Семен Полубояринов. Он считает себя моим вечным должником: пятнадцать лет назад я спас жизнь его сына-подростка. Одновременно я выдернул из весьма непростой ситуации и самого Семена, только он об этом не знает и никогда не узнает. Но об этом позже.

У Семена недалеко от Евпатории есть небольшой виноградник, и вино он делает сам. То, что продается в магазинах, он презрительно называет пойлом. С Семеном, конечно, можно не соглашаться, но, попробовав его напиток, возникает стойкое подозрение, что он не так уж и не прав. Все познается в сравнении.

Я ел мясо со свежими овощами и зеленью и пил вино стакан за стаканом, не боясь опьянеть. Так уж устроен мой организм, что крепкие напитки не действуют на него никак, а натуральное вино лишь разжигает аппетит и создает ощущение веселой беззаботности. К вечеру в бутылки осталось не больше литра, и я блаженно откинулся на спинку кресла, наслаждаясь покоем и детскими криками под окном и задумываясь, не нанести ли визит Марине, с которой познакомился незадолго до отлета в Гонолулу.

То, что сейчас мой телефон заиграет бодрую мелодию футбольного марша, я почувствовал секунд за пять до звонка. Я даже знал, чей голос услышу, и не ошибся.

— Вставай, герой, труба зовет! — Мой командир Петр Станиславович, носящий незамысловатую фа-

милию Радзивилл, как всегда, не поздоровался, будто мы расстались минут пять назад. — Оторвись от бутыли и включи компьютер.

— Куда ехать? — обреченно спросил я. Богатый опыт подсказывал мне, что дело предстоит на выезде. Почему-то Радзивилл никогда не поручал мне работу в Москве. И, разумеется, я тоже не стал здороваться. Какой привет, такой и ответ.

— В Харьков. Деньги будут на карточке «Виза-электрон». Выезжаешь завтра, так что время допить вино у тебя есть. Билет заберешь в четвертой кассе.

Позер дешевый, подумал я. Пытается показать, будто каждую секунду знает, чем занимается любой из подчиненных. Хотя нет, дешевым я обозвал его зря. Что-что, а изучил он мои привычки досконально, этого у него не отнять.

Визит к Марине сорвался.

Ехидный смешок Радзивилла раздался в воздухе уже после того, как он отключил трубку. В отместку я не стал спешить и не вставал из-за маленького столика на лоджии, пока не допил вино из бутылки до последней капли. Пусть старик поскрипит зубами, видя, что я не слишком спешу открывать почту. Я почти как наяву видел, что он не спускает глаз с монитора. Сам виноват, нечего было говорить, что время у меня еще есть...

В комнату, где стоял компьютер, служившую мне одновременно кабинетом и спальней, я переместился, когда на улице совсем стемнело. Первым делом проверил свой банковский счет. Сумма, которой он пополнился, в других обстоятельствах порадовала бы меня, но сейчас она означала лишь то, что дело

предстоит весьма непростое. Потом я открыл письмо, зашифрованное личным шифром командира, и погрузился в изучение материалов по убийству, совершенному сегодня утром. Добавлю — загадочному убийству, которое обязательно потащит за собой далеко идущие последствия. Другими мы не занимаемся.

ГЛАВА 2

СЛУЖБА

УБИЙСТВО В ПОЕЗДЕ

На перроне Харьковского вокзала меня встретил молодой, не старше двадцати пяти лет, парень в чине лейтенанта (у нас в Службе приняты воинские звания). По всем признакам, он совсем недавно вышел в мир из Школы, внешность его полностью соответствовала возрасту, и он еще не наигрался в тайных агентов.

— Здравствуйте, господин майор! — шепотом произнес он, оглянувшись по сторонам, будто кто-то мог нас услышать.

— Меня зовут Владимиром. — Мне стало смешно, но я решил не показывать этого. — Владимир Николаевич Кубанский. Вот только звать меня будешь Володей и обращаться на «ты». На людях и наедине. И не ведай себя как английский шпион. Нас никто не слушает.

Все-таки наша Школа — лучшая школа в мире. Поняв, что заработал себе жирный минус, Витя — так звали лейтенанта — моментально вспомнил все, чему его учили, и повел себя соответствующим мо-

менту образом. Оживленно беседуя, мы прошли сквозь строй мелких торговцев, предлагающих все, что может заинтересовать выскочивших на несколько минут из поезда пассажиров, — от мороженого и вареной картошки до пива и водки. Через подземный переход вышли на привокзальную площадь, и Витя подвел меня к неприметному серенькому «Фольксвагену Гольф».

Вещей у меня было немного — ноутбук и легкая спортивная сумка. Никогда не таскаю с собой лишнего багажа, лишь необходимый минимум: зубную щетку, бритву, смену белья да книжку в дорогу. Служба не скупится на командировочные, поэтому все, что может понадобиться, я предпочитаю покупать на месте. Не было у меня и оружия. Офицер Службы в отличие от сотрудников так называемых «силовых ведомств» должен добиваться успеха не стволом крупного калибра, а головой, в крайнем случае помогая ей руками.

По обе стороны игрушечной российско-украинской границы люди в форме, со всей серьезностью изображавшие настоящих пограничников, шлепнули в мой паспорт по штампу, причем оба одинаково завистливо покосились на американскую визу и отметку с надписью по-английски: «Гонолулу». Я четко представлял себе ход их мыслей: мало, ох мало дерет государство с этих проклятых буржуев, которые позволяют себе отдых за океаном! Драло бы больше, хотя бы половину доходов, смотришь, и пограничник мог бы позволить себе смотаться в отпуск на Гавайи! Наивные, они не понимали, что повышение налогов вовсе не влечет за собой автоматическое повышение их окладов.

Удар, пропущенный постаревшими, ослабившими бдительность властителями бывшей необъятной империи, отколол от нее четырнадцать царств со своим маленьким царьком в каждом, но даже краешком не затронул Службу. Она выстояла, ничуть не пошатнувшись. Сфера нашего влияния по-прежнему охватывала не только всю территорию бывшего Союза, но и выходила далеко за ее пределы. Наше руководство с давних пор размещается в Москве, точнее — рядом с ней. Но точно так же местом дислокации оно могло выбрать хоть Пярну, хоть Коноп. Даже Анадырь. Ни от одного государства бывшей империи Служба не зависела, хотя бы потому, что была старше любого из этих государств, внимание на действия властей обращала лишь тогда, когда они угрожали нарушить некий устоявшийся баланс, и рукой Москвы называть ее было бы просто глупо.

Поэтому «щирий украинец» Витько Слободенюк не имел ничего против того, что ему во временные командиры навязали «клятого москаля». На моем месте с тем же успехом мог оказаться монгол с труднопроизносимой фамилией или чукча из Певека — были у меня такие знакомцы, и постигали они наши науки не хуже, а то и лучше других. А меня могли приставить помощником к приехавшему в Москву спецу из, предположим, Грузии или Азербайджана, если дело проходило по его профилю. И ничего обидного я бы в этом не усмотрел, даже если этот спец был ниже меня по званию.

На этот раз мне предстояло расследовать убийство биофизика, доктора наук из Новосибирска Леонида Назарова. Его труп был обнаружен проводником фирменного поезда, следовавшего по маршруту

Москва — Харьков, в вагонном туалете, когда тот хотел закрыть его при въезде в санитарную зону Харькова. Туалет оказался занят, проводник долго стучался, потом услышал, как за дверью упало на пол что-то мягкое и грузное, после чего открыл дверь своим ключом и увидел жуткую картину. Пассажир с разможенной головой лежал на полу, а стены туалета были забрызганы кровью и ошметками мозга. Окошко по летнему времени было открыто, и пуля, как выяснила экспертиза, выпущенная из «СВД», могла прилететь лишь снаружи, причем с близкого, не больше тридцати метров, расстояния.

В машине Витя передал мне флешку, на которой была записана довольно скудная первичная информация по делу. Вставив ее в свой ноутбук, я сразу пропустил то, что мне уже было известно из переданных Радзивилом материалов. Просмотрел протоколы, составленные следователем линейной прокуратуры, на которую повесили расследование, и понял, что, едва заведя уголовное дело, он сразу стал двигать его в разряд нераскрываемых висяков. Свидетельские показания были куцыми и ни о чем не говорили. Пассажир Назаров сел в поезд на Курском вокзале Москвы минут за десять до отправления. В двадцать один час двадцать восемь минут состав тронулся. Назаров поужинал двумя принесенными с собой бутербродами, выпил стакан чая и, отказавшись от приглашения соседей по купе к совместному употреблению спиртных напитков, а конкретно — водки «Президент» и пива «Балтика № 3» (клянусь, именно так было написано в протоколе!), улегся спать на верхнюю полку. Поднялся в восьмом часу перед прохождением пограничного и таможен-

ного контроля на территории России и больше не ложился.

Тут я вспомнил трех предпринимателей, с которыми делил купе по дороге в Харьков. Они тоже приглашали меня за стол и тоже с целью «совместного употребления». А когда утром украинский таможенник задал наивный вопрос, везут ли они спиртные напитки в подлежащих декларированию количествах, один из них, опухший, но не потерявший чувства юмора, ответил — уже нет...

Когда Назаров ушел в туалет, никто не заметил, но произошло это уже после Казачьей Лопани, потому что в его паспорте стоял штамп о пересечении украинской границы. Где именно прозвучал выстрел, единственный свидетель, проводник вагона, сказать не мог. Сначала он был сильно зол на застрявшего в туалете пассажира, а потом слишком напуган, чтобы фиксировать нужные для следствия подробности. Тем более ничего не смогли пояснить остальные пассажиры, занятые в то время подготовкой к высадке.

Следователь сразу выдвинул версию о случайном хулиганском выстреле, приведшем к трагическим последствиям. И действительно, трудно представить себе снайпера, способного попасть в голову человека через приоткрытое окошко вагона, несущегося со скоростью сто километров в час в двадцати метрах от него. Трудно следователю, но не мне. Видал я чудеса и почудеснее. А когда при таких странных обстоятельствах гибнет человек, попавший в сферу интересов Службы, о случайности говорить и вовсе не приходится. Тут уже надо искать закономерности.

Я постучал по клавишам, получил некоторые интересные меня данные и повернулся к Вите.

— Завтра к восьми часам мы должны быть в Качатьей Лопани. Сделай так, чтобы пограницы пропустили нас в поезд.

— Без проблем! — весело ответил он и, взявшись за ключ зажигания, вопросительно посмотрел на меня.

— Тогда поехали, — кивнул я и откинулся на спинку сиденья.

Я знал, что Витя везет меня не в гостиницу, а к себе домой. Все резиденты Службы на местах занимают большие многокомнатные квартиры, чтобы командированные имели возможность останавливаться у них. А сами квартиры оборудованы так, чтобы их можно было в любой момент покинуть незаметно для окружающих. Даже если эти окружающие — бойцы группы захвата, свалившиеся на твою голову. Но доводить до такого в Службе считалось полнейшим непрофессионализмом, и на спалившего квартиру офицера ложилось позорное пятно.

Так было всегда, даже послереволюционные уплотнения жилплощади обходили стороной квартиры Службы. Их как-то просто не замечали. Да что там говорить, даже во время оккупации немцы не сунулись в квартиру, которую занимал теперь Витя Слободенюк. А чем занимался в то время его предшественник, которого Витя сменил на этом посту совсем недавно, держалось в строжайшей тайне. Нам открывали только те старые дела, которые могли помочь в расследовании дел текущих. Праздное же любопытство не поощрялось и никогда не удовлетворялось.

Витина квартира располагалась на втором этаже четырехэтажного дома в центре города, недалеко от

метро «Университет». Дом был старинный, с толстыми стенами и лепниной снаружи и изнутри. Витя ознакомил меня с некоторыми специфическими особенностями своего обширного пятикомнатного жилья и путями экстренной эвакуации, после чего, получив от меня необходимые инструкции, уехал по делам. А я отправился знакомиться с городом, в котором никогда прежде не бывал. Знакомился серьезно и обстоятельно, вымеряя шагами расстояния и осматривая проходные дворы. Больше делать пока мне было абсолютно нечего — поезда, в котором погиб Назаров, прибудет в Харьков очередным рейсом только завтра. Проводник будет тот же. Завтра мы с Витей сядем в четвертый вагон, и тогда начнется настоящая работа.

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. СЕМЕРО

По безликой обстановке помещения никто не догадался бы о важности происходившей в нем встречи. В центре обширной комнаты с глухими бронированными стенами без окон, за большим круглым столом разместились семь человек. Кроме этого стола и стульев, на которых они сидели, никаких других предметов обстановки в помещении не было.

В собравшихся людях на первый взгляд тоже не было ничего необычного. Все примерно одного возраста, на вид около сорока пяти — пятидесяти лет. Все не похоже друг на друга. Один, с густой шевелюрой темно-русых волос и пышными усами, отличался некоторой медлительностью движений, но медлительность эта была обманчивой. Быстрота взгляда,

★

который он время от времени переводил с одного собеседника на другого, делала его похожим на крупного матерого хищника, скупого на лишние движения, но в любую минуту готового развернуться, как сжатая пружина. Даже сидя на стуле, этот человек на голову возвышался над собеседниками. Он носил говорящее имя Лев и сегодня по праву хозяина председательствовал за столом.

Остальные были под стать ему — правда, не такие крупные, но тоже крепкие и подтянутые, без грамма лишнего жира, который обычно накапливают многие мужчины к этому возрасту. Слева от Льва сидел Иеремия, начинающий лысеть мужчина с крупными ладоными и ханжеским лицом. Дальше, по часовой стрелке, разместились: белокурый швед Ингмар с тяжелым, выдвинутым вперед подбородком, с виду настоящий ариец, за ним — немногословный китаец, которого присутствующие звали Чан. Потом — темнолицый индус Арджун. Следующий стул занимал Аббас, араб с тонкими чертами лица и чувственными губами. Рядом с арабом, ничуть не чурась такого соседства, занял место израильтянин Ицхак, которого, не зная его национальности, по внешнему виду можно было легко принять за соотечественника Аббаса.

Как уже говорилось, неискушенный наблюдатель не увидел бы в лицах этих людей ничего особенного. Разве только удивился бы — что заставило собраться вместе столь разношерстную компанию? А вот опытный взгляд сразу отметил бы то, что их объединяло. Этим общим была явно выраженная привычка к власти. И не просто к власти, а к власти безграничной. Такое выражение лица редко встречается

даже у глав правительств и президентов, потому что все они кому-то подотчетны. На словах — своим избирателям, а на деле — тем, кто продвигал их на посты и финансировал избирательные кампании. Миллиардеры порабощены своими деньгами, иерархи ходят под богом. Все это оставляет на внешности свой отпечаток. Семеро же не отчитывались ни перед кем, не признавали над собой никого, и это отражалось на их лицах.

Но никакого стороннего наблюдателя не было и быть не могло. Ни один свидетель не смог бы проникнуть в комнату, где проходила встреча. Ни одно из средств наблюдения не могло сработать в этом помещении, потому что даже электрон не мог вырваться за его пределы. Никто и никогда не видел семерых собравшихся вместе, а их переговоры навсегда оставались тайной для окружающего мира, поделенного ими на зоны влияния. Лев представлял Российскую империю в ее старых границах, Монголию и часть Восточной Европы. Иеремия — американский континент и Австралию, то есть практически весь англоязычный мир. Ингмар — Европу Западную. Чан держал Китай, Японию и всю Юго-Восточную Азию, Аргжун — Индию. Вотчиной Аббаса был мусульманский мир. На долю Ицхака достались Израиль и диаспора. Немного по сравнению с другими, но по власти и могуществу он не уступал остальным присутствующим. Африку и острова Мирового океана семеро поделили между собой.

Семеро знали, что кроме них существует немало тайных организаций, претендующих на роль мирового правительства и мировое господство, но не видели в них конкурентов. Им даже в голову не прихо-

дила мысль о соперничестве. Наоборот, они часто использовали мощь тайных организаций в своих целях, но так, что те даже не догадывались об этом. Преимущество семерых заключалось в том, что они знали все обо всех, а о них не знал никто. И еще в том, что могущество упомянутых тайных организаций было основано на деньгах и купленной власти, а сила семерых заключалась в неизвестных остальному человечеству знаниях и тех возможностях, которые они давали. Они легко могли завладеть всеми богатствами мира, но это было им совершенно безразлично. Их не знал никто, но при необходимости они подчиняли себе любого.

По традиции, из уважения к председательствующему разговор велся на русском языке. Будь хозяином встречи Ицхак, говорили бы на иврите, Аргжун — на хинди и так далее. Для семерых не существовало языковых барьеров. Беседа началась давно, и основные вопросы были уже оговорены. Записей никто не вел, все сказанное навсегда оседало в бездонной памяти семерых, а принятые договоренности свято соблюдались без всякой фиксации их на бумаге.

Подведя итог, Лев откинулся на спинку натужно заскрипевшего стула и сказал:

— Теперь обсудим текущие вопросы. Могу доложить вам, что новая пятерка, о которой мы давно говорили, уже набрана, и я вполне доволен кандидатами. Для вербовки были созданы необходимые условия, и теперь они наши.

В течение следующего часа он знакомил присутствующих с подробными характеристиками на всех пятерых.

— Не слишком ли они хороши для простых оперативников? — усомнился Аргжун. — Соответствуют самым высшим параметрам и при этом даже не догадываются о своей исключительности. С такими загатками их можно использовать на более ответственной работе!

— А они и не будут простыми оперативниками! — немедленно откликнулся Ицхак. — Ты не забыл, к чему их будут готовить? Что им предстоит сделать?

— Все равно жалко, — покачал головой индус. — Уж больно материал хорош! А кто их будет готовить?

— Петр, — ответил Лев.

— Тот, который справился с Балтийским кризисом?

— Да, тот самый.

— Ну, тогда я снимаю вопрос! — сказал Аргжун, подняв руки в шутливом жесте.

— Кстати, что у нас с поисками... э-э-э... ну, в общем, ты меня понял? — обратился Лев к Иеремии. — Результатов, конечно, нет?

— Риторический вопрос, — усмехнулся человек с лицом сельского проповедника. — Ты сам на него и ответил. Когда появятся результаты, мы сразу это почувствуем. На своей шкуре.

— Что-нибудь еще есть? — теперь Лев обращался ко всем присутствующим.

— Есть вопрос, — голос шведа Ингмара звучал так, будто где-то рядом катились огромные булыжники. — По-моему, нам пора подумать о продлении срока службы оперативников. Ведь сделать это не сложно.

— Зачем? — удивился китаец Чан. — Это совершенно лишнее. Как правило, за отпущенный им срок они успевают полностью выработать весь ресурс.

— Ага! — снова захохотал скандинав. — Легко говорить, когда у тебя почти два миллиарда голов под рукой. Выбирай не хочу! А у меня рождаемость падает, огну пятерку хотя бы наскрести...

— Придется выкручиваться, — флегматично проронил Лев. — Тем более что тебе набирать еще не скоро. А срок службы продлевать нельзя. Уважаемый Чан прав, но это еще не главное. Сам понимаешь, если они наберутся лишнего опыта, что-то узнают и начнут копать, то от них придется избавляться. Обойдется себе дороже. Пусть уж лучше естественным путем...

Когда беседа была закончена, все встали и погостили к стене. Лев приложил к ней лагерь и, беззвучно шевеля губами, что-то прошептал про себя. Через несколько мгновений часть кажущейся монолитной стальной стены отъехала в сторону, и семеро вышли в глиняный коридор, кончавшийся ведущей вверх лестницей. Когда они дошли до середины коридора, проход за ними закрылся, и комната для совещаний перестала существовать для окружающего мира. Помещение охранялось тайными знаниями, и теперь на этом месте никакой комнаты больше не было. Если даже кто-то попытался бы копать в этом направлении, то обнаружил бы сплошной известняковый монолит. Но если бы кто-то из них обернулся, то заметил бы скользнувший тенью силуэт, тут же растаявший в воздухе. Однако привычки оборачиваться ни у кого из них не было.

Семеро распрощались друг с другом, чтобы разъ-

ехаться по всему свету. Следующая встреча была намечена через год у Ицхака, неподалеку от Тель-Авива. Ицхак давно лелеял мечту перенести резиденцию километров на пятьдесят восточнее, но Иерусалим все еще оставался арабским городом...

ГЛАВА 3

ШКОЛА

ДОСРОЧНЫЙ ДЕМБЕЛЬ

В Школу попадают разными путями и в разном возрасте — примерно от пятнадцати до тридцати лет. Я попал туда из армии. Честно признаться, был я в то время дурак дураком и долго удивлялся, кому могло прийти в голову отобрать меня, одного из всего полка, на какие-то таинственные курсы (критериев отбора я не знал тогда и не знаю до сих пор). Было это в тысяча девятьсот семьдесят втором году, служил я в до предела милитаризованном в ту пору еврейско-белорусском городе Бобруйске, и в голове у меня царил полнейшая каша. В этой каше революционный задор советской эпохи самым причудливым образом смешивался с блатной романтикой, привитой во время бесшабашного дворового детства, нелюбовью к «мусорам», традиционной неприязнью к евреям и тайным преклонением перед засекреченными рыцарями с холодной головой, горячим сердцем и пистолетом под пиджаком. Помню, как жутко я завидовал одному сержанту из нашей роты, которому за полгода до дембеля полковой особист сделал предложение подать документы в школу КГБ. Правда, познакомившись с его школьным аттеста-

том, чекист забрал предложение обратно, но сам факт возможности такого крутого поворота судьбы заставлял сердце биться быстрее.

Насчет евреев и «мусоров» я особенно не задумывался. Ни те, ни другие не сделали мне ничего плохого. Больше того, у меня никогда не было с ними никаких конфликтов. Просто так полагалось — не любить их.

Зато я не сомневался, что если коварный враг посягнет на самое святое — завоевания революции, то я окажусь в первых рядах бойцов, и так далее, и тому подобное... В моем окружении бытовала уверенность, что настоящими героями на войне становятся бывшие хулиганы и разгильдяи, и наоборот, отличники и любимчики начальства обычно показывают себя трусами, если вообще не становятся предателями. А в армии мой настырный свободолюбивый характер заставлял меня чуть ли не на биологическом уровне противиться воинской дисциплине, и я стал заядлым самовольщиком. Но так как город был битком набит офицерами и военными патрулями, то и попадался я довольно часто.

В итоге общий стаж моего пребывания на гауптвахте еще до окончания первого года службы достиг сорока пяти суток. Что самое обидное, каждый раз я с самого утра предчувствовал, да что там предчувствовал, твердо знал: если сегодня сорвусь в самоход, меня обязательно заметут. Но какой-то бес зудил и подталкивал, и я, перемахнув через забор, уходил в город. Без всякой определенной цели, просто мне было интересно... Скорее всего, это было инстинктивное, неосознанное сопротивление идиотизму тогдашней армейской жизни. Не знаю, изменилось ли

что-то теперь, но в мое время ходила совершенно справедливая присказка: кто в армии служил, тот в цирке не смеется...

Даже в привычных, затертых словах таился абсурд. Взять обязательное к применению слово «товарищ». Товарищ сержант, товарищ полковник... Товарищ — это же почти что друг. Товарищи — это Серега Краснов и Петя Виноградов из нашего взвода, но никак не сержант Слюсаренко, отобравший у меня новенькую шапку и всучивший взамен свою, потрёпанную. «Рано тебе такую носить! — заявил он с ухмылкой. — Придет твое время, и ты тоже добудешь себе новую шапку». Или командир полка, мимо которого полагалось проходить с топотом ног и отдаванием чести? Против отдания чести я ничего не имею против, но какой он мне товарищ? И так чего ни коснись.

Но не буду отвлекаться от темы. Бобруйская гарнизонная гауптвахта того времени достойна того, чтобы рассказать о ней особо. Окруженная высоченным забором, она стояла в центре построенной в начале девятнадцатого века крепости и была довольно мрачным местом. Ходили слухи, что в этом каменном мешке отбывали наказание бывшие офицеры, осужденные за восстание на Сенатской площади, и, конечно, мы, современные армейские раздолбаи, называли себя потомками декабристов.

Само здание «губы» было двухэтажным, краснокирпичным, как и все постройки старой крепости, и имело такие толстые стены, что через узкие окошки-бойницы невозможно было дотянуться рукой до стальной решетки. На первом этаже располагались канцелярия, караульное помещение, офицерская ка-

мера и камера для временно задержанных, которая к вечеру наполнялась солдатами и сержантами в различной степени опьянения, доставленными сюда патрулями. Утром некоторых из них забирали в родные части, а для остальных гонцы приносили записки об аресте, и бедолаги перемещались на второй этаж, где были расположены основные камеры. В каждую из них, в зависимости от времени года и других причин, набивалось до двадцати человек.

Стены и полы по всей гауптвахте постоянно вымазывали разведенным на воде рыже-красным красителем, отчего сапоги, шинели, шапки и даже волосы «губарей» приобретали неповторимый красный оттенок, долго еще после отбытия наказания отличающий их от других военных. Каждое утро, после обязательного часа строевой подготовки, а точнее, пародии на нее — арестованные уныло брели по кругу во дворе гауптвахты, подгоняемые злыми командами невыспавшегося начальника караула, — нас на грузовых машинах развозили на исправительные работы. Лучшим наказанием мы считали командировку на хлебозавод. Там можно было от пуза наесться горячего белого хлеба и всласть пообщаться с молоденькими работницами. Неплохо было и на других городских предприятиях — мебельной фабрике, лесокомбинате, машиностроительном заводе. Конечно, съестным там поживиться было негде, зато можно было настрелять у мужиков полные карманы курева — на Руси не принято отказывать арестантам. А работа не отличалась разнообразием. Главными нашими орудиями труда были лом и лопата.

Еще несколько человек каждый день отправлялись на разборку бастioned из красного кирпича тут

же, в крепости. «Губари» под надзором вооруженного автоматом выводного, которому было абсолютно плевать на производительность подневольного труда, без всякого вдохновения тюкали ломиками по старинной кладке, имеющей твердость железобетона, пытаясь разбить ее на отдельные кирпичи. Или даже не пытаясь. Рядом с ними ту же работу делали «вольные» солдаты, и шла она у них гораздо продуктивнее, потому что у них над душой обычно стоял кто-то из начальства, прапорщик или офицер.

Говорили, что командующий военным округом генерал-полковник Четвертак отчего-то лютой ненавистью возненавидел старую крепость и мечтал стереть ее с лица земли. Стиралась она с большим трудом, наши предки строили на века. Но капля камень точит, и постепенно все шло к тому, что советскому генералу-самодуру удастся сделать то, до чего не додумались ни французы в тысяча восемьсот двенадцатом, ни немцы в сорок первом.

Хуже других доставалось тем арестантам, кто попадал на работу в гарнизонную комендатуру. Из кирпича, добытого при разборке крепостных бастionedов, там строили гараж. Кирпич был неровным от навеки застывшего на нем раствора, и комендант, подполковник с неподвижным лицом и механическим голосом киборга, заставлял «губарей» стесывать раствор молотками. Это было нелегким делом. Раствор, который, по слухам, был замешен на яичном желтке (или белке?), поддавался с трудом, многие кирпичи лопались. Если комендант замечал это, виновный тут же получал за нерадивость десять суток ареста в дополнение к имеющемуся сроку.

Так возведенные на века старыми мастерами бас-

тионы, бывшие чудом инженерной мысли своего времени, по генеральской воле превращались в неровные, уродливые стены комендантского гаража.

Но страшнее всего для любого арестанта было остаться на целый день в распоряжении начальника гауптвахты для выполнения хозяйственных работ. Работ этих, как правило, было две — красить огромной мочальной кистью камеры и коридоры и вычерпывать подземную воду. Дело в том, что в середине большого подвала с каменным полом под зданием гауптвахты, где хранились «вертолеты» — деревянные топчаны, заменяющие «губарям» койки, для чего-то была выдолблена яма, постоянно заполненная водой. Никто не знал, попадала она туда из прорванного водопровода или там бил подземный родник. А может быть, это просто был уровень грунтовых вод. Но каждое утро троим арестантам вручали по два ведра, и они целый день таскали воду наверх, выливая ее под забор. Не исключая, что, впитавшись в землю, она сразу возвращалась обратно, поддерживая прежний уровень воды в яме. Во всяком случае, я ни разу не видел, чтобы он понизился хоть на несколько сантиметров. Как ни разу и не поднялся до уровня каменного пола.

Более бессмысленную работу трудно было придумать, и где-то после сотой ходки с ведрами начинало казаться, что ты находишься в каком-то заколдованном мире, где полностью отсутствуют причины и следствия, а есть лишь кто-то, следящий за тобой с холодным любопытством и терпеливо ожидающий, когда, наконец, ты полностью превратишься в тупую нерассуждающую скотину. Но стоило кому-то из нас возмутиться, как начальник гауптвахты, майор с

добродушным круглым лицом, сразу объявлял умнику пять суток дополнительного срока — максимум, что позволял ему устав.

Можно было бы рассказать много интересных случаев из жизни «губарей», смешных и трагических, но тогда бы получилась совсем другая история. А моя задача — поведать, как однажды я вместо «губы» попал в Школу.

В те дни при нашем полку связи, квартировавшем тут же, в крепости, проводились соревнования по радиоспорту. Неожиданно выяснилось, что я не только быстрее всех радиотелеграфистов пятой гвардейской танковой армии, в состав которой входил наш сороковой отдельный, ордена Богдана Хмельницкого Корсунский полк связи, отстукивал ключом и принимал на слух морзянку, но и самым первым находил цель по карте и компасу в соревнованиях по спортивному ориентированию. Награждение победителей было назначено на следующий день, и, воспользовавшись временной свободой, я не раздумывая сорвался в самоволку.

Патруль, которому я бездарно попался в районе городского рынка, доставил меня на гауптвахту. Но камера для временно задержанных оказалась переполненной (это был день выдачи военным денежного довольствия), а я был совершенно трезв, поэтому начальник гауптвахты приказал патрулю отвести меня на ночь в часть, а утром доставить обратно.

— Не мог хотя бы награждения дожждаться! — с досадой сказал мой командир взвода, бывший всего двумя годами старше меня, ведя меня после завтрака на гауптвахту. — Да еще летунам попался! Ты хоть знаешь, что с команды сняли все твои очки?

— Все равно первое место нашему полку обеспечено, даже без моих очков. А я как-нибудь и без грамоты обойдусь! — легкомысленно ответил я. Вот то, что меня отловил патруль из авиационного полка, действительно было непростительным промахом.

— Да что мне с этого толку! — махнул рукой лейтенант. — Мог быть чемпион соединения из моего взвода, а вместо этого теперь наверняка звание задержат. Засранец ты, вот что я тебе скажу...

Наш непринужденный разговор прервал запыхавшийся солдат-посыльный из штаба полка. Громко топоча растоптанными кирзачами, он догнал нас, приложил руку к пилотке и, выпучив от усердия глаза, гаркнул:

— Товарищ лейтенант, приказано доставить рядового Кубанского к начальнику штаба!

Не знаю, кем представился нашему лощеному и высокомерному начштаба моложавый майор с общевойсковыми эмблемами, но когда он попросил подполковника оставить нас одних, тот быстро-быстро закивал, бросил на меня злой взгляд и моментально ретировался из собственного кабинета. Майор занял его место за столом, указал мне стул напротив и без всяких предисловий задал вопрос, который решил всю мою дальнейшую судьбу:

— Ну что, военный, хочешь на досрочный дембель?

«Нашел о чем спрашивать!» — подумал я с захолонувшим сердцем. Какой дурак ответит отрицательно, когда служить еще восемь месяцев, а репутация уже подмочена до предела... На губах майора играла легкая улыбка, но холодные серые глаза говорили, что он не собирается шутить. Почему-то я по-

думал, что его визит как-то связан с занятым мною и тут же отнятым первым местом в соревновании...

— Точнее, — продолжил он, не обращая внимания на мое замешательство, — я предлагаю тебе новую Службу. — Это слово прозвучало у него именно так, с большой буквы. — Такую, о которой другие могут только мечтать. Если примешь мое предложение, то никогда в жизни не пожалеешь об этом. А если Служба тебе не понравится или ты по каким-то причинам не подойдешь нам, то мы всегда можем расстаться без каких-либо осложнений для тебя. Но сначала тебе придется пройти курс обучения в Школе.

Тут я почувствовал одновременно гордость и жестокое разочарование. Меня, именно меня кто-то выделил из массы и предлагает обучение в школе КГБ (а где же еще?), куда не смог попасть тот сержант, которого я уже упоминал! Но, наверное, майор просто не знал про мои художества и нарушения дисциплины. Кроме того, на запястье левой руки у меня была нанесена корявая татуировка «Галя» — имя одноклассницы, которая даже не подозревала о моем тайном вздыхании. Наколел я ее, подчиняясь глупому поветрию, занесенному в наш двор вернувшимся из колонии Валеркой Богдановым. Потом я испугался родительского гнева и стал всеми способами избавляться от наколки. Я травил ее уксусной эссенцией, скреб бритвенным лезвием, но в результате она стала еще заметнее. Потом в какой-то книге я прочитал, что люди, имеющие татуировки и другие особые приметы, не имеют никаких шансов попасть в чекисты. Если бы майор знал обо всех моих недостатках, ему и в голову не пришло бы...

— Я все знаю про тебя. — Майор будто прочитал мои мысли. — Но я не из госбезопасности. Это нечто другое. Совсем другой уровень.

«Вот это да! Какие же у них критерии отбора?» — мелькнуло у меня в голове.

— У нас свои критерии отбора, — произнес майор, и я понял, что соглашусь на все его предложения.

— Меня зовут Петр Станиславович Радзивилл, — сказал майор. — А ты будешь обращаться ко мне — командир. Просто командир. Ты меня понял?

— Так точно, товарищ командир! — гаркнул я во весь голос.

— Ни черта ты не понял, — поморщился майор. — Повтори!

— Понял, командир! — проявил я сообразительность, чем вызвал его одобрительную улыбку.

Потом пошли сплошные чудеса. Машина с номерами штаба армии отвезла нас на военный аэродром, где на взлетной полосе уже дожидался транспортный самолет с заведенными двигателями. Самое удивительное, что мы с майором оказались его единственными пассажирами. Как только самолет поднялся в воздух, новый командир достал из шикарного кожаного чемодана гражданскую одежду и протянул мне:

— Переодевайся!

Пока я смущался, он сбросил с себя офицерскую форму и надел франтоватый костюм с белой рубашкой и галстуком с замысловатым узором. Мундир он без всякого почтения бросил на пол. Я последовал его примеру и оказался одет в темные брюки из немнущейся ткани, бежевый джемпер, модную синтетическую куртку и импортные югославские туфли, о

которых на гражданке мог только мечтать. Я хотел расспросить майора подробнее о том, что предстоит мне впереди, но он ушел в кабину к летчикам и не появлялся до самого конца полета, который длился около двух часов. Точнее определить время я не мог, потому что мои часы еще в прошлом году забрал себе в подарок уходящий на дембель ефрейтор. **Товарищ ефрейтор.**

Я летел на самолете впервые в жизни и намертво прилип к иллюминатору. На подлете к аэродрому мы долго кружили над огромным городом, которому не было видно конца и края. Судя по времени, что мы находились в воздухе, и размерам города, это была Москва. Около трапа нас ждала блестящая свежим лаком белая «Волга». Как только мы с командиром сели на заднее сиденье, водитель с невыразительным лицом лихо сорвал машину с места. Выехав с аэродрома, названия которого никто не считал нужным сообщить мне, он погнал «Волгу» по шоссе с такой скоростью, что я едва успевал замечать мелькание километровых столбиков. Потом мы свернули на узкую лесную дорогу, но скорости водитель не снизил, и у меня появилась неприятная мысль: если вдруг из-за поворота появится встречная машина, успеет ли он разминуться с ней? Но, к счастью, дорога была пустынной.

Лес кончился неожиданно. Могучие сосны расступились, и в этот момент у меня на долю секунды закружилась голова, и я даже прикрыл глаза. А когда открыл, то увидел справа гладь озера, и впереди, на возвышении, открылся дворец из сказки. Трехэтажный дворец с классическими колоннами, широкой лестницей и мраморными львами по обе ее стороны.

Моя нижняя челюсть отвисла до пупа, потому что увиденное совсем не было похоже на учебное заведение пусть даже самой засекреченной тайной службы. Скорее, дворец напоминал санаторий из сказочного фильма «Старик Хоттабыч», разве что вместо моря перед ним лежало озеро.

Мы с майором вошли в просторный холл, в котором не оказалось ни одного человека, чего я совсем уж не ожидал от такой серьезной конторы, которой рисовалась в моем воображении таинственная Служба. По моему мнению, здесь должен был дежурить, по меньшей мере, прапорщик с пистолетом на поясе. Майор, как ни в чем не бывало, подошел к стоявшему посреди холла большому полированному столу, раскрыл журнал в коленкоровом переплете, посмотрел записи и сказал мне:

— Твой номер двадцать седьмой. Это на втором этаже. Иди отдыхай. Если захочешь поест, буфет найдешь рядом.

Заметив мое смущение, он добавил:

— Не переживай, я знаю, что у тебя нет денег. Откуда они у солдата? Но платить ни за что не надо. Считай, что у нас коммунизм. Потом можешь погулять на воздухе, искупаться, но дальше озера не ходи. Заблудишься. Лестница на второй этаж вон там.

Он показал рукой направление. Я проследил его взглядом, а когда обернулся, майора в холле уже не было. Я осмотрелся — у майора просто не должно было хватить времени, чтобы дойти до входа или до любого другого места, где он мог спрятаться от меня. Командир будто растаял в воздухе. Я невольно поежился и поднялся по застланной красно-зеленой

ковровой дорожкой лестнице на второй этаж и оказался в широком и длинном коридоре, конец которого терялся в прозрачной дымке. Но двадцать седьмой номер обнаружился недалеко. Его дверь была четвертой по левой стороне коридора. Ключ торчал в замочной скважине. Я вытащил его и толкнул дверь.

То, что подобное великолепие может существовать в нашей стране, я просто не мог себе представить. Такое я видел только в каком-то не нашем кино. Номер оказался двухкомнатным, с большим залом и спальней поменьше. Мебель, которой он был обставлен, не могла быть изготовлена на советских мебельных фабриках, потому что советские мебельные фабрики такой мебели просто не делали. И такого санузла мне в жизни не приходилось видеть. Особенно поразила темно-синяя кафельная плитка с золотым узором, которой были отделаны стены ванной комнаты. Даже состоятельные граждане советской эпохи выкладывали стены кухонь и санузлов простенькой белой плиткой, и ту надо было еще достать...

Кто же я такой, черт возьми, что удостоился подобной роскоши? Может быть, это чья-то неумная шутка? Но вряд ли. Слишком дорого для шуточек. Взять хотя бы персональный рейс самолета...

Мои размышления прервал стук в дверь.

— Открыто! — крикнул я, но, кажется, меня не услышали. Я открыл сам, глянул на дверь и понял почему. Она оказалась раза в два толще обычной и вряд ли пропускала звуки.

У порога стоял тощий и длинный курносый парнишка лет пятнадцати-шестнадцати с круглым и лопухим веснушчатым лицом.

— Привет! — сказал он осторожно. — Вижу, ключа нет, значит, кого-то еще поселили. А то я уже третий день один здесь кантуюсь. Ты, значит, тоже курсантом будешь?

— Заходи, — подтолкнул я его и, высунув голову в коридор, огляделся.

— Можешь не смотреть, все равно никого не увидишь, — успокоил меня паренек. — Тебя как зовут?

— Володя, — ответил я несколько свысока. — А тебя?

— Мишка. Слышь, Вовка, ты похавать не хочешь?

— Не Вовка, а Володя, — поморщился я. — А похавать, в общем-то, можно.

— Тогда пошли! — не заметив моего недовольства, скомандовал он и вышел из номера.

«Ну, погоди, шкет! Придется ставить тебя на место, чтобы ты уяснил субординацию!» — подумал я, сразу сообразив, что по праву прибывшего первым малец считает себя здесь главным.

Как и говорил командир, буфет оказался рядом с моим номером, следующая дверь по коридору.

— А моя хата вон та, — Мишка махнул рукой на противоположную сторону коридора. — Тридцать вторая.

Буфет оказался большой комнатой с несколькими столиками, к каждому из которых было представлено по четыре стула. Буфетчица в нем отсутствовала начисто. Мишка напрямик направился за холодильные стойки к плитам, на которых стояли несколько кастрюль, и без всяких церемоний налил в тарелку два больших черпака густого борща, выловив там же изрядный кусок мяса.

— А что, на раздаче здесь никого нет? — удивился я.

— Ни разу никого не видел, — легкомысленно ответил мальчишка. Похоже, этот вопрос его не слишком занимал.

Он поставил тарелку с борщом на металлический поднос, туда же угнездил вторую тарелку с тремя котлетами без гарнира, но, полив их густым соусом, взял из стойки мисочку салата и отнес все это на ближайший столик.

— Я вааще-та уже обедал, — невнятно сообщил Мишка, пережевывая подхваченный по дороге бутерброд с красной рыбой. — Сейчас — это так, за компанию. Чтобы тебе скучно не было.

Я не особенно удивился. В полковой столовой я убедился, что именно такие, как Мишка, длинные, тощие и жилистые, обладают самым неутолимимым аппетитом. Однажды мой тезка, москвич Вовик Фефилов, на спор съел бачок гречневой каши, предназначенный для десятирех. Бедняге не хватало всего двух сантиметров до метра девяноста, после которых, как говорили, военнослужащий получает двойную пайку. Самое смешное было то, что в качестве выигрыша в этом пари ему достался завтрашний бачок каши...

— И что, съешь второй обед? — спросил я на всякий случай.

— А что тут такого? — Мишка бросил на меня наивно-удивленный взгляд. — Надо есть, пока дают!

— И где такому правилу учат? — улыбнулся я.

— Как где? — Паренек не уловил в моих словах иронии. — В детдоме, конечно.

— Вот оно что! — понял я. — А из какого города тебя привезли?

— Из Иркутска. — Мишка скорчил зверскую физиономию, показывая, что я мешаю ему пережевывать пищу. Но я не унимался:

— На чем привезли-то?

— Да на самолете, на чем же еще...

— И много вас в самолете было? — наострил я уши.

— Не-е, только мы с Петром Станиславовичем. Он еще велел себя командиром звать. А в детдоме говорил, что представитель он, из министерства... Соврал, конечно! Какое тут министерство! Это больше на шпионскую школу смахивает!

«Вот те раз! — подумал я. — Еще один уникам, за которым гоняли самолет аж на Байкал!» Я внимательно осмотрел парня, но не нашел в нем ничего замечательного, кроме фантастического аппетита.

— Чего это ты на меня так зыришь, будто я тебе рубль должен? — насупился Мишка.

— А ты не задумывался, — спросил я хмуро, — за какие это такие особые заслуги нас сюда привезли? Поселили во дворце, каждому отдельный номер, кормят, как английскую королеву... Ты когда-нибудь раньше ел такое?

Я ткнул пальцем в сторону холодильной стойки, уставленной блюдечками с черной и красной икрой, красным и янтарно-желтым рыбным балыком, тоненько нарезанной сухой колбасой невероятной твердости и другими невиданными деликатесами.

— Смеешься, что ли? — Он мотнул головой. — В детдоме кусочек мяса в супе поймать за счастье было. А ты?

— В том-то и дело! Я не из детдома, но такого тоже не то что не пробовал — в глаза не видел. Разве что в кино. Интересно, за кого нас тут принимают?

— Вот я и говорю, — философски ответил Мишка. — Ешь, пока дают!

Тут я не мог с ним не согласиться и приналег на закуски. Мне и на гражданке не приходилось пробовать таких деликатесов, а уж в армии...

Я обожрался самым натуральным образом. Пища, казалось, стояла выше кадыка, и я поражался, куда что лезет в Мишку. Но выглядел он вполне безмятежно. В принципе, он оказался неплохим парнем, и я временно отложил задуманное установление старшинства.

— Пойдем, может, прошвырнемся? — предложил он, когда мы вышли из буфета. — Можно на озере искупнуться. Там вода чистая и песочек хороший. Я вчера купался, нормально. Да, слушай, а ты как сюда попал?

— Из армии, — важно ответил я, подчеркивая разницу нашего с Мишкой положения.

— Ого! — уважительно сказал он, а я развил воспитательную тему:

— За мной командир прямо в штаб приехал и тоже на отдельном самолете сюда привез. — Я помолчал немного и добавил: — Нет, Мишка, все-таки чудес не бывает. Может, тут какая-то ошибка?

— Ну и черт с ним! — легкомысленно пожал плечами он. — Если и так, хоть несколько дней пожием, как буржуи, пока разберутся. Только не думаю, чтобы тут какая-то ошибка была, нужны мы им для чего-то...

Где-то слышались невнятные голоса, а когда мы подошли к лестнице, показалось, что в конце коридора мелькнул чей-то неясный силуэт.

— Видел? — спросил я паренька.

— Да тут все время так, — отмахнулся он. — Кто-то ходит, разговаривает, но я еще никого толком не видел. И, понимаешь, какая еще штука непонятная: если прямо по коридору идти, то возвращаешься сюда же. Я уже пробовал.

— Как так? — не понял я.

— А вот так! Как будто у коридора конца нет! — ответил он и беспечно махнул рукой. — Я уже и внимания не обращаю. Никто не трогает — и ладно!

Мишка накрепко усвоил несложные, но практические детдомовские понятия...

Забегая вперед, скажу, что на завтра же я проверил Мишкины слова. Он не соврал. Я долго шел по коридору, конец которого терялся в туманной дымке, и вышел к своему двадцать седьмому номеру, хотя все время шел прямо, никуда не сворачивая. Коридор никак не мог замыкаться в кольцо, но замыкался... Не поверив своим глазам, повторил опыт — результат был тот же. Впоследствии оказалось, что это далеко не самое таинственное из чудес, что ждали нас в Школе.

— Слушай, а как же мы будем без плавок купаться? — вспомнил я, когда мы по выложенной красноватым камнем дорожке вышли к озеру.

— Тьфу ты! — Мишка с досадой хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы вылетело! Плавки ведь в шкафу лежат, в твоей хате тоже должны быть. Да ладно, здесь все равно никого нет, можно и без трусов искупнуться.

Мы так и сделали. Сбросили с себя всю одежду и бултыхнулись в прогретое августовским солнцем озеро. Наплававшись вдоволь, вылезли на берег, надели трусы и растянулись на чистом желтом песке.

— Красота! — сказал Мишка, подперев руками голову. — Лучше бы, чтобы не было никакой ошибки и мы на самом деле кому-то здесь нужны...

— Ага, мечтай, — отозвался я, хоть у самого в голове крутилась та же мысль.

Купание освежило и разогнало послеобеденную дремоту, но через несколько минут лежания на теплом песочке стало снова клонить в сон. Однако терять время на дневной отдых в таком удивительном месте показалось мне кощунством, и, подскочив на ноги, я предложил:

— Хватит дрыхнуть, пошли-ка лучше по лесу погуляем!

— А может, лучше не надо? — почему-то смутился Мишка.

— Ты что? — не понял я.

— Командир говорил, что туда нельзя. Вроде как заблудиться можно, — неуверенно ответил он.

Мне командир говорил то же самое. Но для чего существуют запреты, как не для того, чтобы нарушать их? Здравый смысл подсказывал мне, что в лесу мы не найдем ничего интересного, а вот неприятностей можем поймать кучу, но бес-искуситель шептал противоположное.

— Где здесь блудить? — презрительно усмехнулся я. — Иди себе вдоль дороги... Ладно, если боишься, я могу и один сходить.

— Я боюсь? — вспыхнул парень. — Чего мне бояться? Пошли!

★

Лес из высоченных корабельных сосен был похож на Берендеево царство. Было в нем много таких мест, где солнечный луч никогда не достигал земли. Пахло прелью и грибами, и не верилось, что в каких-то полутора часах езды ревет и ворочается в своей каменной берлоге огромная Москва. Мы бродили, обходя поваленные деревья и сбивая палками огромные, чуть ли не с полуметровыми шляпками, ярко-красные мухоморы. В одном месте, там, где деревья слегка расступились и солнечный свет падал на небольшую полянку, мы нарвались на целую плантацию великолепных боровиков, крепконогих, толстеньких, как бочонки, с темно-коричневыми шляпками. Над всем этим великолепием, как глава большого семейства, возвышался огромный гриб с ножкой толщиной с мою руку и темной шляпой, которая вряд ли уместилась бы в корзине. Рвать их мы не стали. Жаль было уничтожать такую красоту, не во что складывать, да и что бы мы стали с ними делать?

Поняв, что ничего интереснее этого мы больше не найдем, я предложил заскучавшему Мишке возвращаться обратно. Отойдя немного от грибной поляны, мы встретили деревенского дедка в брезентовых штанах, заправленных в кирзачи, стареньком пиджаке и шляпе со свисшими к земле полями. На руке его висела наполовину наполненная грибами корзина.

— Здравствуй, дед! — весело сказал я. — Вон там целая поляна боровиков, шел бы туда!

— Ну, здорово, внучки, коли не шутите! — отозвался старик. — Знаю я про ту поляну, туда как раз и иду. А вы откуда? Из Москвы?

— Да мы случайно тут оказались, — уклонился я от ответа. — Ты скажи лучше, что это за место такое?

— Так Соловьево же! — искренне удивился чему-то дедок. — Заблудились, что ли?

— Что за Соловьево? — Я проигнорировал его вопрос.

— Как что? Село наше так называется.

Дальше расспрашивать я не стал, потому что о географии Подмосковья не имел даже смутного представления. Распрощавшись с дедом, мы вышли на дорогу и взяли направление вслед за движущимся на запад солнцем.

То, что мы заблудились, дошло до нас с Мишкой одновременно. Во-первых, от грибной поляны мы возвращались гораздо дольше, чем шли туда. Во-вторых, над озером не оказалось никакого дворца. Возвышение было, а дворца нет. В-третьих, через полчаса ходьбы впереди показалась деревня, скорее всего, то самое Соловьево, про которое говорил дед. А мы никакой деревни не проходили. Решив, что каким-то образом обошли дворец лесом, мы развернулись назад и, дойдя до озера, встретили на дороге давешнего деда. Корзина у него оказалась наполнена боровиками, а сверху красовался тот самый великан.

— Дед! — Я обрадовался ему, как родному. — Скажи, тут где-то здание должно быть, большое такое, в три этажа, на дворец смахивает. И озеро вот такое же рядом, только не это, конечно.

— Был такой дворец, — степенно ответил старик, поставив корзину на асфальт и приготовившись к долгой беседе. — Генерала Соловьева владение. Да вон же он!

Дед показал рукой на возвышенность за озером,

где в высокой траве угадывались разбросанные по всему холму большие белые камни.

— Только дворец тот еще в двадцатые большевики по камешку разнесли, — добавил он.

— Да нет, это не то совсем, — отмахнулся я. — Другой дворец, красивый такой, с лестницей и львами...

— Окстись, парень, другого такого отродясь в наших местах не было! — Дед посмотрел на меня как-то подозрительно.

— Как это не было, когда мы только час как оттуда? — разозлился я.

— Не веришь, так иди да поищи! — обиженно ответил старик, поднял корзину с грибами и зашагал в сторону деревни.

Мы с Мишкой отправились в противоположном направлении. Пройдя немного, я обернулся, но деда уже не было на дороге — или он успел дойти до поворота, или снова свернул в лес. Встреча с ним оставила у меня на душе какой-то непонятный осадок. Только на завтра я понял, чем это было вызвано, — слово «большевики» дедок произнес с нескрываемой гадливостью.

Шутки шутками, но дворец будто сквозь землю провалился. Мы прошагали километров пять, но не обнаружили не только здания, но и озера. Так мы мотались туда-сюда, пока не начало темнеть, и перед нами замаячила нерадостная перспектива ночлега в лесу. Но тут вдалеке на дороге появился человек, оказавшийся вблизи нашим командиром Петром Станиславовичем Радзивиллом. Мы чуть не завизжали от восторга, а он хмуро спросил:

— Что, заблудились? Говорил же, чтобы не ходили дальше озера! Бегай тут за вами...

Он повернулся и зашагал обратно. Мы поплелись следом. Примерно через сотню метров за поворотом показалось озеро, в котором отражались яркие огни великолепного дворца. Но перед этим у меня снова на мгновение закружилась голова и потемнело в глазах...

ГЛАВА 4

СЛУЖБА

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Меня не интересовало, что делал и с кем договаривался Витя — это было его заботой, но украинские пограничники беспрепятственно пропустили нас в стоявший за оградой поезд. Дождавшись конца процедуры досмотра, я увлек проводника в служебное купе. Двумя жестами и несколькими словами ввел его в состояние транса и заставил в темпе воспроизвести события утра двадцать седьмого июля. Это ему только казалось, что он ничего не заметил и ничего не помнит. На самом деле его подсознание зафиксировало каждую мелочь из происшедшего в то утро. Надо было просто правильно спросить. Через несколько минут мне стало ясно, на какой участок пути нужно обратить особое внимание. Потом мы с ним быстро составили фоторобот человека, внушившего соседу по купе мысль запереться в туалете, где его достал выстрел из снайперской винтовки. Закончив с этими делами, я отпустил проводника. Он похлопал глазами и отправился мыть туалет, не соображая, от-

куда на него накатило повышенное служебное рвение. Но не торчать же мне столько времени в грязи и вони!

Простояв в огороженной зоне контроля сорок минут вместо тридцати трех, положенных по расписанию, поезд свистнул и тронулся в сторону Харькова. Мы с Витей заперлись в туалете, где недавно принял смерть доктор наук из новосибирского Академгородка Леонид Назаров. Опустив окно, я всматривался в проносившийся мимо пейзаж, обращая внимание на те места и постройки, где мог прятаться снайпер. Мелькнувшую мысль о том, что мы можем разделить судьбу Назарова, я погасил в зародыше — мой внутренний советчик не подавал сигнала опасности, и это означало, что нам ничего не грозит.

Когда замелькали дома пригорода, я насторожился, чувствуя, что цель совсем близко. Оп-па!

Я толкнул Витю, показав ему на невзрачный кирпичный домик, прилепившийся метрах в двадцати от железнодорожного полотна.

— Левое окно! — Как всегда, напав на след, я почувствовал легкое возбуждение, будто хлебнул стаканчик крымского вина. — Запомнил?

— Да, — коротко ответил Витя.

Выскочив из поезда на перроне Харьковского вокзала, мы не стали дожидаться электрички. Не торгуясь, взяли такси и помчались обратно в Казачью Лопань, где оставили машину.

Витя отлично ориентировался на местности (иначе и быть не могло) и отыскал нужный домик довольно быстро. Нам повезло. Хозяева домика оказались пенсионерами, и мы застали их дома, точнее, на ого-

роде в позиции «а-ля рак». Витя помахал у них перед носом красной книжечкой, и мы переместились в дом, два окна которого выходили прямо на железнодорожное полотно. Допрос я начал без применения «спецсредств».

— Двадцать седьмого числа утром были в вашем доме посторонние? — спросил я, почти не сомневаясь, какой ответ получу.

— Это в понедельник, что ли? — Хозяин, седой и морщинистый, но крепкий еще мужик с ладонями размером с совковую лопату, повернулся к маленькой худой жене, ища у нее поддержки.

Она отрицательно покачала головой:

— Нэ, никого нэ було. Тільки мы с чоловиком.

Ну что тут поделаешь? Я провел у них перед глазами рукой, скороговоркой произнес несколько слов, и взгляды стариков затуманились. Теперь только успевай правильно ставить вопросы.

Неожиданных визитеров в тот день было двое, но в обычном состоянии старики никогда бы их не вспомнили. Один незнакомец поставил им мощный гипнотический блок, а второй вытащил из футляра какие-то железки, которые, собранные воедино, превратились в длинную винтовку. Судя по описанию «чоловика», это действительно была снайперская винтовка Драгунова. Потом открыл окно, положил ствол на подоконник и замер, сидя на табуретке. Когда мимо дома проходил московский поезд, гипнотизер махнул рукой, и стрелок нажал на спуск. Выстрел из-за грохота колес прозвучал почти не слышно.

Если бы следствие даже вышло на стариков, то все равно ничего бы от них не узнало. Тот, кто рабо-

★ тал с ними, был силен. Но вряд ли он предполагал существование уровня, на котором работают офицеры Службы. Я оказался ему не по зубам и расколол его блок, почти не напрягаясь. Дальнейшее было делом техники. Я разложил ноутбук, открыл программу «фоторобот», и дело пошло. Когда свидетель находится в состоянии транса, получить портрет нужного человека гораздо легче, чем в обычных условиях, а тут мне даже повезло и свидетелей оказалось двое.

Обычная память может многое упустить, подсознание — никогда. Через полчаса у меня были готовы портреты обоих подозреваемых, гипнотизера и стрелка, как я их обозначил для себя. В идентичности портретов я не сомневался.

Покидая дом, я снова заблокировал память хозяев. Конечно, хороший специалист мог справиться и с моим блоком, но для этого он должен быть сильнее меня, а таковые, как я скромно надеялся, имелись только в Службе.

По дороге я в тысячный, наверное, раз задумался о том, насколько современная компьютерная техника если не облегчила, то ускорила мою работу. Давно ли я составлял фотороботы с помощью карандаша и набора трафаретов? А потом, получив достаточно похожее на оригинал изображение, отправлял его с курьером, чтобы и так загруженные работой сверх всяких пределов коллеги, зарывшись в архивы, сличили его с тысячами фотографий? Правда, этих коллег я ни разу не видел и о перегруженности их мог только догадываться. Нет, технический прогресс — великое дело. Казалось бы, чем больших высот он достигает, тем меньше у нас должно быть работы. Но

нет, почему-то с каждым годом все меньше оставалось у меня времени для досуга...

Додумать я не успел, потому что мы подъехали к дому Виктора на улице Сумской. Витя нагло бросил «Фольксваген» прямо под знаком «Стоянка запрещена», и мы отправились обедать в ближайший ресторан и только после этого пошли домой. Там я поставил ему задачу на завтрашний день, втайне ожидая, когда же он начнет возмущаться — я сам понимал, что на ее выполнение в нормальных условиях нужно потратить по меньшей мере три дня. Но не дождался. Витя невозмутимо кивнул и оставил меня одного, отчего значительно вырос в моих глазах.

Внешняя картина преступления была более-менее ясна. Гипнотизер, едущий в одном вагоне с Назаровым, заставил его после прохождения пограничного досмотра запереться в туалете и, не отходя, стоять около открытого окна. В это же время второй гипнотизер в паре со снайпером заняли позицию в доме пенсионеров. Должно быть, был кто-то четвертый, корректирующий выстрел, но это еще требовало выяснения, как и главный вопрос — кому и чем мешал физик Назаров. Но был возможен вариант, что мне дадут довести расследование только до какой-то определенной точки, и я никогда этого не узнаю. Случалось и такое.

Я вошел в Сеть, ввел в поисковую систему, известную лишь офицерам Службы, фотороботы трех подозреваемых — двух гипнотизеров и стрелка — и приготовился ждать. Сведения по стрелку всплыли довольно быстро. Им оказался некий Руслан Гарипов из Казани, прошедший террористическую

★

подготовку на Ближнем Востоке, бывший мастер спорта по стрельбе, давно и безуспешно разыскиваемый спецслужбами страны. Это были официальные данные. А неофициальные говорили, что те же спецслужбы несколько раз использовали Гарипова в своих интересах. Но спрашивать его о чем-то было поздно — вчера его тело, изуродованное винтом грузового теплохода, было выловлено из канала имени Москвы.

Примерно это я и предполагал и стал терпеливо дожидаться данных по гипнотизерам. Но почему-то они запаздывали. Грешить на технику я не мог, компьютеры Службы не глючили никогда. Но сейчас мой ноутбук явно тормозил. Никогда еще мне не приходилось так долго ожидать ответа на запрос. Специалисты Службы качали информацию не только из баз данных ФСБ, МВД и других отечественных спецслужб, но, как я с полным на то основанием подозревал, влезали в сети всех наиболее значительных разведок мира. Сеть Службы и ее поисковая система по быстрдействию на порядок превосходили любую из других известных мне. И еще я доподлинно знал, что наши спецы могут со своих машин не только войти в любой компьютер мира, но и влезть в пусковые системы межконтинентальных ракет и даже хваленые президентские ядерные чемоданчики. Дело не только в том, что в Службе работают лучшие специалисты, хотя и в этом тоже. Они используют в работе знания, которые еще очень не скоро станут известны науке...

...Мой ноутбук пискнул, и на мониторе вместо заставки появилось лицо Радзивилла. Я включил переговорное устройство.

— Немедленно сними свой запрос! — почему-то шепотом произнес он.

Я никогда не видел такого выражения на лице своего командира.

ГЛАВА 5

ШКОЛА

В АНТИСОВЕТСКОМ ЛОГОВЕ

Нам с Мишкой, фамилию которому в свидетельство о рождении вписал директор детдома, чья фантазия не зашла дальше Иванова, недолго довелось оставаться полновластными хозяевами генеральского буфета. Назавтра после нашей так постыдно закончившейся самоволки в соседнем, двадцать пятом, номере объявился невысокий толстенький парень. Был он лет семнадцати, с густой черной шевелюрой, печальными, чуть навывкате, карими глазами и большим носом с горбинкой. По всей его великолепной прическе, от темени до самого чуба, тянулась узкая прядь совершенно седых волос.

— Боря Кацнельсон! — представился он, не подавая руки.

— Немец, что ли? — удивленно спросил Мишка. Его невежество, как и непосредственность, не знали границ.

— Почему немец? — нахмурился Боря. — Я еврей.

— Да ты что! — почему-то восхитился Мишка. — В жизни не видел! А мы с пацанами еще гадали — какие они, евреи?

— Что тебе не нравится? — Боря еще больше по-

темнел лицом и сжал пухлые кулаки. — Ты хотел, чтобы у меня на голове рога росли?

— Все, кончайте! — предупреждая скандал, я встал между ними. — А ты, Мишка, язык бы придержал! Какая тебе разница — еврей, немец?

— Да я что? — Мишка так ничего и не понял. — Я ничего! Тебя, вааще, откуда сюда привезли?

Убедившись, что национальный вопрос исчерпан, но все еще не до конца доверяя нам, Кацнельсон ответил:

— Из Москвы!

— Из самой Москвы? — восхищенно переспросил Мишка, вытаращив на Боря бездонные голубые глаза. — И что, с родителями жил или тоже детдомовский?

— Почему детдомовский? — удивленно спросил Боря и вдруг совсем по-детски сморщил лицо, и по его пухлым щекам полились слезы.

— Ты что? — опешил я.

— Родителей, — он всхлипнул, — убили!

Когда нам с Мишкой удалось кое-как его успокоить, Боря рассказал, что их семья собиралась отбыть на жительство в Израиль. Отец был широко известным в узких московских кругах ювелиром и коллекционером, и жила семья небедно. Все уже было готово, мебель распродана, вещи собраны, драгоценности надежно спрятаны. Но вечером, предшествующим отъезду, в квартиру обманом проникли какие-то вооруженные люди и стали пытаться родителей, требуя деньги и драгоценности. Получив требуемое, они все равно убили мать и отца и ушли. Сам Боря остался жив лишь потому, что во время налета оказался в дальней комнате и успел спрятаться

под кроватью. После похорон родителей он остался с девяностолетней прабабкой. А вскоре откуда-то появился участливый Петр Станиславович Радзивилл, помог устроить прабабку в дом престарелых и сделал Боре предложение, от которого тот не стал отказываться...

Еще через день командир привез из Астрахани совсем молоденького, но какого-то ушедшего в себя, замкнутого парня с огромными черными глазищами — Мустафу Рахимова, который представился Митей и не стал ничего про себя рассказывать. Потом, и последним, появился коренастый крепкий мужик лет тридцати, в котором угадывалась военная косточка, но с одутловатым лицом выпивохи. Назвался он Павлом Алексеевичем и этим вызвал общее неприятие. Мало того, он демонстративно не желал общаться ни с кем из нас, даже в буфете сел через два столика от всех. Тут за ужином у него и возник конфликт с Мишкой. Паренек уже уселся за стол, а Павел Алексеевич еще только заполнял свой поднос.

— Слышь, Паша, захвати мне рыбки, вон той, красненькой, — простодушно попросил Мишка.

— Какой я тебе Паша, щенок! — неожиданно взвился тот. — Пойди и сам возьми!

— Фу-ты ну-ты! — Мишка не полез в карман за ответом. — Важный какой выискался! Петух топтанный!

— Это ты мне? — побагровел Павел Алексеевич и подошел к Мишке вплотную. — Повтори-ка...

— И повторю! Петух...

Не выдержав такого оскорбления, Павел Алексеевич схватил Мишку за оттопыренное веснушча-

твое ухо. И тут произошло то, чего никто из нас не ожидал. Острый Мишкин кулак врезался под дых обидчику с такой неожиданной силой, что тот согнулся пополам. Другой кулак тут же впечатался в нос, из которого брызнули струйки крови.

— Что тут у вас?

Я не заметил, откуда появился в буфете Радзивиш. Ох и достанется же сейчас Мишке! Но Павел Алексеевич повел себя совсем не так, как я ожидал.

— Да вот, поскользнулся случайно. Надо же, нос разбил! — ответил он, вытирая кровь белоснежной салфеткой.

— Бывает! — произнес без всяких эмоций командир, взял бутерброд с колбасой и вышел из буфета. Я напряженно ждал продолжения конфликта, в котором приготовился стать на Мишкину сторону. Но Павел Алексеевич снова удивил всех.

— Ну ты и черт! — уважительно сказал он Мишке. — Ладно, будь по-твоему. Паша так Паша.

Надо сказать, что уже через неделю их отношения стали даже не дружескими, а по-настоящему братскими. Сблизило их то, что Паша, как и Мишка, был детдомовским. Из Омского детского дома он попал в Суворовское училище, потом в военное и стал офицером-танкистом. Но через три года был сначала разжалован из старшего лейтенанта в лейтенанта простого, а потом и вовсе изгнан из армии за дискредитацию офицерского звания. Что конкретно означала такая формулировка, Паша не расшифровывал, но из армейского опыта я знал: офицеру надо очень постараться, чтобы вылететь из Советской армии, не отдав ей двадцать пять лет от звонка до звонка.

После этого он несколько лет работал грузчиком

в магазинах, постепенно опускаясь на жизненное дно. Но Радзивилл не дал Паше достигнуть низшей точки падения. Отыскал его, руководствуясь одному ему известными признаками, и привез из Свердловска сюда, в Подмоскowie.

Через несколько дней раскололся и молчаливый Митя-Мустафа. Оказалось, что ему было пятнадцать лет и его отчим занимал важный пост в министерстве торговли Башкирии. Родная его мать год назад умерла на операционном столе из-за ошибки анестезиолога. То ли с похмелья, то ли по какой другой причине он перепутал препараты и ввел совсем не то, что было нужно. Банальная операция по удалению аппендикса закончилась летальным исходом. Отношения с пасынком у вдовца никак не ладились, и паренек стал сбегать из дома. Тем более что недавно отчим привел в дом другую женщину и велел называть ее мамой. В одном из таких побегов Митю и подцепил Петр Станиславович, найдя его в Астрахани...

Вот такая подобралась у нас странная компания.

Неизвестно, как ему это удалось, но на второй день после приезда Митя уговорил Кацнельсона сходиться в самоволку. Звал он и нас с Мишкой. Мы, конечно, отказались и, перемигнувшись, не стали им препятствовать. Не одним же нам выглядеть в глазах командира лопухами! Пусть и они попробуют. Разумеется, они, как и мы, заблудились и с позором вернулись домой в сопровождении командира. Один только Паша избежал такой неприятности. Скорее всего, он просто был предупрежден Мишкой.

Через три дня после того, как собралась наша пятерка, начались занятия в Школе. Нашим «классным руководителем» стал Радзивилл, но, как и в обычной

школе, специальные предметы вели разные учителя. Откуда они появлялись, мы ни разу не видели, лишь подозревали, что обитали они или на первом, или на третьем этаже дворца. Но, как мы ни старались, нам так и не удалось найти ведущую на третий этаж лестницу. А все двери в находящемся на первом этаже просторном холле были постоянно закрыты и открывались только во время занятий. В другие часы, кроме нашего командира и уловленных боковым зрением скользящих силуэтов в коридорах и других помещениях дворца, мы не встречали никого. Так же как ни разу не застали поваров, готовящих еду. Хотя в буфете в любое время суток можно было обнаружить кипящие на плите кастрюли и свежие закуски в холодильнике.

Но я забежал вперед, а надо рассказывать по порядку. Для теоретических занятий нам был отведен большой полукруглый зал на первом этаже. Полукруг целиком состоял из высоченных, чуть ли не под самый четырехметровый потолок, ажурных окон. Мы впятером сидели спиной к ним, а учитель располагался в центре, стоя за чем-то вроде кафедры или сидя за приставленным к ней столом. Первый урок с нами провел командир, и я запомнил его на всю жизнь.

— Я буду вести у вас историю! — Петр Станиславович обвел нас взглядом, в котором мне почудилось что-то странное. — Только это будет совсем не та история, которую вы изучали в школе или про которую читали в книгах. Вы это быстро поймете.

Радзивилл посмотрел на меня, и я поежился от его взгляда. Может быть, он знает о моем тайном увлечении? Дело в том, что я был очень последователен

в своем любопытстве, и если уж оказывался заинтересован какой-нибудь исторической личностью, будь то Тимур Тамерлан или император Александр I, то не успокаивался, пока не перечитывал все, что только мог найти про них в библиотеках. Отец, который сам преподавал историю в педагогическом институте, поддерживал мои увлечения. Особенно же меня интересовала история революции и Гражданской войны. После школы я даже пытался поступить на исторический, но не прошел по конкурсу. При хороших оценках по истории и литературе по всем остальным предметам у меня в аттестате стояли сплошные тройки.

Сейчас командир смотрел на меня так, будто хотел сказать: что же, посмотрим, чего стоят твои знания! А может быть, это мне просто показалось, потому что заговорил он совсем о другом. От того, что он нам рассказывал, у меня шевелились на голове волосы, и я едва удерживался, чтобы не вскочить из-за стола и бросить в лицо командиру гневные обличения. Помогла мне в этом неожиданная мысль: вот он, мой час! Я чувствовал себя советским разведчиком в логове врага и знал, что обязан пробиться к своим, чтобы доставить ценнейшие секретные сведения. Того, что наговорил нам командир, хватило бы, чтобы расстрелять его восемь раз подряд. А потом поднять и снова расстрелять.

Несколько раз я нервно оглядывался, желая увидеть реакцию остальных. Мишка, по своему дремучему невежеству, скорее всего, мало что понял и выглядел совершенно спокойно. Кажется, он даже откровенно скучал на уроке. По невозмутимому лицу Мити-Мустафы трудно было что-то определить.

★ Паша утрюмо смотрел на Петра Станиславовича, но поди пойми, о чем он думал, — в тридцать лет человек лучше умеет сдерживать эмоции, чем в девятнадцать. Тем более что после всех своих злоключений он мог и не испытывать особых симпатий к советской власти. Один Боря Кацнельсон слушал урок, открыв рот и ловя каждое слово. Глаза его сияли, будто он попал на выступление любимого артиста. «Тоже мне, диссидент!» — со злостью подумал я. В то время каждый советский гражданин твердо знал, что диссидент — это человек, у которого не все в порядке с головой. Много позже мне стало известно, что во многих случаях это не слишком расходилось с истиной.

Мне до сих пор стыдно вспоминать о том, что я натворил после первого дня обучения в Школе. Успокаивает лишь то, что кое-кто из однокашников наделал глупостей не меньше моего.

К концу урока я, сжав зубы, пытался всеми силами не показать своего отношения к тому, что говорил Радзивилл (какова наглость, даже фамилии своей контрреволюционной скрывать не стал!). Еле дождавшись конца занятий, я не пошел со всеми на ужин, отговорившись тем, что разболелась голова и мне надо побыть на свежем воздухе. Медленно спустился по дорожке к озеру, прошел по берегу в сторону леса и, убедившись, что за мной никто не следит, помчался по дороге, ведущей к шоссе. Цель у меня была одна: добраться до первого милицейского патруля и потребовать, чтобы меня немедленно доставили в ближайший отдел госбезопасности. Я был обязан исполнить долг советского человека — разоблачить банду контриков, а может быть, даже ино-

странных шпионов, свивших рядом с Москвой, под самым носом у КГБ, антисоветское гнездо. И тогда мои армейские командиры узнают, что нарушитель воинской дисциплины и злостный самовольщик может быть настоящим героем...

Я бежал, постоянно оглядываясь в ожидании погони, и готов был, увидев сзади свет фар, немедленно спрятаться в лесу. Но дорога была пустынна. «Волгу» с надписью «ГАИ» я увидел сразу, как только проселок уперся в широкое шоссе. Машина автоинспекции с потушенными фарами стояла в засаде рядом с перекрестком так, что водители замечали ее в последний момент и не успевали сбросить скорость. Сержант и лейтенант были не слишком довольны, что их сорвали с хлебного места, но, услышав грозную аббревиатуру — КГБ, не решились возражать и, посадив меня на заднее сиденье, сразу рванули с места.

Ехали мы быстро, дорога не была освещена, и я понятия не имел, куда меня везут. Но минут через пятнадцать мы остановились около какого-то утопающего в темноте здания, и лейтенант нажал на кнопку звонка у входной двери. Открыл нам прапорщик в фуражке с синим околышем, и я облегченно вздохнул — здесь меня не достанет никакой Радзивилл!

Милиционер остался за дверью, а меня прапорщик провел в кабинет, в котором, кроме стола с телефоном и двух стульев, ничего больше не было. Показав мне на стул, прапорщик молча вышел, и в двери щелкнул замок. «Зачем?» — удивился я. Я пришел сюда по своей воле и вовсе не собирался убежать!

Не знаю, сколько мне пришлось ждать, но време-

ни прошло довольно много. Наконец замок снова щелкнул, и в кабинет вошел человек лет тридцати, в строгом сером костюме и темном галстуке, с ничего не выражавшим лицом. Он положил на стол кожаную папку с хромированным ромбиком в уголке, на котором было что-то написано витиеватыми буквами, достал из нее несколько листов бумаги. Постучал обрезом стопки по столу, аккуратно сровнял листы и положил их перед собой. Потом достал из внутреннего кармана пиджака авторучку, свинтил с нее колпачок, внимательно посмотрел на перо, снял невидимую соринку и положил ручку рядом с бумагой. Все эти приготовления действовали мне на нервы, и я стал ерзать на своем стуле. Только тогда чекист сообразоволил заговорить со мной.

— Итак, молодой человек, вы что-то хотели сообщить органам госбезопасности? — спросил он, не представившись. А еще меня удивило, что он не поинтересовался моим именем. По многочисленным фильмам я знал, что следователь в первую очередь вписывает в протокол данные собеседника. В этом было какое-то несоответствие, но я решил не обращать на него внимания.

— Тут, недалеко, есть большой дворец, — сбивчиво заговорил я. Почему-то из моей головы улетучились слова, которые я готовил всю дорогу. — Так вот там... там...

— Что там? — очень вежливо спросил чекист.

— Там... — Я вдруг с ужасом понял, что не помню, о чем хотел рассказать. Что-то очень важное, но — хоть убей...

Я молчал и безумными глазами смотрел на чекиста.

— Молодой человек, надеюсь, вы понимаете, что здесь не место для шуток, — все так же вежливо сказал он.

— Ладно, хватит! — послышался от дверей знакомый голос.

Я повернулся и увидел неслышно вошедшего в кабинет Радзивилла.

— Хватит с него! — добавил командир и жестом приказал мне следовать за ним.

Я тащился на ватных ногах по длинному коридору, и мне было отчаянно стыдно. Все перепуталось в моей голове. Я даже толком не понимал, что натворил, но чувствовал — что-то нехорошее. Шли мы долго, потом поднялись по покрытой красно-зеленой ковровой дорожкой мраморной лестнице, и я оказался перед своим двадцать седьмым номером.

Уже засыпая, я вспомнил, как в милицейской «Волге» у меня вдруг закружилась голова. Только теперь я понял, что это было симптомом близости Школы.

ГЛАВА 6

СЛУЖБА

ПРИКАЗАНО БЕЖАТЬ И НИКОМУ НЕ ДОВЕРЯТЬ

...Я никогда не видел такого выражения на лице своего командира. На нем застыл ужас.

— Володя, снимай запрос, быстро! — Ужас был показной, предназначенный для тех людей, что стояли рядом с ним, но не были видны на моем мониторе. — Тебя вот-вот вычислят и перехватят!

Значит, уже вычислили, понял я, и времени у меня почти не осталось.

— Командир, я не понял... — промямлил я испуганно. — Что случилось?

На самом деле я все отлично понял. Последовательность слов и интонация, с которой они были произнесены, означали, что командир находится под контролем. Точнее, на него было направлено не меньше трех стволов. С двумя вооруженными людьми, даже хорошо подготовленными, он справился бы если и не играючи, то... Короче, справился бы в любом случае. А вот когда противников больше, возникают определенные сложности, хотя тоже не смертельные. Был еще один вариант: командира взял под контроль кто-то из работников Службы, выше его рангом. Только это было совсем уж похоже на фантастику.

Но ничего, попробуем разобраться. Языку мимики и жестов, акцентов и интонаций командир обучал всех своих курсантов в индивидуальном порядке, и для каждого из нас этот язык оказывался свой, неповторимый и непонятный для других. То есть, с вероятностью в девяносто девять и девять десятых процента, разговор, который мы вели параллельно тому, что слышали окружающие, оставался непонятен для непосвященных. Даже по телефону, не видя друг друга, мы могли вести тайный диалог, делающий бессмысленным любое прослушивание. Правда, это было труднее.

— Не спрашивай, я сам не понимаю. — Радзи-вилл поморщился, не в силах унять нервный тик — левое веко у него мелко подрагивало. — Сиди на мес-

те и никуда не высовывайся! Через несколько минут тебе на помощь придут наши люди.

На самом же деле нервный тик на лице и панические интонации в голосе командира говорили: «Беги без промедления и действуй по плану «D»!»

Вот это да! Этого я ожидал меньше всего.

— А как быть с Виктором? — спросил я. — Ему тоже что-то угрожает?

— У него есть свой командир. — Радзивилл махнул рукой с особым образом поджатыми пальцами, и это значило — харьковчанин предупрежден и уже выбирается сам. А квартира безнадежно засвечена, и скоро здесь будет жарко.

Я набрал в легкие воздуха, чтобы задать очередной вопрос, но поперхнулся и закашлялся. Командир отлично меня понял и просигналил взглядом: «Не доверяй никому. Я на самом деле ничего не знаю. Случилось что-то невероятное».

Вдруг его лицо застыло, но это продолжалось недолго. Командир болезненно вскрикнул, чуть ли не прокричал глазами: «Беги!» — и монитор погас. Я быстро набрал на клавиатуре пароль из двадцати цифр, нажал «Enter» и швырнул ноутбук на диван. Через четыре секунды вся его электронная начинка разогрелась до температуры в полтысячи градусов и потекла струйками расплавленного металла. От жара немедленно занялись вонючим пламенем синтетическая обивка и поролоновая начинка дивана. Пожар должен был хотя бы на несколько мгновений задержать погоню, чьи шаги я уже слышал около подъезда.

Не теряя времени, я бросился на кухню и в отчаянном прыжке нанес сильный удар кулаком по леп-

ной розетке на потолке. Слева от газовой плиты раздался едва слышный щелчок. Я нажал на стену в этом месте. Лопнули обои, и часть кирпичной стены раскрылась, как дверь. Наступив на узкий порожек, я закрыл за собой проход и, не мешкая, прыгнул в темный провал под ногами. Приземлился я, как и ожидал, на что-то мягкое, сразу отскочил в сторону и дернул рычаг, который рассмотрел в тусклом свете, проникавшем сюда через какое-то окошко. Раздался грохот — это с высоты четвертого этажа рухнула груда обломков кирпича, завалившая щель и лишившая преследователей возможности идти за мной по пятам. Подозреваю, что эта груда была заложена еще при строительстве дома.

От щели, через которую я спрыгнул вниз, отходил узкий лаз, отвратительно вонявший кошачьей мочой. Согнувшись в три погибели и стараясь дышать как можно реже, я прошел по нему сорок шагов и уперся в тупик. Это меня не остановило. Нажав на четвертый кирпич слева в седьмом ряду, я привел в действие механизм запора, и эта стена тоже оказалась дверью. За ней открылся подвал с проложенными по стене трубами. Но это был подвал не того дома, из которого я только что сбежал, а соседнего. Следуя поворотам узкого коридора, свет в который пробивался через маленькие окошки, в большинстве своем забитые фанерой, я отсчитал тридцать семь шагов. С одной стороны тянулись трубы, с другой — ряд дверей, за которыми размещались кладовки жильцов.

Прямо передо мной оказалась обитая жестью дверь с намалеванной на ней половой краской цифрой восемь, что должно было означать принадлеж-

ность к восьмой квартире. Дверь была заперта на огромный висячий замок, но это меня не смутило. Я повернул головку ржавого болта, которым петля крепилась к стене, потянул на себя дверь, и она беззвучно открылась. Я вошел в захламленный чулан, зажег свет посредством доворачивания лампочки в патроне и закрыл за собой дверь. Болт стал на место, и я заstopорил его лежащим рядом гвоздем. Теперь я был уверен, что в подвал никто не проникнет, не имея ключа или лома.

Сдвинув хлам в сторону, я добрался до стены, нашел нужный кирпич, открыл очередную дверь и оказался в тоннеле непонятного назначения со сводчатыми стенами из красного кирпича. Так, передвигаясь по подземным ходам и подвалам, через два часа я оказался километрах в полутора от покинутого мной дома с подожженной конспиративной квартирой. Остановившись в нужном месте, я прикрыл глаза, мысленно привязываясь к карте лежащего надо мной района. И одновременно уловил впереди едва слышный шорох. Я открыл глаза, никого не увидел, но услышал чье-то затаенное дыхание. По моему изменившемуся поведению спрятавшийся человек понял, что обнаружен, и тихо спросил:

— Володя?

— Да! — так же тихо ответил я своему харьковскому помощнику Вите Слободенюку. — А ты что здесь делаешь?

— Как что? — удивился Витя. — Тебя жду!

Он подошел ко мне, и я приготовился к любой неожиданности. Командир сказал — не доверяй никому. А это значило — **никому!** Появись сейчас здесь сам Радзивилл, я бежал бы от него сломя голову. От

Вити я, понятно, бегать не буду, молод еще, но совет командира надо исполнять буквально.

— Какой ты получил приказ? — жестко спросил я.

— Уйти на дно... — растерянно ответил он. И дурак, я на его месте лучше бы промолчал. Обязан был промолчать.

— Значит, тебе не приказывали помогать мне?

— Нет... Но я думал...

— Не надо ничего думать! — Голос мой звучал бесстрастно, но я проглотил возникший в горле комок. — Все давно продумано! Делай, что приказано, а обо мне не беспокойся.

Уж очень парень напомнил мне сейчас меня самого, каким я был после выпуска из Школы. Романтического, наивного и готового на подвиг. Это потом жизнь обломала меня... Но приказ есть приказ. План «D», один из разработанных на все случаи нашей беспокойной жизни, недвусмысленно говорил: после получения сигнала от командира агент должен, не вступая в контакт ни с кем из коллег и сослуживцев, любыми способами пробиваться в Центр. Именно пробиваться. Потому что раз уж дошло до реализации плана «D», то это значило, что земля горит под ногами. А Центром была Школа, но об этом я узнал только после ее окончания. Как и о том, что здание над озером было абсолютно недостижимо для посторонних и, кроме всего прочего, служило своеобразным санаторием для офицеров Службы. Были у него и другие предназначения, о которых школярам знать было не по чину...

Я опасался, что Витя не уйдет и будет упорствовать в желании остаться со мной. Тогда я буду обязан

принять решительные меры. Но он, не прощаясь, повернулся и исчез в темноте. Вид его спины при этом выражал горькую обиду. Я подождал, пока затихнут шаги, и пошел в другую сторону. План тайных подземных ходов города я штудировал всю ночь перед отъездом в Харьков, вытащив его из базы данных Службы, поэтому вышел на поверхность именно там, где нужно.

Металлический гараж, что приткнулся в углу большого двора рядом с мусорными контейнерами, принадлежал нашему центральному отделению, и местный агент ничего о нем не знал. Я сам узнал про него от командира перед самым отъездом. Подойдя к гаражу, я сделал вид, что сую в декоративную замочную скважину несуществующий ключ, а сам левой рукой нажал в нужной последовательности на несколько заклепок, во множестве украшавших дверь по всему периметру. Замок щелкнул, и я вошел внутрь. Там стоял автомобиль — старый, пошарпанный светло-зеленый «жигуль»-«шестерка». С конвейера он сошел в семьдесят пятом году прошлого века, но, по заверению командира, обладал ходовыми качествами «Феррари».

Прежде всего я умылся, воспользовавшись водой из найденной на верстаке канистры, и вычистил испачканную в беготне по подземелью одежду. Потом сел на переднее сиденье, включил в салоне свет и достал из тайника под приборным щитком кожаный бумажник. В нем оказались документы на автомобиль, водительское и пенсионное удостоверения и два российских паспорта — общегражданский и заграничный. Все бумаги были выписаны на имя Алексея Борисовича Петровского, тысяча пятьдесят

второго года рождения, что соответствовало моему истинному возрасту. Человек на фотографиях выглядел так, как должен был выглядеть сейчас я, не попади в свое время в Школу. Может быть, с небольшими расхождениями, но именно из-за них никто не должен был узнать в обладателе документов, новоиспеченном норильском пенсионере украинского происхождения, Владимира Кубанского, то есть меня. Номера на машине были белгородские. В бумажнике имелось даже свидетельство о временном ввозе транспортного средства в самостийну Украину.

Теперь предстояло главное. Развернув зеркало заднего вида на себя, я провел несколько специальных упражнений для мимических мышц, слегка размял лицо руками и взялся за дело. Напрягая одни мышцы и расслабляя другие, постукивая и пощипывая, я менял свою физиономию. Постепенно на лбу стали появляться глубокие складки, глаза окружили морщины, даже сама кожа лица и шеи одрябла, и на ней проступили пигментные пятна. Убедившись, что теперь я неотличим от изображения на фотографиях и никто не даст мне меньше указанных в документах лет, я занялся кожей на кистях рук — уж слишком она была гладкой и молодой. Больше ничего делать не стал, потому что раздеваться перед посторонними не собирался.

Держать лицо измененным без особого напряжения я мог примерно неделю. Потом начинались неприятные ощущения. Но грош мне цена как агенту Службы, если за такое время я не смогу добраться до Москвы.

Неожиданно в моем кармане зазуммерил сотовый телефон. На мой номер пришло СМС. Я насто-

рожился: после введения плана «D» я не имел права пользоваться никакими видами связи, а все телефонные звонки, текстовые сообщения и вообще любую полученную из внешних источников информацию следовало расценивать как враждебную. План предписывал не отвечать на звонки и не открывать мобильные сообщения и электронные письма. Поэтому я проигнорировал сигнал. Существует такая хитрая программка, отправляемая на нужный номер с помощью СМС. Открой я ее, и она превратит мой аппарат в подслушивающее устройство, после чего запеленговать меня будет проще простого. Единственным человеком, знавшим номер, которым я пользовался здесь, в Харькове, был командир. По той простой причине, что он сам передал мне перед отъездом сим-карту и, конечно, после объявления тревоги не стал бы посылать мне на него сообщения.

Но кто эти таинственные враги, которые умудрились поднять такой переполох? Я напряг память и поднял в ней данные, усвоенные на уроках истории. План «D» не подразумевал вторжения враждебных сил с той стороны. Он вводился в тех случаях, когда Службе грозило излишнее внимание государства или других организаций, способных доставить ей мало-мальски ощутимые проблемы.

Насколько мне было известно, секретным подразделением Империи три раза удавалось подойти близко к Службе: впервые при Александре I (правда, изданный им указ о запрете тайных союзов подействовал в прямо противоположном направлении, так что тогда дело решилось само собой). Потом это случилось при Сталине и повлекло за собой гибель нескольких сотен ни в чем не повинных людей, кото-

рые даже не подозревали о существовании Службы. И последний раз — в короткое правление Юрия Владимировича Андропова. Собрав воедино туманные слухи и отрывочные данные агентуры, он сумел сделать соответствующие выводы. Втайне от коллег по политбюро он подготовил, как теперь говорят, наезд на нас с целью подчинить Службу себе и использовать ее в своих интересах. Хотя, что такое Служба на самом деле, имел весьма туманное представление. Скорее всего, он принимал ее за некую тайную мажонскую ложу с разветвленными международными связями.

Вот только использовать Службу для такой ерунды, как интересы политиков, невозможно в принципе. Это она, когда нужно, использует в своих интересах любого политика.

Но при любых осложнениях дело ни разу не доходило до полной реализации плана «D», как и других по алфавиту. Наезды довольно легко отбивались (в последней акции довелось поучаствовать и мне), участники тайных операций все равно не знали, во что они вляпались по долгу службы и приказу начальства. Если кто и догадывался, то быстро забывал об этом. А узнавшие частицу правды организаторы, в том числе и самые высокопоставленные, обычно не заживались на этом свете. Или же с ними происходили чудесные превращения, как то случилось с государем императором Александром I. Слишком серьезные задачи стояли перед Службой, чтобы доверять их тайну случайным людям. Даже если этот человек — помазанник Божий. Но применять к помазаннику Божию радикальные меры было негоже,

и он отправился странствовать по свету в образе старца Федора Кузьмича...

Сегодняшняя тревога выходила далеко за рамки того, что случалось раньше, и, что хуже всего, я не имел ни малейшего представления, чем она могла быть вызвана. Главное, что это не был прорыв — в этом случае вступил бы в действие план «А». Подумав об этом, я на всякий случай перекрестился. Прежние попытки прорыва Службе пусть и со страшными потерями, но всегда удавалось отбить. Даже самую опасную, длившуюся с тысяча девятьсот пятого по сорок седьмой год и унесшую жизни половины личного состава. Командир немало рассказывал нам об этом страшном времени...

На долгие размышления у меня не оставалось времени, потому что внутреннее чутье кричало: берегись! Я вывел машину на улицу и вышел из нее, чтобы закрыть за собой ворота. И сразу увидел летящего с крыши гаража человека, чей тяжелый ботинок метил мне прямо в голову. Но я успел быстрее — перехватил его ногу и резко вывернул ступню почти на девяносто градусов. Человек взвыл, грохнулся на асфальт всем телом и больше не поднимался.

Почувствовав опасность справа, я резко метнулся в сторону. Мимо моего плеча пролетела коротенькая металлическая стрелка и воткнулась в стену гаража. Я хотел броситься на человека, который выпустил ее из специального пневматического пистолета и прятался теперь за гаражом. Но тут мое левое предплечье обожгла резкая боль. Я опустил глаза и увидел вторую стрелку, попавшую в меня. Рука сразу онемела, и я понял, что получил дозу какого-то парализующего средства. Оглянувшись по сторо-

нам, я не увидел врагов, кроме того, что лежал на земле, и это очень меня удивило. Но не воспользоваться таким обстоятельством было бы глупо, и я бросился в гущу домов, надеясь уйти от преследователей и забиться в какую-нибудь щель, где можно было бы отлежаться.

Похоже, что полученная мною доза была лошадиной. Любая другая доза известных мне паралитических средств могла причинить мне головную боль, и не больше того. А тут через несколько секунд онемение охватило всю верхнюю часть туловища и быстро опускалось все ниже. Ноги пока работали. Но убежать мне не удалось. Проезд между домами, куда я стремился, загородила белая «Волга». Из нее вышли четверо. Казалось, что они не спешили, просто лениво стояли у меня на пути. Зато спешил я. Развернулся и побежал обратно. Но в нескольких шагах я наткнулся на другую «Волгу», черную. Больше мне не удалось ничего запомнить.

ГЛАВА 7

ШКОЛА

МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛИ...

— Хотите вы или нет, но курс истории вы дослушаете до конца! Все решения будут приниматься потом. Кто захочет остаться — останется. Кто не захочет — скатертью дорога!

Командир выглядел невозмутимо. Казалось, он не обращал внимания на то, что мы, хмурые, злые и невыспавшиеся, смотрели на него волком. Один Боря Кацнельсон был свеж и доволен.

Утром, за завтраком, мы обменялись мнениями, и вот что я узнал. Сразу вслед за мной из дворца сбежал Митя-Мустафа. Он решительно не понимал, куда его занесло, кто такой Петр Станиславович и зачем он привез его сюда. А так как все непонятное пугает, он справедливо рассудил, что лучше держаться подальше от этих темных дел. Пусть даже здесь вкусно кормят и совсем не угнетают. Ведомый безошибочным чутьем бывшего беглеца, он через лес добрался до ближайшей железнодорожной станции. Но с поезда его сняли и доставили обратно в Школу милиционеры, по описанию удивительно похожие на тех, что привезли меня в «отделение КГБ».

Паша оказался хоть и бывшим, исключенным из партии, но убежденным коммунистом. Возмущенный антисоветчиной Радзивилла, он подбил Мишку на достойный настоящего советского человека шаг — пойти к командиру и разобраться с ним по-свойски. То есть набить ему морду, скрутить и сдать куда надо. Мишка долго отнекивался, не объясняя причины. Сошлись на том, что пойдут на дело только после плотного ужина.

Командира они нашли на первом этаже, но разобраться с ним у них не получилось. Зато он легко и быстро разобрался с ними — моментально скрутил обоих и отвел за шиворот, как нашкодивших щенков, на второй этаж, где зашвырнул каждого в свой номер. Почему-то ни у Паши, ни у Мишки до утра не появилось желания высунуть нос хотя бы в коридор.

Только Боря спокойно проспал всю ночь в ожидании следующего урока истории: предыдущей жизнью и воспитанием, несколько, мягко говоря, отли-

чающимся от воспитания в обычных советских семьях, он был подготовлен без особенного потрясения воспринять информацию вроде той, что без всякой подготовки свалилась на нашу голову.

— Сразу предупреждаю, — продолжил Радзивилл. — Пока вы не пройдете весь курс обучения, вы не сможете ни уйти отсюда, ни рассказать кому-то, что здесь с вами происходит. Надеюсь, сегодняшняя ночь послужит вам уроком. А когда обучение закончится, вы сами не захотите куда-то бежать и кому-то рассказывать. Можете в этом не сомневаться!

Тут мне показалось, что он посмотрел на меня, и я опустил глаза. Хотя и не понимал, в чем виноват. Ведь я всего лишь пытался отстоять свои убеждения!

— Ладно, — смиростивился Петр Станиславович (в те дни у меня не поворачивался язык называть его командиром, и я предпочитал вообще никак не обращаться к нему). — Замнем этот вопрос. Кто старое помянет, тому... А сейчас продолжим наши занятия.

И — понеслось. От того, что он рассказывал, наши неподготовленные уши сворачивались в трубочку. А мозги, с юного возраста впитавшие лозунги из «Пионерской правды», те просто съезжали набекрень. Вот один из примеров — занятие на тему «Судьба семьи последнего императора России».

— Кто скажет, как закончилась жизнь Николая II? — спросил Радзивилл, хмуро глядя на нас.

— Его расстреляли! — чуть ли не хором ответили мы. Я был уверен, что минимум трое из нас подумали при этом: и поделом!

— А его дети? — не унимался Петр Станиславович.

Тут все растерянно примолкли, а я не упустил случая блеснуть знаниями:

— Их тоже расстреляли!

Когда-то я заинтересовался этим вопросом и, не найдя ответа в книгах, обратился за ним к отцу — как-никак кандидат исторических наук!

— Расстреляли всю царскую семью, — ответил он, почему-то запинаясь и пряча глаза.

— А дети? — удивился я.

— Они все были взрослые, и для советской власти было опасно оставлять их в живых, — ответил отец.

Какая опасность исходила от них, я не стал уточнять, потому что все было понятно и так. Ведь они были детьми царя-палача! Царя, устроившего Кровавое воскресенье и расстрелявшего рабочих на Ленских приисках!

Все это я выложил Радзивиллу, который внимательно смотрел на меня.

— Хорошо! — вроде как согласился он, выслушав меня до конца. — А сейчас вы узнаете, как все было на самом деле.

Он нажал кнопку, и на всех окнах опустились плотные черные шторы. В зале стало темно. Радзивилл включил стоящий на столе диапроектор, и на белой стене появилось большое черно-белое изображение группы людей. В центре сидел в кресле бородастый и уса́тый человек с мягким, приятным лицом, одетый в дореволюционную военную форму. Над ним, положив руку на спинку кресла, стояла красивая и статная моложавая женщина. Тут же стояли и сидели четыре миловидные девушки, одна из кото-

рых была совсем подростком, и мальчик в матроске. Женщина и девушки были одеты в старомодные, до пят, белые платья.

— Смотрите внимательно! — каким-то необычно серьезным тоном негромко сказал Петр Станиславович и встал сбоку от экрана с длинной указкой. — Это и есть та самая семья палача народов, царя — душиителя свободы Николая Романова. Такой фотографии вы не найдете ни в одном советском учебнике истории, но это совсем не значит, что их не существует вообще. Есть и снимки, есть и письменные свидетельства. Вот государь император, — он стал водить по экрану указкой, — это его жена, императрица Александра Федоровна. А теперь перейдем к главному. Остальные на снимке — те самые взрослые дети, представляющие страшную опасность для молодой, неокрепшей советской власти. Это старшая дочь царя Ольга. В восемнадцатом, на момент гибели, ей было двадцать два года. Татьяна, двадцать лет. Мария, восемнадцать. Анастасия, шестнадцать. И, наконец, наследник престола Алексей. Ему ко дню казни исполнилось четырнадцать лет, и он болел неизлечимой болезнью — гемофилией. Кто не знает, объясню...

Кажется, не знал никто.

— Гемофилия, — продолжил Радзивилл, — это несворачиваемость крови. Малейшая царапина, вызвавшая кровотечение, могла привести к гибели от кровопотери. А любое внутреннее кровоизлияние — это верная смерть.

— Я ничего этого не знал... — растерянно сказал я.

— Не перебивай! — строго оборвал меня Петр Станиславович. — Все обсуждения будут потом. А сейчас взгляните в эти лица и запомните их.

Несколько минут он молчал, прохаживаясь вдоль стены, потом выключил проектор, поднял шторы и продолжил урок.

— Летом восемнадцатого года все они были расстреляны без суда и приговора, решением революционных властей, в подвале купеческого дома в городе Екатеринбурге, ныне Свердловске. Ты, Павел, жил там, но, конечно, не слышал про это? Конечно, туда ведь не водят экскурсий... Но не будем отвлекаться. Примечательно, что одним из главных инициаторов убийства был сам Яков Свердлов, в честь кого назвали город. А самым главным — добрый душака Ленин... Впрочем, я оговорился. Приговор был. Но вынесенный совсем другими людьми еще до рождения последнего российского императора... Но и это еще не все! — сделав непродолжительную паузу, сказал Радзивилл. — В течение короткого времени были уничтожены почти все родственники царя, чтобы и духа этой династии не осталось на русской земле. Мало того, вместе с императорской семьей были расстреляны врач, повар, камердинер и горничная. За что убили их? Может быть, просто уничтожали свидетелей, как обычные уголовники? Кстати, после убийства появилась легенда, что младшая дочь, Анастасия, уцелела и прожила долгую жизнь. К сожалению, это не так...

...Той ночью мне приснился сон. Страшный, яркий и такой реальный, будто я был непосредственным участником происходящих в нем событий. Я оказался в каком-то обширном темном помеще-

нии. Мрак едва рассеивался стоявшей в углу керосиновой лампой. Но, несмотря на темноту, я хорошо видел, как открылась низкая дверь, сколоченная из оструганных толстых досок, и в помещение вошли люди. Мужчина в длинной ночной рубашке до пят старался обнять сразу нескольких женщин и одного мальчика лет тринадцати-четырнадцати. Рук ему не хватало, но те, которых он пытался прижать к себе, сами жались к нему, ища спасения от чего-то страшного.

Когда они оказались в освещенном углу и сели на длинную скамью, я узнал в них тех, кого видел днем на старой фотографии.

— Ваше величество, — произнес мальчик, как и отец, одетый в ночную рубашку, и вдруг, вскрикнув, поправился. — Папенька... они нас убьют?

— Ну что ты, Алексей, — ответил мужчина, положив руку на голову мальчику. — Как такое могло прийти тебе в голову, сынок?

— А зачем тогда они нас разбудили и прогнали из комнат в подвал? — не унимался подросток.

— В городе стреляют, а здесь мы будем в безопасности, — попытался убедить его мужчина, к чему-то беспокойно прислушиваясь.

Эта ложь во спасение была грубо прервана ввалившейся в подвал толпой вооруженных мужчин с искаженными страхом и злобой лицами. Одни из них были одеты в гражданское — брюки с сапогами и черные кожаные куртки. Другие были в солдатском обмундировании. Ни один не снял с головы шапки. Некоторые вполголоса переговаривались на неизвестном мне языке. Они быстро рассредоточились вдоль стен. Один из них, в кожаной куртке, дер-

жа в правой руке револьвер стволом вниз, громко сказал:

— Именем революционного...

Потом звук пропал. Человек в кожаной куртке медленно открывал рот, но я не слышал ничего из того, что он говорил. Сохранивший достоинство и не ставший вступать в разговоры с палачами император сумел наконец обнять всю свою семью в последней попытке защитить их от страшной неизбежности. Потом все вошедшие медленно-медленно подняли правые руки, и оказалось, что каждый из них держит неестественно огромный «наган». Так же медленно поднялись курки револьверов, одновременно, синхронно, и вдруг время понеслось стремительно, и снова появился звук. Я вздрогнул от грохота, но не проснулся. Если бы я мог, то закрыл бы глаза или сбежал из страшного подвала. Но как можно закрыть глаза во сне?

Кто-то злой и безжалостный заставил меня досмотреть все до конца. Я навсегда запомнил, как впились злые пули в беззащитные и беспомощные тела, как бились в агонии молоденькие девушки и больной мальчик. И как их отец вместе с матерью, уже мертвые, закрывали их собой от роя пуль и смертельно испуганных и оттого еще более страшных глаз убийц.

Когда палачи закончили свое кровавое дело и ушли, в подвал спустились еще двое, одетые в черные костюмы и такого же цвета шляпы. Они внимательно, профессионально бесстрастными взглядами оглядели лежавшие на полу тела. Потом один из них, безразлично переступая через лужи крови, подошел к стене и нацарапал на штукатурке какую-то надпись.

Отступил на несколько шагов, с видимым удовольствием полюбовался страшной картиной, и оба отправились наверх. А после их ухода темный подвал наполнился таким ярким светом, какого не бывает, даже если смотреть незащищенными глазами прямо на солнце...

ГЛАВА 8

СЛУЖБА

СВОИХ В БЕДЕ НЕ БРОСАЕМ

Я давно слышал голоса, но открывать глаза не торопился. В голове сильно шумело после непрошенной «инъекции», и прежде всего нужно было оценить обстановку. Хотя бы попытаться узнать, к кому я попал. Но оказалось, что я недооценил своих противников.

— Ну все, хватит дрыхнуть! — услышал я издевательски-доброжелательный голос. — Выспался уже, я ведь вижу!

То, что слова относятся ко мне, я сразу понял по болезненному тычку под ребра.

— Потихе, Боб, — прозвучал еще один голос. — Шефу он нужен укомплектованный, без поломок и повреждений. Или тебе бабки лишние?

— Да ладно, Сэм! Чего его жалеть? Вспомни, как он с Куртом обошелся! — возразил первый голос, но уже с другой, злой интонацией. — Парень до сих пор еще не очухался, я звонил...

— Курт сам виноват. Нечего было лезть на рожон. А этот мужик стоит больше, чем три Курта, вместе взятых! — попытался урезонить его второй.

То, что они называли друг друга нерусскими именами, меня ничуть не обмануло. Судя по выговору, оба вели свои родословные из какой-то южнорусской области, скорее всего с Кубани. Я открыл глаза и почти ничего не увидел, потому что на меня надели темные очки. Очень темные. Такие темные, что я сразу понял: это неспроста! Постепенно глаза адаптировались, и я разобрался, что сижу в кресле, мои руки накрепко притянуты ремнями к деревянным подлокотникам, да еще вместе с кистями обмотаны полотенцами. Ноги примотаны скотчем к ножкам кресла.

Дело обстояло хуже, чем я надеялся. Все это, вкупе с темными очками и заклеенным скотчем ртом, говорило, что мои похитители прекрасно осведомлены о моих гипнотических способностях. И приняли меры, чтобы помешать мне ими воспользоваться. Но у меня оставалась надежда, что они знакомы не со всеми способами. Во всяком случае, они не догадались обездвигнуть мои ступни, и я с радостью обнаружил, что могу постукивать по полу подошвой туфли. И еще могу шевелить головой...

— Ага, оклемался! — обрадовался человек, сидящий за столом, на котором был установлен аппарат — я сразу опознал полиграф, или, в просторечии, детектор лжи. От него к моим рукам, груди и вискам тянулись тонкие провода. Аппарат был незнакомой конструкции, что слегка насторожило меня: как правило, один из первых образцов такого рода техники обязательно попадал для ознакомления и изучения к нам в Службу. Но я не упал духом — даже если не успею вывернуться до начала допроса, они все равно

★

ничего от меня не узнают. Не было еще случая, чтобы я не смог победить какое-то там техническое устройство.

Был тут и еще один человек, тот, который угодил меня тычком под ребра. Он стоял у окна, через которое проникал яркий солнечный свет, так что даже без темных очков я не разглядел бы его лица. Комната, в которой я очнулся привязанным к креслу, была типичной «залой» хрущевской квартиры. Непрезентабельная обстановка и общарпанные обои говорили, что мои похитители, скорее всего, сняли ее внаем.

— А раз оклемался, — продолжил человек за столом, — то не будем тратить время на ерунду. Значит, так, Володя...

Ого! Они знают мое имя!

— ...мы знаем, кто ты такой, и приняли меры безопасности. Так что не пытайся морочить нам голову своим гребаным колдовством. Все равно не пройдет. Сейчас ты ответишь на мои вопросы. Если я останусь доволен ответами, мы с Бобом оставим тебя здесь и уйдем, чтобы никогда больше с тобой не встретиться. Только, извини, развязывать не будем. Ты парень сообразительный, найдешь способ освободиться. А не найдешь, значит, ты совсем не тот, за кого себя выдавал. Тогда мне будет тебя жаль, потому что в эту квартиру еще долго никто не придет. Разве что соседи учуют запах...

Он гнусно хихикнул.

Даже не видя глаз человека, которого его напарник называл Сэмом, по интонации, по некоторым нюансам в голосе и особенно по заключительному

смешку я довольно быстро понял: врет как сивый мерин! У них даже в мыслях не было отпускать меня живым. Правда, я еще не разобрался, намерены они убить меня здесь или заберут с собой. Но в любом случае наши цели кардинально не совпадали.

— А если ты не захочешь отвечать или станешь врать, — продолжил Сэм, причем его голос стал звучать как-то монотонно, — мы обидимся, и Боб сделает тебе очень больно и будет делать это долго-долго. Он это хорошо умеет. Правда, Боб?

— Без базара! — развязно ответил прислонившийся к окну тип. Он хотел оторваться от подоконника, даже обозначил движение, но почему-то остался на месте. Ни он, ни Сэм не понимали, что уже начинают подчиняться моей воле. Сложный ритм, который я незаметно и едва слышно отбивал левой ногой, вошел в унисон с их сердцебиением. Потом вступила правая нога, и оба оказались захвачены завораживающим ритмом. Он притягивал, убаюкивал обоих, но этого было мало, чтобы я мог полностью овладеть их сознанием. Недоставало хотя бы еще одного внешнего раздражителя. И тут Сэм допустил ошибку — сам, без моей подсказки, приказал мне, произнося слова все так же монотонно:

— Я спрашиваю, ты отвечаешь. Если надо сказать «да», ты киваешь. Если «нет» — мотаешь головой. Понял?

Это было именно то, что требовалось. Я закивал головой, как китайский болванчик. Четыре раза, восемь, десять... В сочетании с отбиваемым ногой ритмом это создавало причудливую гипнотическую вязь, которой оба похитителя больше не могли про-

★ тивиться. Сэм уснул, уронив голову на стол, а Боб оторвался наконец от подоконника, подошел к потертому дивану, тяжело рухнул на него и тоже затих.

Теперь дело было за малым. Оставалось освободиться от ремней на руках и пут из скотча на ногах. Но не тут-то было. Спеленали меня надежно. Если бы не темные очки, я мог бы разбудить одного из похитителей, скорее всего Сэма — его высшая нервная деятельность была настроена чуть тоньше, чем у туповатого Боба, и оттого он легче поддавался внушению. А разбудив, заглянуть ему в глаза, отстучать по полу нужный ритм, и он как миленький освободил бы меня и выполнил все мои дальнейшие приказы. Вот только очки на меня надели не обыкновенные противосолнечные, которые я мог бы сбросить с носа одним движением головы, а какие-то специальные, может быть альпинистские, которые вместо дужек держались стянутой на затылке резинкой.

Решив, что безвыходных положений не бывает, я принялся за дело. Если бы кто-то увидел меня в этот момент, то подумал бы, что я сошел с ума — такие гримасы я корчил, сдвигая очки вниз по носу. А они, как назло, плотно прилегли к лицу и сползали в час по миллиметру. Но все-таки сдвигались. Вот только довести дело до конца я не успел. Из прихожей послышался звук отпираемого замка, и в комнату вошел еще один человек. По мощной волне уверенности и власти, которую он гнал перед собой, я понял, что этот опаснее обоих моих похитителей, вместе взятых. Моментально оценив открывшуюся перед ним картину, он выхватил пистолет и, избегая встретиться со мной взглядом, прошипел:

— Не вздумай дергаться! Шевельнешься, мигом башку разнесу! — и в подтверждение серьезности своих намерений нажал на спуск. Выстрела я не услышал. Вместо него прозвучал лишь металлический лязг сработавшего механизма затвора. Взвизгнув рядом с моим ухом, в стену вцепилась пуля, отбив порядочный кусок штукатурки, после чего рикошетом просвистела около другого уха.

Тут я услышал еще один звук. Едва уловимый, на грани восприятия. И увидел что-то смазанное, темной молнией метнувшееся от входной двери к новому посетителю. Миг — и пистолет отлетел в сторону, а его хозяин сложился пополам и упал на пол. На месте, где он только что стоял, материализовался еще один человек. Что-то в моем узилище становилось людно. Очередной гость снял с моего лица темные очки и превратился в местного агента Службы Виктора Слободенюка. Несколькими движениями он освободил меня от пут и как-то очень ловко, почти безболезненно, сорвал кусок скотча, которым бандюги заклеили мне рот.

Мысленно я аплодировал Виктору, высоко оценив его бойцовские качества. Во всяком случае, я не смог бы так быстро и чисто справиться с последним противником. Хотя, конечно, тоже бы справился...

— Опять ты? — Удивление, которое я изобразил на своем лице, было чисто показным, потому что я подсознательно ожидал чего-нибудь подобного. *Не доверяй никому...*

— Твою мать! — проревел Виктор, стукнув кулаком в ладонь, причем я понял, что он с удовольствием переадресовал бы этот удар в мою физиономию. —

Служака, да? Мероприятия по плану «Д»? Не верь никому, да? Да если бы не я, через час тебя бы уже выпотрошили до самого донышка и засунули в ванну с кислотой!

Говоря это, он поднял выпавший из руки поверженного врага пистолет, и я вдруг понял, что он сейчас застрелит всех троих.

— Ты что? — Я бросился на него грудью. То, что Виктор собирался сделать, строжайше запрещалось уставом Службы.

— Если бы ты знал то, что знаю я, не стал бы меня останавливать, — утрюмо пробурчал он, но отбросил пистолет в сторону. — Ладно, сделаем по-другому.

Он поочередно склонился над каждым из находящихся в бессознательном состоянии противников и что-то с ними проделал. Ставит блок на память последних часов, догадался я, постепенно остывая. Растерянность и гнев — не те чувства, которые может позволить себе офицер Службы, тем более в моем чине. Но непонятные действия моего бывшего помощника, вышедшего вдруг из подчинения, разбудили во мне подозрительность.

— Как ты здесь оказался? — спросил я. — Следил за мной?

— А как же еще? — неожиданно легко признался Виктор. — Конечно, следил! Я знал, что на тебя нападут!

— Откуда знал?

— Можно подумать, ты сам ничего не чувствовал! — язвительно парировал Виктор, в упор посмотрел мне в глаза и добавил: — А если не чувствовал, то какой из тебя, к чертям собачьим, майор Службы?

Если он думал подобным образом усыпить мою бдительность и втереться ко мне в доверие, то про считался. Слишком многое повидал я в своей жизни, чтобы так легко заглотить крючок, заброшенный каким-то мальчишкой, вчерашним выпускником Школы. Это говорило во мне то «я», что гнало меня когда-то ночью из Школы на поиски рыцарей госбезопасности. То «я», которое, поменяв умершие идеалы на новые, жутковатые знания, впитало в себя уставы и требования Службы, для которого положения плана «D» и приказы командования звучали как истина в последней инстанции.

Но тут вмешалось другое мое «я», которое всегда нашептывало мне на первый взгляд неправильные, но всегда оказывающиеся верными решения. Которое и было, собственно, тем самым внутренним голосом, что предупреждал об опасности и удерживал от решений гибельных. На этот раз оно не шептало, а кричало во весь голос: «Идиот! Доверься ему! В его руках твое спасение!»

Тут мой взгляд случайно упал на Сэма, и я увидел, что из уголка его рта сочится струйка слюны, а на лице появилось совершенно идиотское выражение. Остальные выглядели ничуть не лучше.

— Что ты с ними сделал? — ужаснулся я.

— То, чего они заслуживали!

— Но мы ведь даже не допросили их! — Поведение Виктора стало меня возмущать.

— А они и не знали ничего важного. — Лейтенант оставался спокоен. — Все, что нужно, мы найдем в этой машинке.

Он взял полиграф, внешне не отличавшийся от обычного ноутбука, и выдернул из него провода.

— Лейтенант, тебе не кажется, что ты берешь на себя слишком много? — не выдержал я.

— Не кажется. Я отвечаю за свои действия. А сейчас пошли, у нас мало времени, — ответил он, сохраняя полное самообладание.

— Ты уверен, что нам по дороге? — Это была моя последняя попытка к сопротивлению.

— Уверен! — улыбнулся Виктор. — Кстати, Катерина уже в Санатории.

Наши взгляды встретились, и я вдруг похолодел. В этих глазах явственно угадывалось то, чего просто не могло быть во взгляде какого-то мальчишки, вчерашнего выпускника Школы...

ГЛАВА 9

КАТЯ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Первый раз я увидел ее летом восемьдесят четвертого. Тогда, после неожиданной кончины генсека, вся Служба почти два года стояла на ушах. Когда его похоронили, возникли предпосылки к прорыву, активизировались способствующие этому силы (именно в таких выражениях преподнес нам это командир) и произошли подряд несколько загадочных и опасных событий. Одно из них случилось на военном аэродроме в Бобруйске, и я снова попал в город своей армейской юности. Наша пятерка, в которой я к этому времени стал первым номером, хоть и на пределе сил, но справилась с порученным делом. Операция вылилась тогда в настоящие боевые действия, но мы с честью вышли из этой небольшой вой-

ны, наголову разбив врага. Результаты были доложены руководству, но чем все закончилось, мы, конечно, не узнали. Даже того, имели ли действия противника продолжение, или зло втянуло свое змеинное жало и убралось в свои владения.

Так было все время — каждый из нас владел лишь той частью информации, которая напрямую касалась его задачи. Утешало только то, что очередное звание предполагало новый уровень информированности. Значит, дорастем когда-нибудь и мы. Время еще есть. И все равно, когда я пытался анализировать ход последних событий, меня не отпускала мысль: ну не того масштаба была личность покойного генсека, чтобы после его смерти разверзлись адские врата. Не чувствовалось в нем настоящего заряда inferнальности...

После того дела мы впервые узнали о существовании Санатория. Им оказался все тот же великолепный генеральский дворец, давно знакомый нам как Школа. Точнее, его третий этаж. Нам стало известно еще, по крайней мере, о двух ипостасях этого загадочного здания — это было место, где приходил в себя после операций личный состав, и, по намекам командира, резиденция главного штаба Службы. Не знаю, какой гениальный архитектор планировал дворец, но внутри он был устроен так, что жители разных этажей каким-то странным образом никогда не встречались друг с другом. Заметить боковым зрением скользящее движение, услышать неясные звуки — это сколько угодно, но чтобы столкнуться лицом к лицу — никогда. Как это происходило — уму непостижимо, но так было. Курсанты Школы никогда не пересекались с отдыхающими в Санатории

офицерами-оперативниками, то есть нами, а мы, в свою очередь, не имели возможности увидеть кого-нибудь из штабистов. Зато мы могли сколько угодно скрытно наблюдать за обучением курсантов. Надо сказать, вид их щенячьей возни первое время доставлял нам немалое удовольствие. Потом это зрелище приелось. Подозреваю, что штабное начальство тоже имело возможность наблюдать за нашим досугом. Если, конечно, это было начальству интересно. И лишь много позже мы узнали, что здание, которое мы знали как Школу, а потом и Санаторий, в Службе почтительно именовалось Центром.

В общем, получалось так, что, шляйся по коридорам хоть целый день, не встретишь никого, кроме тех, кого разрешено увидеть, то есть других отдыхающих. Но даже с ними, за исключением своей пятёрки, разрешено было общаться лишь на отвлеченные темы. Можно было знакомиться, играть в волейбол, настольный теннис, дружить, даже заводить амуры с немногочисленными коллегами женского пола. Но в разговорах с кем бы то ни было нельзя было даже намекать на свое участие в каких-то конкретных операциях, упоминать любые географические названия. Больше того, командир строжайше запретил нам упоминать любые конкретные даты, касающиеся нашего присутствия в Санатории.

В то утро я стоял у теннисного стола, подбрасывая на ракетке целлулоидный шарик и дожидаясь, когда появится кто-нибудь из вчерашних соперников. Вчера я освоил режущий удар тыльной стороной ракетки, сильный, неожиданный, практически не берущийся, и сейчас хотел отработать его на ком-то, кто вчера обыгрывал меня. Желательно на

Мишке, самом ловком и увертливом. Но никто не спешил вставать в этот ранний час, предпочитая подольше понежиться в постели.

— Нет достойного соперника? — услышал я сзади низкий, но мелодичный женский голос.

Я обернулся — и обомлел. Передо мной стояла богиня. Описывать ее великолепие будет делом безнадёжным, все равно ничего не получится. Скажу только, что я не увидел в ней ни одного недостатка. Даже смелость, с какой она была одета, вызвала восхищение. Потом, лет через двадцать — двадцать пять, так стали одеваться в летнюю пору многие женщины, даже те, на ком подобные наряды не вызвали ничего, кроме улыбки. Но тут... На ней были короткие обтягивающие шорты и такая же обтягивающая маечка, открывающая плоский загорелый живот.

Но не только одеждой она отличалась от всех знакомых мне женщин. Были еще какие-то едва уловимые отличия. Может быть, прическа — каштановые, слегка волнистые волосы (вне всякого сомнения, это был их родной цвет) были коротко пострижены сзади и с боков, а впереди спадали на лоб. Лицо — это отдельная тема. Нельзя сказать, что черты его были идеальны. В нем угадывалась едва заметная неправильность, но именно она неожиданно придавала лицу очарование и непередаваемый шарм. Насчет косметики скажу: у меня есть стойкое подозрение, что женщина раскрашивает свое лицо вовсе не для мужчины, который чаще всего даже не замечает, что нарисовано у нее на лице. А вот другая женщина никогда не пропустит ни малейшего изъяна в раскрас-

★

ке не только близкой подруги, но и вообще случайной прохожей.

У стоящей передо мной богини, как мне показалось, только ресницы были чуть подведены тушью, да и то я не был уверен, что это не их естественный цвет. Но отсутствие косметики ничуть не портило божественной красоты.

Открыв рот, я уставился на нее, не в силах произнести ни слова.

— Так что, сыграем? — предложила она, не обращая внимания на мою растерянность. — Я Катя. А ты?

— Володя! — ответил я. Случись такое лет десять назад, я не смог бы пошевелиться от смущения, но школьная подготовка позволила мне выстоять даже перед богиней. — Ну что же, давай сыграем...

Мы быстро разыграли подачу. Разумеется, она перешла к Кате. Принимая ее резкие, крученые удары, мне пришлось изрядно попотеть. Даже мой новы́й коронный удар не возымел особого успеха — Катя без особого труда отражала его. К последней смене подачи счет стал девятнадцать — одиннадцать в ее пользу, и она загоняла меня так, что я был уже весь мокрый. Закончили мы партию со счетом двадцать один — шестнадцать.

Мы сыграли еще пять партий, и только одну я смог выиграть с минимальным счетом. И то потому, что мне случайно удалось повесить «соплю», то есть шарик после моего удара завис на сетке и, повисев на ней, упал на сторону Кати.

Наигравшись, она сказала:

— Пойдем купаться!

— Пойдем! — согласился я.

Плавала Катя так же божественно, как делала все остальное. Погрузив лицо в воду, она рассекала гладь озера гребками, на первый взгляд несильными, но каждый из них относил ее от меня на приличное расстояние. А когда она, наплававшись, вышла на берег, вытянулась в струнку, закинула руки за голову и подставила лицо лучам невысоко еще стоящего солнца, мое сердце замерло от восхищения. Наверное, никогда в жизни я не наблюдал зрелища прекраснее этого. Ее матовая кожа, казалось, светилась в солнечных лучах, но не отраженным светом, а своим собственным, таинственным и мягким.

Чтобы не завратъся, на этом я закончу описание Катиных достоинств и перейду к прозе. Две недели, что оставались у меня от отпуска, мы целые дни проводили вместе. Я быстро заметил косые взгляды, которые бросал на меня при встречах Денис, огромный парень звероватого вида, в чью пятерку входила Катя, но полностью игнорировал их. Ведь я не отбивал у него Катю, она сама выбрала меня. Но все равно мне было немножко жаль его, потому что я отлично его понимал...

Мы играли в теннис, плавали в озере, валялись на горячем песке, вечерами до одури целовались, спрятавшись в кустах на берегу. Но дальше поцелуев дело не заходило. И только в последний вечер моего отпуска Катя сама взяла меня за руку, и мы пошли в ее номер. А утром мы договорились, что будем использовать любую возможность, чтобы наши отпуска совпадали по времени. Хотя как это сделать, не представляли себе ни я, ни она.

Моим коллегам из нашей пятерки хватило такта ни словом, ни взглядом не намекнуть мне, что им из-

вестно о нашей с Катериной связи, хотя мы ее особенно и не прятали. Командир тоже оказался на высоте — через два года отправил моих подчиненных в командировку в Среднюю Азию без меня, заявив, что они справятся сами. Я же за какие-то непонятные заслуги получил внеочередной отпуск и снова оказался в Санатории. А через два дня там появилась Катя. Была эта встреча случайностью или спланированным ходом? Что заставило Радзивилла, отнюдь не отличавшегося сентиментальностью и излишней добротой, поступить так? Или командир был только исполнителем чьего-то хитроумного плана? Это осталось для меня тайной. А тогда, потеряв голову от счастья, я и вовсе не задумывался об этом.

ГЛАВА 10

СЛУЖБА

УКРОЩЕНИЕ ЖАДНОГО МЕНТА

По дороге в Москву нам с Виктором пришлось прорваться через столько заслонов, устроенных для нас таинственным противником, что в конце пути я чувствовал себя не лучше, чем боксер средней руки после поединка с Мохаммедом Али. И на тебе, когда уже в Кунцеве Виктор побежал раздобыть машину, а я купил бутылку холодненького безалкогольного «Клинского», пристроился с ней у магазинного крыльца и с наслаждением сделал первый глоток, появился этот злосчастный милиционер. Лейтенант был в том возрасте, когда его сверстники или давно носят капитанские погоны, или навеки оставляют мысль выбиться в командный состав. А этот, получив

первое офицерское звание, так и носил до сих пор по две звездочки на каждом погоне. Скорее всего, причиной тому послужила извечная русская болезнь — во всяком случае, сейчас по его лицу я безошибочно определил, что, приняв сегодня и утреннюю, и обеденную дозы, он находится в целеустремленном поиске дозы вечерней. Желательно бесплатной.

Вся его внешность свидетельствовала, что лейтенант давно осознал тщетность всех потуг к карьерному росту. Об этом говорили и засаленный галстук, которым он, похоже, неоднократно вытирал жирные пальцы, и мятые брюки, и нечищенные ботинки. Но отсутствие карьерных амбиций ни в коей мере не лишило его присущей этому племени наглости. Еще издали я увидел, как хищно сверкнули его глаза и ускорился шаг при виде лакомой добычи, которую он увидел в моем лице.

— Нарушаем? — спросил он, радостно щеря редкие прокуренные зубы. — Не знаком с постановлением?

— С каким еще постановлением? — устало вздохнул я, хотя прекрасно все понял.

— Как это с каким? — Лейтенант с наигранным удивлением посмотрел на меня и с самым официальным видом принялся доводить до меня те страшные кары, что грозили мне за распитие пива в общественном месте. Его ничуть не смутило то, что пиво было безалкогольным.

Мне стало скучно. Я отлично понимал, что никакого штрафа брать с меня он не собирается, а рассчитывает содрать пару сотенных бумажек на вожделенную бутылку водки. Но он не догадывался, что существуют люди, принципиально не дающие денег

вымогателям, и я, на его беду, принадлежу именно к такой породе. Если бы я даже был в чем-то виноват, то предпочел бы заплатить вдвое больший штраф, чем унижаться, подкармливая наглого бездельника.

— Хорошо, — спокойно сказал я, одним глотком допил пиво и опустил бутылку в стоящую рядом урну. — Вопрос исчерпан?

— Что-о? — взревел он, чуя звериным чутьем, что от него безвозвратно ускользает добыча, только что бывшая в руках. Но желание выпить пересилило даже древний инстинкт опасности и заставило его совершить роковую ошибку. — Исчерпан? Я тебе, б..., дам, исчерпан! Ну-ка, двигай со мной! Придем в отделение, вот там я тебя исчерпаю! До самого донышка!

Наверное, этот прием был неоднократно обкатан им на москвичах и гостях столицы. Он цепко ухватил меня за рукав, очень профессионально прищемив при этом изрядный кусок моей кожи. Щипок получился довольно болезненным. Тут я разозлился по-настоящему. Пора было ставить лейтенанта на место. Я даже не стал применять методы гипнотического внушения — слишком много чести. Лево́й рукой я взял его за запястье, слегка сжал, и он, ойкнув, отпустил мой рукав.

— Разве тебя не учили быть вежливым с гражданами и обращаться к ним на «вы»? — спросил я, не ослабляя хватки. — Вижу, учили, но ты, похоже, в этот день прогулял занятия. Наверное, с друзьями пиво пил. Но в любом случае ты должен был видеть, что я старше тебя по возрасту. — (Я до сих пор пребывал в облике норильского пенсионера Петровского.) — Кроме того, я старше тебя и по званию. Зна-

чит, так — отошел на пять метров, подошел снова и доложил по всей форме!

Лейтенант потерянно повесил нос, но исполнил все, как было приказано. Попятившись назад на несколько метров, он, пытаясь изобразить строевой шаг, с топотом приблизился ко мне и, выпучив испуганные глаза и стараясь не дышать в мою сторону, доложил:

— Товарищ полковник, лейтенант Колокольчиков сдал дежурство и следует к месту постоянного жительства!

Наверное, произвести меня в генералы ему помешала только мысль, что генералу не по чину пить пиво из горлышка у крыльца магазина.

— Вот и следуй, куда следовал! — рявкнул я голосом заправского строевика. — Кру-у-угом! Ша-агом марш!

— Командирский голос отрабатываешь? — услышал я за спиной насмешливый голос Виктора.

Обернувшись, я увидел Слободенюка, сидящего за рулем блестящей темно-зеленой «Ауди».

— Где взял? — спросил я, перепрыгнув через ограждение и усаживаясь рядом.

— Где взял, где взял... украл, конечно! — улыбнулся он, но, заметив, как я поморщился, засмеялся: — Шучу, шучу! Зашел тут в одну контору и попросил у шефа на полдня. Обещал, что к вечеру ему подгонят машину в лучшем виде, заправленную и помытую.

— Или помятую! — хмуро возразил я, не разделяя его оптимизма. Все-таки от цели нас отделяло небольшое расстояние, которое надо было еще преодолеть.

— Ну вот, — снова засмеялся Виктор. — А говорили, что для майора Кубанского не существует невозможного!

— Потому и не существует, что я не лезу понапрасну на рожон! — наставительно сказал я, одновременно подумав: «Молод ты еще, чтобы меня подкалывать!»

Но вслух этого, конечно, не произнес. За время нашего полного опасностей и приключений путешествия от Харькова до Москвы я проникся не то что подозрением, а стойкой уверенностью, что Виктор Слободенюк, начинающий агент Службы, — вовсе не тот, за кого себя выдает. Слишком далеко он заглядывал вперед, прогнозируя события. При всем своем опыте и развитой интуиции я порой не мог понять, чем он руководствовался, пересаживаясь с междугородного автобуса на электричку, а с нее — на маршрутное такси, идущее в сторону, противоположную той, куда мы стремились. Я отдавал себе отчет, что без него не добрался бы до Москвы — столько ловушек расставлено было на нашем пути. Благодаря Виктору мы ввязались лишь в три мелкие стычки, которых уж совсем нельзя было избежать. Правда, мелкими они были для нас, но не для нападающей стороны. Игра пошла серьезная, и щадить противника в ней не приходилось.

В общем, я не верил, что Виктор — недавний выпускник Школы. Уж слишком уверенно и профессионально он действовал. Даже если допустить мысль, что он был вундеркиндом с немыслимыми способностями, то лишь полный идиот мог засунуть его агентом в пусть не заштатный, но и не лежащий

на главном направлении город. А я очень надеялся, что идиотов в руководстве Службы не водится.

Конечно, был еще один вариант: Слободенюк мог владеть обширной информацией о происходящих вокруг нас событиях, несопоставимой с той, что была доступна мне, а его молодость — всего лишь обманчивая видимость. Но тогда его звание должно быть даже выше, чем у Радзивилла, а тот, как известно, давно уже был полковником Службы. Дойдя в своих размышлениях до этой точки, я сделал абсолютно невозможный, абсурдный вывод: в таком случае Виктор действительно представляет верхушку Службы. Но только не нашей. Иначе зачем ему влезать в шкуру молодого лейтенанта?

А главное — откуда он знал про Катю?

На этом я прекратил досужие умствования и вернулся к действительности, которая, увы, не позволяла отвлекаться.

— Ладно! — произнес Виктор уже серьезней. — Последний этап... Доберемся с божьей помощью! Пристегнись, поедem быстро!

— Может быть, я сяду за руль? — Я с сомнением посмотрел на него и добавил с целью подловить его на нестыковке: — У меня опыта все-таки больше.

— Не надо, справлюсь. — На его невозмутимом лице не дрогнула ни одна жилка, и даже по глазам я не смог определить, понял ли он мою хитрость.

Водителем Виктор оказался непревзойденным, и это снова разбудило во мне нехорошие мысли. Даже на городских улицах он не сбавлял скорость ниже ста километров в час, мастерски объехав все патрули автоинспекции. А перед выездом на МКАД вытащил откуда-то из-под сиденья синий проблесковый мая-

чок, прилепил его на крышу, и мы помчались по крайней левой полосе, распутивая попутные машины ревом сирены. Я посмотрел на спидометр и увидел, что его стрелка лежит на отметке в сто восемьдесят километров. Я, конечно, тоже умею ездить с такой и даже большей скоростью, но предпочитаю при этом находиться за рулем. И где только он умудрился раздобыть автомобиль со спецсигналами? «Зашел в одну контору»! Так я ему и поверил...

Погоню мы обнаружили незадолго до съезда с МКАД. И снова первым ее заметил Слободенюк.

— Посмотри-ка на тот синий «БМВ», — сказал он, ткнув пальцем через плечо. — Уже минут пять идет за нами. Но это не милиция.

Я обернулся. Действительно, на опасно короткой дистанции за нами мчался темно-синий «бумер».

— И не прячется, — констатировал Виктор. — Прилип как банный лист к...

Он слегка прижал педаль, и стрелка на нашем спидометре плавно переместилась к цифре двести. Водитель «бумера» проделал то же самое, ни на метр не отставая от нас.

— Мастер! — уважительно сказал Виктор.

— Следи за дорогой! — напомнил я. — Нам скоро сворачивать!

— Знаю! — коротко ответил Слободенюк, но уходить с левой полосы не спешил. Только когда до съезда с кольцевой на шоссе осталось всего ничего, он включил сирену и резко повернул руль вправо. Представляю, какие пожелания сыпались нам вслед из автомобилей, густым потоком идущих по всем рядам, которые мы пересекли за считанные секунды. Водителю «БМВ» удалось совершить чудо — без ми-

галки и ревуна он смог повторить наш опасный маневр и снова сел нам на хвост в самом конце полосы торможения.

До Санатория нам оставалось проехать сорок километров по шоссе и семь — по ведущей к нему лесной дороге. Непонятно было, знали преследователи о нашем убежище или нет, но они неотступно следовали за нами, буквально вися у нас на заднем колесе. На ведущей в Соловьево узкой извилистой дороге стало трудно держать скорость выше ста километров в час, и преследователи расслабились, отпустив нас метров на пятьдесят. Видимо, они сверились с картой, увидели, что в деревне дорога кончается, и решили, что возьмут нас там тепленькими. Но когда за километр до озера Виктор, пренебрегая опасностью, придавил педаль, в «бумере» что-то поняли — там опустилось стекло задней двери, оттуда высунулся ствол «калашникова», и крышу нашего автомобиля в опасной близости от моей головы пробили две пули. Мой напарник, ничуть не растерявшись, резко метнул машину влево, потом вправо, и еще несколько коротких очередей, выпущенных из бандитской машины, ушли в воздух.

Пока стрелок менял магазин, мы, наконец, увидели долгожданное озеро. Последние несколько метров наша машина прошла, отчаянно скрежеща по асфальту литыми колесными дисками — несколько пуль все-таки нашли свою цель, и обе задние покрышки разорвало в клочья. Мы с Виктором одновременно прошептали формулу перехода. Напарник резко вывернул руль, сворачивая в открывшийся проезд, вымощенный красноватой брусчаткой, оставил машину и заглушил мотор. Я обернулся назад

и увидел, как машина преследователей пронеслась мимо нас, проехала около сотни метров и резко затормозила. Потом развернулась и снова остановилась, не доехав чуть-чуть до того места, где стояли мы. Распахнулись все четыре двери, и оттуда выпали четыре человека, один из которых был вооружен автоматом, а остальные трое — пистолетами. У одного из них это был «браунинг», у второго — «стечкин», а третий держал в руке старый, но надежный «ТТ». Такой разноречивой в вооружении говорил, что они не принадлежат к какой-либо государственной структуре. Кто же они тогда?

Но, кем бы они ни были, они безнадежно опоздали. Разбившись на две пары, боевики бегали вдоль дороги, углублялись в лес, но мы для них исчезли бесследно. Они видели дорогу, лес, озеро, но — никакого здания на холме, ни малейшего следа дорожки, по которой мы свернули к Санаторию. Один из них даже подошел почти вплотную к невидимой границе, долго смотрел невидящими глазами, после чего вернулся назад, что-то приказал остальным, они уселись в машину и уехали.

Мы стояли около «Ауди» и смотрели им вслед. А когда «бумер» скрылся за поворотом, я обошел вокруг машины, посмотрел на изуродованный колесный диск, сунул палец в отверстие от пули в крыше.

— Все-таки я был прав! Как в таком виде возвращать машину хозяину? — покачал я головой. Потом повернулся к Виктору, посмотрел ему в глаза и добавил: — Знаешь, меня сейчас даже не слишком интересует, кто ты такой. Так что не утруждайся придумывать на ходу новую легенду. Скажи мне, только честно. Это прорыв?

ШКОЛА

ЧУДЕС СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Попыток вырваться на свободу мы больше не делали. Не только потому, что поняли их тщетность. На уроках было действительно интересно. Мы слушали командира, знакомились с книгами и документами. К бестолковому содержимому наших черепушек малыми порциями добавлялись новые, острые приправы, и все это постепенно перемешивалось и подогревалось. В результате получалось совершенно новое блюдо. Правда, несколько месяцев я все еще вынашивал мысль о том, что, получив первое задание, сразу приду к «своим» и разоблачу это злостное антисоветское гнездо. Конечно, перед первыми встречами я не стану выворачиваться наизнанку, как это получилось у меня тогда. Ведь они непременно опять окажутся провокаторами из Службы. Как в кино про разведчиков...

Но через полгода я кое-что понял и успокоился. Командир и все остальные преподаватели Школы вовсе не собирались делать из нас антисоветчиков и предателей Родины. Они просто открывали нам правду, и мы постепенно начинали видеть мир совсем другими, незашоренными глазами. Раскрывая те или иные тайны истории, командир не расставлял акцентов, ни разу ни в чем не обвинил кого-либо из исторических деятелей. Не призывал к свержению существующего строя. Наоборот, не скрывая его пороков, он не раз подчеркнул и некоторые его

★

преимущества перед Западом. Потом, после гибели Империи, нам всем не раз пришлось вспомнить его уроки.

Мы узнавали такие факты из давней и недавней истории, изучали такие документы, с которыми, по словам командира, знакомы были считанные люди на всей планете (открою тайну: абсолютному большинству они не станут известны и в двадцать первом веке, а может быть, не выплывут на белый свет никогда). Для этого имеются веские основания. Некоторые старые, пожелтевшие страницы из тайных архивов могли бы вызвать глобальные потрясения и массовое кровопролитие. Например, документы, раскрывающие не «общеизвестные», а действительные причины начала некоторых войн...

Изучив эти бумаги, я мог бы написать не одну толстую книгу. Только кто мне позволит это сделать? Повторяю, выйди такие книги в свет, они буквально взорвали бы мир. Или, скорее, были бы приняты за фантазии человека, помешанного на альтернативных вариантах истории. Слишком уж невероятные и порой жуткие вещи узнавали мы на уроках. Поэтому не стану отвлекаться на заведомо провальное дело, у меня совсем другая задача, и вернусь к своему рассказу.

...Много позже, когда закончился курс обучения, командир сказал нам, что мог бы значительно облегчить свою задачу. Всего, чего он добивался, вдавливая в наши головы истинные знания, он мог добиться минимальными усилиями, проведя с нами всего несколько сеансов коллективного гипноза. Просто вложить в наши не переполненные знаниями головы

нужную информацию. И все. Но в таком случае мы никогда не стали бы настоящими офицерами Службы. Дополнительных разъяснений никому из нас не потребовалось. С некоторых пор мы стали понимать гораздо больше того, что было сказано.

Зато другие преподаватели без зазрения совести пользовались методикой, от которой отказался командир. Курсы юриспруденции, оперативной работы, разведки и контрразведки, основы медицины, углубленный курс психологии и другие знания с помощью гипноза оседали в наших головах с поразительной скоростью. И, что удивительно, оставались там навсегда. Даже теперь, почти через сорок лет, я могу без особого напряжения выудить из памяти любую нужную мне информацию из школьного курса.

Почти половину учебного времени отнимали занятия по физическому совершенствованию и психологической подготовке. Мы изучали различные системы рукопашного боя и учились управлять каждой мышцей своего тела. Поддавливали друг друга в самые неподходящие моменты, чтобы отработать введение противника в транс и подчинение его своей воле. Благодаря особым, разработанным Службой методикам тренировок всего за год мы достигли высокого мастерства в рукопашных поединках. Наблюдая по телевизору бои именитых боксеров, мы обменивались мнениями и без ложной скромности приходили к выводу, что со многими из них могли бы сразиться на равных. Конечно, в нашей пятерке были свои лидеры и аутсайдеры. Постоянным победителем во всех схватках, в любых видах обычных единоборств, оказывался Мишка. Я был середняч-

ком, а Борю Кацнельсона валяли по татами и роняли на пол в ринге все члены нашей пятерки.

Но недолго Мишка торжествовал. Я не оговорился, назвав единоборства «обычными». Однажды в Школе появился маленький, тщедушный человек, с виду лет пятидесяти, который велел называть себя мастером и заявил, что будет обучать нас особой системе бесконтактного боя. Я не могу раскрыть секреты, да и невозможно изложить словами сложнейшую систему подготовки, включающую в себя особое видение мира, полный самоконтроль, безукоризненное владение своим телом и, главное, выработку особого умения предвидеть следующий шаг противника и мысленным посылом направить его удар против себя самого. Выглядело это так: наступающий противник делает выпад, но ты уже готов, потому что за доли секунды успеваешь предугадать его намерение. Вместо отражения удара ты, не прикасаясь к противнику, посылаешь ему концентрированный мысленный импульс, заставляющий его изменить направление движения, и противник падает на пол, обрушив всю силу собственного удара на самого себя. По принципу — сила действия равна силе противодействия. То есть чем сильнее бил тебя противник, тем более мощный удар получал в ответ. Для лучшего эффекта можно открытой ладонью обозначить направление посылаемого сигнала, но это вовсе не обязательно. В принципе, бой можно вести, даже держа руки в карманах.

Вот тут Боря и показал себя. Он первым освоил все премудрости бесконтактного боя, стал любимцем мастера и вволю отыгрался на всех нас в спорт-

зале. Один я кое-как сопротивлялся Боре, но он все равно неизменно побеждал, и только однажды мне удалось свести схватку вничью. А Мишка, Павел и Митя-Мустафа, даже нападая втроем, разлетались от Кацнельсона во все стороны. А он стоял в расслабленной позе, заложив руки за спину, и улыбался своей ехидной еврейской улыбочкой. Мишка выходил из себя, называл Борю бздулем и вызывал его на схватку, как он говорил, «по-честному», а когда тот не соглашался, гонялся за ним по всему спортзалу. Наблюдая за погоней, мы валились от смеха на маты. Мишка почти догонял Борю и вдруг, споткнувшись на ровном месте, падал на пол. Так продолжалось до тех пор, пока до Мишки не дошло, что вся эта возня просто разыграна Кацнельсоном для забавы. Тогда он махнул рукой и пообещал Боре, что все равно подловит его и честно накостыляет по шее. И, конечно, через полчаса забыл про обещание.

В курс обучения входили и совсем уж необычные дисциплины. Как-то в наш «класс» вошел человек среднего возраста с непримечательным лицом, из тех, с кем сегодня познакомишься, а назавтра пройдешь мимо и не узнаешь.

— Я буду учить вас искусству перевоплощения, — сказал он, поздоровавшись и назвавшись Ильей Андреевичем. — И начнем мы с тренировки ваших мышц.

— Так мы уже вроде тренированные! — Мишка до сих пор не научился выдержке и дисциплине.

— Ну что же, — улыбнулся новый преподаватель. — Раз тренированный, тогда сделай вот так.

Он прикоснулся к собственному носу, и тот вдруг

шевелинулся, вытянулся вперед и заострился, став вдвое длиннее прежнего. Одновременно с этим зашевелились его плотно прижатые к голове уши и встали перпендикулярно черепу. Это было настолько уморительное зрелище, что мы, не сдержавшись, расхохотались, а Мишка от смеха вообще чуть не сполз под стол. Илья Андреевич, ничуть не смутившись, продолжил:

— Или, может быть, ты сможешь сделать так?

Он прикоснулся ко лбу пальцами и быстро-быстро пробежался ими по своему лицу. А когда отнял руки, мы мгновенно перестали смеяться, потому что на преподавательской кафедре стоял уже не бесцветный Илья Андреевич, а хорошо всем известный красавец актер Василий Лановой. Он обвел нас веселым взглядом и спросил:

— Ну, как вам это? Хотите научиться?

Услышав наш восторженный вопль «Да!», следующие полчаса он демонстрировал нам самые разные лица — от ослепительных красавцев до страшных уродов. Одним движением пальца проводил ото лба до подбородка ужасные шрамы, легким постукиванием пальцами наносил отвратительные оспины. К концу урока мы успели забыть его настоящее лицо. А может быть, он и сам его не помнил.

— Начнем мы с тренировки мимических мышц, — сказал он в заключение, — и через год вы будете делать то же самое.

Это он, конечно, переборщил. Достичь его мастерства не удалось никому из нас, но все равно наши успехи были вполне впечатляющими.

Чем больше чудес обрушивалось на наши бедные головы, тем больше у нас возникало вопросов, глав-

ными из которых были — что это за Служба, чем она занимается и кого из нас готовят? Мы задавали их командиру, но он отвечал коротко: узнаете все в свое время. Другие преподаватели просто отмалчивались, вовсе не утруждая себя никакими объяснениями. Но никто не мешал нам, собравшись вместе в свободное время, строить свои догадки и предположения. Обсуждали мы все: от уже названных вопросов до таинственного устройства Школы. Почему по нашему коридору можно было ходить часами, постоянно возвращаясь в исходную точку? Ведь он вовсе не был замкнут в кольцо, в чем мы давным-давно убедились. Коридор не делал ни единого поворота. Почему, когда ты минуешь какую-то невидимую линию за озером, здание Школы исчезает и вернуться назад можно только с помощью командира?

Начитанный Боря Кацнельсон объяснял это так: Служба при помощи неизвестных современной науке способов изменяет свойства пространства, и Школа окружена невидимым кольцом, не дающим посторонним проникнуть на запретную территорию. Я в свое время тоже прочел немало определенного рода литературы и соглашался с ним. Павел скептически покачал головой, но промолчал, как и Митя-Мустафа. А Мишка сделал вполне прагматичное умозаключение:

— Ты, Боря, ври, да не завирайся. Какие еще неизвестные современной науке способы! А сами они из будущего, что ли? Или, может быть, инопланетяне? Нет, тут дело совсем в другом. Скорее всего, это гипноз. Если даже мы научились гипнотизировать друг друга, то представьте себе, что умеет командир?

Спорили мы долго, но так и не пришли к общему выводу. Оставалось только согласиться со словами командира, обещавшего разъяснить все в свое время.

Напомню, что для родителей все это время я служил в армии. На своих письмах я ставил обратный адрес «В/ч № 95984». На этот же адрес приходили ответы. Кто-то старательно заворачивал всю мою корреспонденцию вместо полка в Школу. Разумеется, я ни словом не упоминал в своих письмах ни Школу, ни Службу — это было строжайше запрещено. А когда по календарю подошел срок моего дембеля, я был отпущен командиром в месячный отпуск на родину. Но перед этим мы вместе с ним тщательно проработали подготовленную им легенду. Дома я заявил, что меня вместе с еще несколькими ребятами из нашего полка отобрали в трехгодичную командировку на Кубу, инструкторами по радиodelу. Командировка за границу, даже на Остров свободы, в то время была делом престижным и выгодным в материальном плане, поэтому родители только порадовались за меня. Но почему-то при прощании с ними у меня защемило сердце и навернулись на глаза слезы. Тогда я объяснил себе это тем, что вынужден был обмануть отца и мать.

По возвращении в Школу преподавателям пришлось заниматься со мной по индивидуальной программе, чтобы дать возможность догнать «однокашников». Я успел сделать это за неделю.

А через несколько дней нас повели на медицинские процедуры, и только после них командир показал нам врага. Того врага, против которого держала оборону Служба.

ГЛАВА 12

СЛУЖБА

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

— Значит, ты стоял здесь, — командир шевельнул мышкой, и фигурка на мониторе сдвинулась с места, — а Виктор — здесь?

— Да, именно так, — устало ответил я. Мы с Радзивилом в третий раз прогоняли на компьютере сцену нашего со Слободенюком бегства из Харькова в Центр, и это занятие надоело мне до чертиков.

— Потом вы оставили машину и пошли к озеру?

— Именно так.

— Виктор шел впереди или сзади тебя?

— Впереди, — ответил я уверенно, — он почему-то сильно спешил, и я еле поспевал за ним. Потом мы обогнули озеро, вышли на дорожку и пошли к зданию.

— На территории в это время никого не было? — Взгляд серых, немигающих глаз командира буквально воткнулся в мою голову, проникнув через глазницы прямо в мозг.

Я прикрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти требуемую картину, а больше для того, чтобы избежать этого инквизиторского взгляда. Радзивилл терпеливо ждал.

— Никого, — ответил я. — Но за нами могли наблюдать из окон.

— Я спросил насчет территории! — Командир недовольно повысил голос, и это было плохим признаком. Обычно он сдерживал эмоции. — Значит, вы подошли к зданию, он открыл дверь и пропал?

— Не совсем так! — не согласился я. — Открыв

дверь, он повернулся и посмотрел куда-то в сторону озера. Я тоже оглянулся, а когда повернулся обратно, Виктора уже не было. Нигде, ни на крыльце, ни в холле.

— Да, провел он тебя, как мальчишку! — констатировал командир, немного смягчив взгляд.

Я был не совсем с ним согласен. Все-таки я раскусил Виктора, понял, что он никак не может быть недавним выпускником Школы, и даже сказал ему об этом. Тогда он едко высмеял меня, а главный вопрос, касающийся прорыва, и вовсе оставил без внимания. А потом пропал, оставив меня в дураках. Это бы еще ничего, но он выставил меня дураком перед командиром. Но тут Радзивилл выдал такое, чего я никогда от него не слышал и не ожидал услышать.

— И не только тебя! — зло блеснув глазами, добавил он. — Меня он провел тоже! Правда, система перехвата не сработала...

Этого не могло быть. Командир вслух признал свое поражение! Такого, сколько я его знал, за ним не водилось. Пусть даже он сразу попытался оправдаться тем, что не сработала какая-то там система (кстати, о ее существовании я услышал только сейчас), но все же, все же... Я рискнул спросить, что он имел в виду, и тут же пожалел об этом. Командир подарил меня таким взглядом, что мне не понадобилось никаких слов, чтобы понять: эта информация не по рангу даже для майора Службы.

— Ладно, — вздохнул командир. — Поехали сначала!

Сначала — значило с момента встречи на вокзале с Виктором Слободенюком. Сменялись декорации, фигурки бегали по монитору, дрались и угоняли ма-

шины. Программа была настолько хороша, что создавалось впечатление, будто смотришь снятое профессиональным оператором документальное кино. Когда дошли до эпизода с милиционером, я был уверен, что огребу сейчас по первое число, но командир только непонятно хмыкнул и ничего не сказал.

Когда создание фильма, предназначенного, как я догадывался, для высшего начальства, было закончено, я подумал, что командир отпустит меня. Но не тут-то было.

— А теперь проведем разбор твоих ошибок, — сказал он безжалостно. — Это я еще мягко выражаюсь — ошибок. Начнем с того, что ты нарушил предписания плана «D».

Он открыл тонкую книжечку без всяких надписей на обложке и принялся нудно и монотонно читать вслух: «Получив приказ действовать по плану «D», сотрудник Службы должен немедленно прекратить находящиеся в его производстве дела и со всей возможной скоростью следовать в Центр. При этом он не имеет права контактировать ни с кем из сослуживцев...»

— Что скажешь? — спросил командир, подняв глаза на меня. — А ведь кроме этого ты проигнорировал мой устный приказ — не доверять никому! Или ты его не понял?

— Все я отлично понял! — ответил я с досадой. Ну сколько можно! Все-таки я не какой-то желторотый мальчишка, а майор, отдавший Службе тридцать семь лет!

— Понял и все равно сделал по-своему! — Казалось, что командира было не пронять ничем. Но тут я ошибся. — И оказался прав! — Он неожиданно смяг-

чил тон. — Я проанализировал всю ситуацию, и знаешь, какой сделал вывод?

Я недоверчиво посмотрел на него.

— Ты совершенно правильно сделал, что прислушался к своей интуиции. В одиночку, без Виктора, у тебя не было ни единого шанса добраться до Центра. Все-таки не зря я вас учил...

И действительно, командир сотни раз, практически в конце каждого урока, твердил нам, что офицер Службы не должен слепо следовать приказам и установлениям. Если интуиция противится какому-то действию, к ней необходимо прислушаться. За ненадлежащее исполнение приказа вы получите выскание, говорил он, а в результате неподчинения интуиции можете потерять жизнь. А ваши жизни слишком дороги, чтобы разбрасываться ими направо и налево. Слишком нас мало...

Конечно, мы тут же заинтересовались — сколько же нас на самом деле? Но когда командир не хотел отвечать на вопрос, он делал вид, что не слышит нас. Поэтому ответ мы искали сами. Во время обучения вся Служба состояла для нас из нас пятерых, Радзивилла и десятка преподавателей, которых после окончания Школы мы ни разу больше не видели. Потом мы познакомились еще с одной пятеркой офицеров, в которую входила Катя. Ну и, конечно, на заданиях мы вступали в контакт с резидентами Службы на местах, там, где они были. И это все. Подходит к концу четвертый десяток лет в Службе, а мы до сих пор не то что не видели никого из ее руководящего состава, кроме командира, но даже стали сомневаться в их действительном существовании. Ведь знали мы о них только со слов того же Радзивилла...

— А вот то, что ты так бездарно попался, не имеет никакого оправдания, — вторгся командир в мои воспоминания. — Если бы не Виктор...

— Я мог уйти от них в любую минуту! — перебил я его.

— А они в любую минуту могли пристрелить тебя! — парировал он.

— Но вы тоже попались, не так ли, командир? Ведь когда мы разговаривали с вами через компьютер, вас держали на мушке? — язвительно спросил я.

Но Радзивилла было не так-то просто подловить.

— Не сравнивай! — спокойно ответил он. — Тебя поймали, а я попался специально. Сам подставился в качестве живца. Их было четверо. Я взял всех, и сейчас с ними работают следователи Службы. Надо же было узнать, с кем мы имеем дело!

— И кем они оказались?

Мне показалось, что еще чуть-чуть — и передо мной откроется очередная тайна. Но не тут-то было. По взгляду командира я понял, что и на этот вопрос ответа не будет. Но мне очень хотелось соскользнуть с неприятной для меня темы, и я задал еще один вопрос:

— А кто такой Виктор? И для чего ему понадобился я?

— Виктор? — Командир почему-то отвел взгляд. — Виктор — твой коллега, самый обыкновенный выпускник Школы. Последний раз ты видел его в подземном ходе под Харьковом. Кстати, он еще вчера добрался до Центра. Его никто не преследовал, никто не устраивал на него никаких засад. А тот, кто освободил тебя из плена, был уже не Виктор.

— Вот это номер! — изумился я. — Но если это был не Виктор, зачем ему был нужен я?

— Это мы сейчас и выясняем, — устало вздохнул командир. — Но я думаю, что он воспользовался тобой как транспортным средством.

— Как это? — не понял я.

— Ты должен был произнести формулу проникновения.

— Но ведь он произнес ее одновременно со мной! — не поверил я.

— Ты так в этом уверен? — усмехнулся Радзивиш. — Ну что же, давай освежим твою память.

Он посмотрел мне в глаза и сказал несколько слов. В другой раз я непременно стал бы сопротивляться, ставить защиту от гипнотического воздействия, но только не сейчас...

...Мы с Виктором снова сидели в машине, снова скрежетал по асфальту металл литого диска, с которого слетела пробитая пулей крышка. Искоса поглядывая на Слободенюка, я шепотом наговаривал формулу проникновения. Он тоже произносил ее, но не синхронно со мной, как показалось мне тогда, а с почти неуловимой задержкой повторял мои слова...

— Ну что? Убедился? — спросил командир, «отпустив» меня.

— Не понял? — ошарашенно спросил я. — Этот человек проник в Центр, и никто не знает, где он сейчас прячется? Кто же он такой?

— Не знаю, — честно признался он. Лицо его при этих словах скривилось, как от зубной боли. — К сожалению, моя осведомленность тоже имеет предел.

«Что-то командир сегодня разоткровенничался!» — подумал я. Может быть, он проявил излишнее

рвание и кто-то из вышестоящих одернул его, как он сам постоянно одергивает нас? В таком случае поделим старому хрену. Пусть почувствует это на своей шкуре!

— А не попытка ли это прорыва? — Я задал командиру тот же вопрос, что задавал лже-Виктору.

— Пока нет, — уверенно ответил Радзивилл. — Это я знаю точно. Но положение очень сложное, если не сказать — критическое. И дело повернулось так, что сейчас многое зависит от тебя.

Командир сделал многозначительную паузу, наверное, для того, чтобы я проникся ответственностью, а я тяжело вздохнул. Никогда не любил роль спасителя мира.

— Точнее, не от тебя, — поправился он, чтобы я не слишком задираю нос, — а от расследования, которое ты ведешь. Да-да, именно так. Тебе надо его продолжить. И дело даже не в том, кто убил физика Назарова, хотя это тоже нужно выяснить. Главная задача — узнать, чем он занимался и зачем приехал в Харьков. Работать будешь не один. Завтра соберется твоя пятерка, и приступите к делу все вместе.

У меня поднялось настроение — командир давно не давал нам совместных заданий, поэтому последние несколько лет мы встречались нечасто.

— Отлично! — Я не стал сдерживать эмоций.

— Володя! — Тон командира смягчился. — Повторяю — ты даже не представляешь, как много сейчас будет зависеть от вас! Даже в восемьдесят четвертом, в Бобруйске, мы не были так близки к краю.

Я вспомнил ту давнюю операцию, и улыбка сползла с моего лица.

СЛУЖБА

СТАРОЕ ДЕЛО

Подземный бункер имел два входа. В одном размещался лифт для персонала, обслуживающего то, что хранилось в бункере, во втором — вертикальная шахта с грузовыми подъемниками, служившая одновременно запасным выходом. На каждой из лифтовых площадок был оборудован караульный пост. Всего их было четыре, два вверху и два внизу. Каждый пост представлял собой железобетонное укрытие с пуленепробиваемым стеклом, где за крупнокалиберными пулеметами несли караульную службу прошедшие специальный отбор солдаты. В основном это были твердокаменные индивиды, лишённые всякого воображения и обладающие стальной нервной системой. Мало ли что может померещиться молоденькому солдатику с богатой фантазией? Особенно если он узнает, что хранится в бункере? А с этими никогда не происходило никаких эксцессов.

И все равно бдительность часового проверяли несколько раз за смену. Через произвольные промежутки времени начальник караула нажимал на кнопку, и на стене пулеметного гнезда загоралась лампочка. Если в течение пяти секунд часовой не нажимал кнопку ответа, то это расценивалось однозначно — он задремал или отвлекся. В любом случае его немедленно снимали с поста и никогда больше на него не допускали — караул не страдал недостатком резерва. А нерадивого часового в лучшем случае до самого конца службы отправляли мести аэродром.

Правда, уже в другой воинской части и в другом городе.

Сектор обстрела пулемета полностью перекрывал коридор вместе с лифтовой площадкой, и в обязанности часовой входило уничтожение любой движущейся цели, если она появится перед ним без предварительного звонка от начальника караула и без разводящего, которого часовой знал в лицо и который обязан был назвать пароль. Сам же часовой в своем бетонном укрытии оставался практически неуязвим даже для разрыва гранаты. Одолеть его можно было разве что с помощью миномета, но и такой вариант был предусмотрен — при разрушении пулеметного гнезда обрушивалась лифтовая шахта (про то, что при этом под обломками оказывался заживо похороненным нижний часовой, обычно умалчивалось). Нападение на бункер теряло при этом смысл, потому что без помех вскрыть пятьдесят метров грунта и семь метров бетона можно было только выиграв войну у Советского Союза.

Бункер был устроен в дальнем уголке военного аэродрома, на котором базировался полк тяжелых бомбардировщиков «Ту-16», принадлежащий к дальней стратегической авиации. Оба входа в него замаскированы под какие-то невзрачные склады. Три раза в сутки к ним подъезжал крытый брезентом грузовик, распахивались ворота, и машина исчезала внутри. Через полчаса ворота снова открывались, и грузовик уезжал. Так происходила смена дежурного персонала. Почти все в полку считали эти постройки хозяйством отдельной команды специального аэродромного обслуживания и вооружений, в ведомстве которой находились склады с авиабомбами. Точно

никто ничего не знал, потому что по периметру складов тоже ходили часовые. И никто не задумывался, почему эта команда состоит из одних только офицеров и прапорщиков, которые практически не пересекаются по службе с другими военнослужащими авиагарнизона.

В складах на поверхности хранились обыкновенные тротилловые бомбы, весом от трех до девяти тонн. Время от времени их грузили в самолеты, и те отправлялись бомбить отдаленные полигоны, находящиеся, по слухам, чуть ли не на Северном полюсе. А то, что хранилось в бункере на глубине в полсотни метров, было одним из главных секретов Советской армии. Там ждали своего часа так называемые «изделия» — ядерные бомбы. Особое место среди них занимали несколько пузатых, похожих на огромных откормленных хрюшек, стальных бочонков. Это были самые страшные создания мрачного научного гения — термоядерные бомбы мощностью в несколько мегатонн каждая. Взорвись они, и не осталось бы следа не только от небольшого города, но и от дальних его окрестностей. Именно поэтому и применялись описанные меры безопасности.

Всю эту информацию нам выложил командир непосредственно перед нашим вылетом в Бобруйск. Объяснялась спешка тем, что на аэродроме уже второй день горели склады и рвались бомбы. Пока, слава богу, не атомные, а простые. Нет, это не началась война, и никто не бомбил стоящие в капонирах самолеты. Все объяснялось гораздо проще. То ли по чьей-то неосторожности, то ли по злому умыслу около аэродрома загорелся лес, подступавший вплотную к забору и продолжавшийся на территории во-

инской части (потом мы выяснили, что верным было второе предположение). Вовремя остановить огонь не сумели или просто элементарно проспали, и он перекинулся на склады с авиабомбами.

Первые же взрывы до полусмерти перепугали жителей окрестных домов и соседних деревень, некоторые из которых еще помнили бомбардировку аэродрома в июне сорок первого. А ведь пока рвались самые маленькие, трехтонные, бомбы. Когда огонь стал подступать к складам с тяжелыми, девятитонными бомбами, началась эвакуация населения из авиагородка и прилегающего к нему района частных построек.

Никто из гражданского населения, конечно, не знал об истинных масштабах бедствия. А вот военная верхушка, владевшая всей информацией, была испугана по-настоящему. Дело в том, что взрывами была частично обрушена грузовая шахта, и никто не знал, живы ли часовые с обоих постов, верхнего и нижнего. Главный вход оказался заблокирован огнем, но с оставшимися там часовыми хотя бы сохранилась телефонная связь. Оба страдали от голода и жажды, и никто не знал, сколько они еще продержатся. И самое страшное, из бункера не успела выйти смена техников, проводящая там регламентные работы, и ни у кого не было полной уверенности, не съедут ли у них мозги набекрень. Всем известно, что из всех факторов человеческий — самый ненадежный.

Один из самых секретных объектов в стране остался без надлежащей охраны и с голодными, а возможно, и обезумевшими от страха людьми внутри. Генералы с ужасом вцепились в свои фуражки, пре-

бывая в уверенности, что они слетят с них вместе с головами. Даже командир полка, выполнявший в это время вместе с двумя своими эскадрильями интернациональный долг в Афганистане, в эти дни, наверное, меньше опасался душманского «Стингера», чем последствий пожара в родном гарнизоне.

Наш интерес во всей этой истории был в том, что Служба получила сведения — к секретному бункеру подбирается враг. Если это на самом деле было так и он каким-то образом проник в хранилище, то ядерный взрыв невиданной мощности в географическом центре Европы станет жестокой реальностью в самое ближайшее время. Надежды на то, что он не пойдет на самоубийство, не было никакой. Враг никогда не остановится перед собственной гибелью, если ее ценой будут сотни тысяч человеческих жизней. Потеря части не уничтожает целого, а каждый враг был частью огромного и жуткого целого.

По словам командира, в нашем распоряжении оставалось не больше суток. Откуда у него были такие сведения, мы не знали и знать не хотели, хотя полностью доверяли ему. Вылетели на военном вертолете и через четыре часа полета с посадкой на дозаправку сели на бобруйском аэродроме. Разумеется, на противоположном конце от того, где горел лес и рвались снаряды. Для командования полка мы были офицерами специального отряда, имеющими предписание любыми способами проникнуть в бункер и вывести оттуда людей. Или в худшем случае — вынести. А оно, командование, должно было помогать нам, беспрекословно выполняя все наши требования.

Все необходимое для проникновения в бункер было у нас с собой, и через два часа, проведя реког-

носцировку на местности и выяснив у специалистов систему открытия и блокировки дверей, мы приступили к операции. Но сначала нам пришлось подготовиться к нашему приходу часового — иначе мы неминуемо попали бы под свинцовый дождь.

— Если не будет разводящего, буду стрелять! — истерично кричал в трубку часового в ответ на увещевания начальника караула. — И в разводящего буду стрелять, потому что срок пароля истек!

Такого испытания не выдержали даже железные нервы...

— Баранов, возникла чрезвычайная ситуация! — пытался урезонить часового молоденький лейтенант. — На поверхности пожар, к тебе может прорваться только специальная группа!

— Ничего не знаю! — Казалось, что сейчас лопнет стальная мембрана телефонной трубки. — Требуо разводящего и новый пароль!

Парень уже не соображал, что говорит...

— Он действительно будет стрелять! — беспомощно развел руками начальник караула. — Я его знаю!

— Ладно, лейтенант, мы сами с ним поговорим, — сказал я, отняв у него телефонную трубку и передав ее Кацнельсону, лучше всех нас умеющему укрощать самых твердокаменных индивидов. — Давай, Боря!

Надо сказать, что офицеры полка смотрели на Кацнельсона с нескрываемым удивлением. В те годы люди с такой ярко выраженной внешностью выглядели в Советской армии белыми воронами. Но Боря давно привык к этому и перестал обращать внимание. А если кому-нибудь приходило в голову прой-

тись по его национальной принадлежности, то такой человек потом сильно раскаивался в своем неосмотрительном поступке.

— Слышишь меня, военный? — произнес в трубку Боря, карикатурно картавя при этом. Но мы сразу расслышали в его голосе нотки, которыми он подчинял себе собеседника. — Сейчас мы придем, и ты пропустишь нас вниз. И не надо хвататься за пулемет — руки обгорят!

— Что за бред он несет? — возмущенно спросил у меня приставленный к нам майор-особист.

— Не мешай, — ответил я. — Он знает, что делает...

Боря повторил те же слова для нижнего часового.

— Вы что, идете без оружия? — спросил вслед нам майор, когда мы, одетые в серебристые скафандры, которые применяют при тушении пожаров на нефтепромыслах, направились к стене огня.

— Обойдемся! — отмахнулся я от него. Если дело пойдет наперекосяк, нам не поможет и дивизион тяжелых гаубиц. Но я не стал говорить этого майору.

Скафандры с честью выдержали испытание огнем, но все равно, когда мы добрались до относительно безопасного места, на мне трещала от жара кожа и дымились волосы. Мы аккуратно сложили свою амуницию — все-таки нас не оставляла надежда вернуться назад — и осторожно двинулись вперед по коридору. Проникающий сюда дым затруднял дыхание, но зато снижал видимость. Если бы не это, часовой давно заметил бы нас.

— Стой, кто идет! — услышали мы голос, усиленный мегафоном. — Разводящий ко мне, остальные на месте! Пароль!

Мы замерли на месте, и вдруг команды часового сменились болезненным криком. Я понял, что часовой схватился за пулемет, а тот возьми да окажись куском раскаленного добела металла. Конечно, только в его воображении, но эффект от этого оказался ничуть не слабее. Боль от ожога была самая настоящая. Я даже посочувствовал ему, но потом подумал — сам виноват! Ведь Боря его предупреждал!

Кацнельсон тем временем подбежал к обезумевшему от боли пареньку, провел «анестезию» и погрузил его в длительный, на несколько часов, сон. Я на всякий случай разрядил пулемет и спрятал патроны. Береженого бог бережет...

Мы быстро разобрались с лифтом, и вскоре такая же операция была проведена и с нижним часовым. Теперь от бункера нас отделяли только две овальные стальные двери толщиной в полметра каждая и обширный тамбур между ними. Но даже через эти препятствия по возникшему вдруг в ушах шуму и давящей головной боли мы поняли: враг там, за дверями...

ГЛАВА 14

ШКОЛА

МЫ ДЕЛАЕМ СВОЕ ДЕЛО ПРИ ЛЮБОЙ ВЛАСТИ...

В тот день командир вошел к нам с каким-то особым выражением на лице. Вообще-то он был любителем внешних эффектов, но в этот раз мы видели, что он на самом деле чем-то серьезно взволнован.

— Ну вот, ребята, и пришло ваше время! — торжественно сказал он.

Поняв, что сейчас услышим что-то необычное, мы молчали, выжидая, что будет дальше. Командир обвел нас оценивающим взглядом, будто окончательно решал, достойны ли мы услышать то, что он собирался нам сказать. Наверное, решил, что достойны, потому что продолжил:

— Завтра вы получите ответы на многие свои вопросы. Вы узнаете, что такое Служба, узнаете, чем будете заниматься, выйдя из Школы. Перед вами откроются тайны, к которым допущены только офицеры Службы. Но все это — только после кое-каких медицинских процедур, которые вы должны пройти сегодня.

— Что еще за процедуры? — недоверчиво спросил Мишка Иванов. Похоже, в нем вновь заговорила детдомовская подозрительность.

— Их названия вам все равно ничего не скажут, — мягко ответил командир, чем здорово удивил меня. В другой раз за заданный без разрешения вопрос он обязательно вставил бы Мишке по первое число. — Но вреда они вам уж точно не принесут. А вот польза будет. Хотя бы то, что вы никогда больше не будете ничем болеть.

— Так я вроде бы и без всяких процедур не сильно болею! — упрямо гнул свое Мишка, на которого нашел дух противоречия.

— А я согласен! — перебил его Боря, гневно сверкнув в сторону Мишки своими темно-вишневыми глазами.

— В любом случае, дальнейшее обучение в Школе будет возможно только после прохождения процедур! — сказал командир, не обращая внимания на

перепалку. — Кто откажется, завтра же будет отчислен и отправится туда, откуда попал сюда.

— Да я что? Я ничего! Я тоже, конечно, согласен... — перспектива возвращения в детдом сразу сбила с Мишки все упрямство.

— Больше несогласных нет? — спросил командир.

Таких больше не оказалось, и он повел нас из класса, где происходил этот разговор, в холл, а из него через незаметную дверь в плохо освещенном углу мы попали в незнакомый коридор. Причем я готов был поклясться, что раньше этой двери тут не было. Во всяком случае, я ни разу не замечал ее.

Мы шли по коридору так долго, что за это время можно было пройти насквозь не одно, а три таких здания, как наша Школа. А коридор все не кончался, и конец его все так же терялся где-то в туманной дымке. Наконец командир толкнул ничем не примечательную дверь, и мы вошли в большую, хорошо освещенную комнату. С первого взгляда мне показалось, что мы попали в женский зал парикмахерской. Вдоль стены стояли пять кресел с большими колпаками над ними, похожими на электрические фены, которыми женщинам после создания прически сушат волосы. Только тут не было зеркал и кресла стояли спинками к стене.

Осмотревшись, я увидел около каждого кресла небольшой столик с целым набором медицинских инструментов, шприцев, ампул и разнокалиберных склянок. В углу гудел аппарат непонятного назначения, от которого к каждому креслу тянулся толстый кабель. Рядом с ним за столом сидел мужчина лет пятидесяти в белом халате и такой же шапочке. Ото-

рвавшись от книги, которую увлеченно читал, он бросил на нас любопытный взгляд и, указав рукой на кресла, сказал:

— Рассаживайтесь, господа. Меня зовут Викентий Степанович, я врач, и именно мне доверена честь подкорректировать ваши организмы.

Господа? Такое обращение к себе я слышал впервые в жизни. И что за коррекция, которой он собрался нас подвергнуть? Но отступать было некуда, хотя, когда я садился в кресло, у меня мелькнула мысль, что сейчас я навсегда отрезаю себе дорогу к прежней жизни.

Итак, мы расселись по креслам, врач опустил на наши головы металлические колпаки и защелкал тумблерами на аппарате. Гудение усилилось, и мне почему-то стало жарко, хотя в комнате было открыто окно, а на улице шел холодный осенний дождь. Потом перед глазами все поплыло, и последнее, что я запомнил, — это пронзительный взгляд Викентия Степановича, проникший внутрь черепа...

...Проснулся я в своей комнате. Судя по всему, на дворе было утро. Дождь, шедший последние дни, прекратился, в окно ярко светило солнце, а за стеклом покачивалась ветка клена с немногочисленными сохранившимися на ней желтыми листьями. Первой моей мыслью было: как я сюда попал? Память сохранила каждую секунду, предшествующую потере сознания в этом дурацком кресле, а вот потом — как отрезало. Я посмотрел на настенные часы, они показывали пять минут десятого. Вот это да! Неужели я провел без памяти почти сутки? Я хорошо помнил, что когда мы вошли в «медицинский кабинет», часы на стене там показывали половину одиннадцатого.

Я свесил ноги с кровати и прислушался к своим ощущениям. Что сделал со мной чертов доктор? Но оказалось, что грешил я на него напрасно. Я никогда не жаловался на здоровье, но так хорошо, как сейчас, не чувствовал себя никогда. В груди бушевало чувство, которое приходило в детстве, когда случилось такое вот пронзительно чистое, насыщенное яркими солнечными лучами, слегка морозное осеннее утро. Я чувствовал, как послушно отзывается каждая моя мышца, как резво бежит по жилам кровь. Но торжествовать не было времени. Я не помнил, чтобы мы вчера получили разрешение валяться в кровати до обеда, и это значило, что уже пять минут назад я должен был сидеть в классе. Я подскочил и бросился в ванную, но меня остановил звонок внутреннего телефона. Я поднял трубку и услышал голос командира.

— Володя, можешь не спешить, — сказал он, будто наблюдал за мной все это время. — Умывайся и иди завтракать. Я подойду чуть позже.

В буфете наша пятерка собралась одновременно, словно договорившись. Мы посмотрели друг на друга и молча принялись за еду. Все как будто что-то поняли. С первого взгляда мои друзья внешне не изменились после загадочной «коррекции», но в их движениях появилась какая-то новая, упругая сила, и лица будто засветились изнутри.

— Недовольных нет? — с улыбкой спросил Радзивилл, как всегда незаметно появившийся, когда мы заканчивали с завтраком. — Ни у кого ничего не болит?

— Никак нет! — гаркнули мы во весь голос. Все-

ми нами владело безудержное веселье, причин которого мы не понимали.

— Тогда встали и бегом на улицу! — скомандовал он. — Вернетесь, когда придете в себя.

Не обратив внимания на смысл его последних слов, мы кучей выкатились из класса и через минуту оказались в усыпанном разноцветной листвой парке. Мы гонялись друг за другом, как пятеро толстоногих щенят, бросались со всего размаха в огромные кучи листьев, которые кто-то сгреб посреди парка, кувыркались в них и боролись совсем по-детски, забыв, чему нас учили тренеры и учителя. Продолжалось это довольно долго — энергия прямо-таки кипела в нас, перехлестывая через край. Ладно, мы четверо, молодые. Но Павел, который был по сравнению с нами умудренным жизнью мужчиной, вел себя точно так же!

Пришли в себя мы тоже все одновременно. Посмотрели друг на друга удивленными глазами, почему-то засмущались и пошли обратно в класс.

...До вчерашнего дня командир обращался с нами, как обращается добрый, но строгий старшина с желторотыми новобранцами. Теперь его тон неуловимо изменился. Он заговорил с нами пусть не на равных, но примерно так, как разговаривает толковый командир полка с младшими офицерами. Немного свысока, но вполне уважительно. Такую аналогию позже провел Павел, знающий в этом толк.

— Как чувствуете себя? — спросил командир, улыбаясь.

— Честно говоря, как никогда! — по праву старшинства ответил за всех Павел. — Легкость во всем

теле удивительная. Даже голова, кажется, соображает быстрее.

— Не кажется, — поправил его командир. — Так оно и есть на самом деле. И вообще, вам повезло. Безболезненный метод коррекции разработали и стали применять совсем недавно, лет двадцать назад.

«Ничего себе недавно!» — восхитился я. Но я подумал про себя, а Мишка воскликнул то же самое во весь голос.

— В мое время коррекцию проводили по старинке, и после процедур мы неделю лежали пластом. — Командир нахмурился, и я вдруг увидел, что он намного старше, чем выглядит. — Любое движение причиняло такую боль, рад не будешь, что родился на свет, — продолжал он. — А через неделю снова начались занятия, хотя мы еще еле таскали ноги. Так что скажите спасибо Викентию Степановичу. Это он создал тот аппарат, который вы видели в его кабинете.

— Тогда скажите... — начал я, поднявшись со стула, но командир жестом усадил меня на место.

— Не перебивай. Я знаю наперед все ваши вопросы. Ты ведь хотел спросить, что с вами сделали, не так ли?

Я кивнул.

— Так вот, что сделали и как, я вам не расскажу, потому что сам ничего в этом не понимаю. А вот что из вас получилось в результате коррекции — пожалуйста! Вы можете не поверить тому, что услышите, но все это чистая правда.

После этих многообещающих слов он испытующе посмотрел на нас, поднялся со стула и взошел на

кафедру, что сразу придало моменту некоторую официальность.

— С сегодняшнего дня, — сказал командир торжественно, — ни один из вас никогда ничем не болеет. У вас не будет ни температуры, ни повышенного давления. Вы приобрели иммунитет ко всем известным и неизвестным болезням. Даже холерные вибрионы будутдохнуть, попав в ваш организм. У вас никогда не будет ни рака, ни атеросклероза. И так — до самой смерти. Вы спросите, а от чего жетогда помирать? Вот на этом остановимся подробнее. Ни один из прошедших коррекцию сотрудников Службы, за всю ее историю, не прожил меньше ста девятнадцати и больше ста двадцати лет. Кем и почему установлен такой срок — не скажу, потому что просто не знаю. Хотя и догадываюсь. И, добавлю, стариться вы будете вдвое медленнее, чем остальные люди. К концу жизни вы будете выглядеть как шестидесятилетние мужчины. Крепкие шестидесятилетние мужчины, никогда в жизни ничем не болевшие.

Командир перевел дух и сказал:

— Вопросы по этой теме будут?

Первым подскочил, конечно, Мишка.

— А про то, чем занимается Служба...

— Не забегай вперед! — недовольно поморщился командир. — Я ведь сказал — вопросы задавать по теме. А историю Службы будем изучать на специальных занятиях, которые начнутся с завтрашнего дня.

— Командир, — поднялся Боря Кацнельсон, — скажите, а вам давно делали коррекцию?

Радзивилл внимательно посмотрел на Бору, улыбнулся и ответил:

— Сообразил? Ладно, скажу. Это было в тысяча девятьсот восемнадцатом году. А в девятнадцатом нашей группе присвоили звания лейтенантов, точнее, подпоручиков и сразу бросили в дело. Слишком тяжелое было время, и людей у Службы катастрофически не хватало. Доучивались мы уже потом.

— Подпоручиков? — спросил я. — Значит, вы все-таки служили у белых?

— Мы не служили ни белым, ни красным, — вздохнув, сказал командир. — Какая бы ни была власть, Служба делает только свое дело. Какое — узнаете чуть позже.

— Так что, выходит, вам семьдесят лет? — подсчитав в уме, недоверчиво спросил Мишка, которого совершенно не интересовала политическая принадлежность Службы.

— Можешь себе представить, недавно стукнуло семьдесят три! — усмехнулся командир.

На вид ему было не больше сорока лет.

— Погодите! — вспомнил я. — Вчера доктор называл нас господами. Значит...

— Именно так, — кивнул командир. — Викентий Степанович поступил на Службу еще в прошлом веке, и ему больше ста лет.

Вопросы сыпались из нас горохом, но на большинство из них командир отвечал — потерпите, все узнаете на занятиях. Когда мы, наконец, утомились, он сказал:

— На сегодня хватит. Даже того, что вы узнали, вам хватит, чтобы не заснуть сегодня ночью. По себе знаю. А завтра наши занятия продолжатся, но уже на новом уровне.

Только вечером я заметил, что с запястья моей ле-

вой руки пропала уродливая татуировка «Галя». Исчезла вместе со шрамом. И еще мне совершенно не хотелось курить, хотя еще вчера я не мыслил себя без сигареты. Боря и Митя-Мустафа были некурящие, а с Павлом и Мишкой произошло то же, что и со мной.

ГЛАВА 15

СЛУЖБА

СТАРОЕ ДЕЛО. ПЕРВЫЙ БОЙ

...Враг был в бункере и излучал вокруг себя такой мощный поток злобной инфернальной энергии, что она проникала даже через две полуметровые стальные двери. Это значило, что как минимум один из четырех офицеров дежурной смены, находившихся в бункере, превратился в настоящего, полноценного врага. В существо настолько жуткое, что обычному сознанию почти невозможно представить себе всю глубину той мерзости и злобы, в которую погружается человек, открывший свою душу темным силам. Не было никакого сомнения, что враг захватил сознания и остальных офицеров, превратив их в своих пособников, пониже рангом, чем он сам, но тоже чрезвычайно опасных. Одержимых, полностью подконтрольных его воле.

Мы застыли перед дверью в некоторой нерешительности. Это был первый настоящий враг, с которым нам предстояло столкнуться в боевой схватке. Прежние наши противники тоже были сильны и опасны, но все-таки они были просто одержимыми, то есть в какой-то мере оставались людьми. Но этот

офицер, который добровольно впустил в свою душу и в свой разум врага, перестал быть человеком, и сейчас в его лице нам противостояло зло в чистом виде. Мы не могли повернуться и уйти, оправдываясь потом перед командиром, что у нас были нехорошие предчувствия. Не тот случай. Предчувствия были, но мы ясно понимали: сейчас для врага не существует препятствий, он знает, как разбудить хранящиеся в бункере адские устройства и, если его не остановить, непременно сделает это в ближайшие полчаса. Больше того, он уже начал работу с бомбами. Так что если мы даже трусливо сбежим, спрятаться от взрыва все равно не успеем.

Все придуманные конструкторами хитроумные приспособления, направленные на предотвращение случайного или злонамеренного взрыва ядерных зарядов, оказались бессильны перед стихийным гением преисподней. Его не могли остановить ни электронные коды — враг взламывал их с необыкновенной легкостью, ни секретные системы блокировки — он разрушал их, даже не заметив препятствия. Здесь адское изобретение встретилось с посланцем своего настоящего хозяина, и ничто не могло препятствовать их слиянию во всепожирающем ядерном пламени. Ничто и никто, кроме нас. Только мы, офицеры Службы, могли остановить чудовище, проникшее из неведомого запредельного измерения в наш мир. Именно такие моменты были высшим смыслом нашего существования.

Вряд ли в тот момент мою голову посещали такие высокопарные мысли. Скорее наоборот. Мне навсегда запомнился ледящий страх, приковавший меня к месту и не дававший пошевелить пальцем.

И все-таки мне удалось преодолеть оцепенение. Вспомнилось все, чему учил нас на уроках командир.

— Пятерка офицеров Службы, — говорил он, — в состоянии одолеть любого врага. Но не думайте, что это будет легко. Настоящий враг — это вам не обыкновенный одержимый, с ним придется сражаться на пределе сил.

Сейчас в памяти всплыла вся теория, и оставалось только реализовать ее на практике. Я вошел в боевое состояние и увидел, как то же самое сделали все мои ребята. В свое время мы долго тренировались, и сейчас все наши чувства и реакции обострились до предела.

— Павел, Мишка и Митя, займетесь одержимыми, — скомандовал я. — Их должно быть трое, как раз по одному на каждого. Если, конечно, никто из них не оказал врагу сопротивления.

Но это вряд ли, подумал я. Святые нынче встречаются редко. А противостоять врагу, кроме офицеров Службы, могут только святые. И то лишь противостоять, но не сражаться. Противостоять и погибнуть.

— Как только справитесь с ними, сразу присоединяйтесь к нам, — продолжал я. — Мы с Борей наваливаемся на врага и вдвоем долбим его со страшной силой, пока вы не придете на помощь. Если нам не удастся его замочить, никто из нас не выйдет отсюда живым.

— Не учи, сами знаем! — буркнул Мишка и потянул на себя тяжеленную стальную дверь, открывшуюся удивительно легко и бесшумно.

На наше счастье, враг до сих пор не почувствовал нашего присутствия. Двери были устроены так, что их нельзя было запереть изнутри, но он мог найти

способ заклинить их или забаррикадировать теми же «изделиями». Тогда нам только и осталось бы, как говорят в народе, надеть белые тапочки и ползти на ближайшее кладбище. Но не исключено было и то, что он давно знал о нашем присутствии, но не видел в нас сколько-нибудь серьезного противника. Одно из отличительных качеств врага, как не раз говорил нам командир, — неумеренная гордыня.

Вторая дверь открылась так же легко, как и первая. Мы цепочкой просочились через нее и оказались в огромном бетонированном зале, наполненном прочными стальными стеллажами, рельсами, тельферами, тележками и десятками бомб различного размера. Врага и его свиту мы заметили сразу, хотя они были в дальнем конце помещения. Все четверо возились вокруг самой большой бомбы, которая, насколько мы знали, способна была смести с лица земли такой город, как Нью-Йорк, вместе с окрестностями. Не заметить их было бы мудрено, потому что излучение зла, исходившее от врага, стало настолько сильно, что от звона в ушах буквально лопались барабанные перепонки, а голову сдавливали невидимые тиски. Пришлось здорово напрячься, чтобы тиски хоть чуть-чуть разжались.

— А, спасители мира пожаловали! — прорычал враг. Им оказался невысокий коренастый капитан с огненно-рыжими волосами.

Все четыре офицера были одеты в костюмы повышенной радиационной защиты, головы закрыты капюшонами. Когда все кончилось, я долго гадал, откуда мне тогда стало известно, что он капитан, и к тому же рыжий, но так ничего и не понял. Хотя потом оказалось, что это именно так. Но в тот момент

мне было не до пустых размышлений. Голос капитана прозвучал громче львиного рыка, заглушая даже звон в ушах. Но мы были готовы к таким штучкам, зная, что в первую очередь враг постарается запугать нас.

Остальные три офицера дежурной смены оторвались от бомбы и сделали движение в нашу сторону, готовые наброситься на нас, чтобы разорвать на куски, но вдруг схватились руками за головы и, дико вереща, упали на колени. Это мои ребята начали атаку, а сам я еще раньше нанес удар по врагу, послав ему мощный гипнотический импульс, который, правда, был моментально отбит.

— Вот это да! Оказывается, они что-то могут! — зарычал враг и гулко захохотал. Звук был такой, будто со стеллажей с грохотом обрушились многотонные бомбы. — Ладно, давайте, подходите по одному и отсосите у меня по очереди! Больше вы ничего не сможете сделать! Всем вам конец! А этот город обречен!

И к этому мы были готовы. Командир всегда говорил, что враг любит издеваться и насмехаться над противником. Но знал я и то, что он терпеть не может, когда насмеваются над ним.

— Вот те нате, хрен в томате! — крикнул я в ответ, решив, что с врагом надо разговаривать на его языке. — А ... в жопу не хочешь? Сам у себя отсосешь!

Враг заревел еще громче и вдруг стал увеличиваться в размерах, пока не уперся головой в потолок. Одежда на нем лопалась и отлетала кусками. Когда слетели штаны, нашим глазам открылся ужасающих размеров член, покрытый отвратительной коростой

и огромными гноящимися фурункулами. Несоразмерно длинные кривые зубы оскалились в насмешливой улыбке, и он многозначительно помахал своим уродливым прибором. Конечно, я понимал, что все эти фокусы — не больше чем гипнотическое внушение, но все равно разозлился. Ну, подожди, скотина, подумал я, мы тоже кое-что умеем, не зря командир дрессировал нас столько времени.

Не пытайтесь быть с врагом рыцарями, учил он. Враг никогда не будет вести с вами честный бой. От него следует ждать самых подлых приемов, поэтому отвечайте ему той же монетой, а по возможности наносите удар первыми.

Я представил себе, что разгоняюсь и изо всех сил бью врага ногой по яйцам. Представил ярко, со всеми подробностями. Получилось замечательно. Под ногой что-то явственно хрустнуло, враг с воплем сдулся, приняв прежние размеры, и схватился обеими руками за промежность. Но тут же отпустил, отшатнулся и вцепился в стеллаж, чтобы не упасть. Это вступил в бой Боря. Он от всей души засветил врагу в глаз, отчего у него тут же вырос огромный синяк. Я тут же добавил под ложечку, и он согнулся в три погибели. Но и враг оказался не прост. В воздухе что-то прошелестело, и я почувствовал, что какая-то чудовищная сила отталкивает меня к бетонной стене. Теперь уже нам с Борей пришлось хвататься за стеллаж и упираться ногами в пол. Но преодолевать давление с каждым мигом становилось все труднее. Еще немного, и невидимый пресс размажет нас по холодному шершавому бетону.

И тут пришла помощь. Трое одержимых упали на пол и затихли, и сразу вслед за этим прозвучали хле-

сткие удары, от которых голова врага три раза дернулась в разные стороны. Это монстру по разу приложили разобравшиеся со своими зомбиками Павел, Мишка и Митя. Давление сразу ослабло. Я моментально воспользовался этим и нанес мысленный удар врагу, целясь в переносицу. Но он уже пришел в себя, и мой удар снова ушел в пустоту.

И — закрутилось, завертелось... Враг как-то неуловимо перетек в другую форму и превратился в огромную отвратительную крысу, размером с приличного носорога. Из рта у нее торчали длинные зубы, с которых стекала на пол ядовитая слюна. Я сразу понял, что малейший укус — и мне не поможет никакая коррекция. Слюна была смертельным ядом для всего живого. Предупредив об этом друзей, я тут же принял облик тигра и закружился вокруг крысы, не спуская с нее глаз. Боря стал черной пантерой, Павел — крупным, почему-то совершенно белым волком-альбиносом. Мишка превратился в большого бурого медведя, а Митя-Мустафа подпрыгнул и уже в воздухе стал орлом с большим, изогнутым стальным клювом и такими же когтями.

Мы нападали на врага с четырех сторон, стараясь вцепиться в него зубами и когтями, вырвать клочок поганого мяса или перегрызть важную для жизни артерию. Митя атаковал сверху, стараясь поразить крысу клювом в глаз. Но враг двигался с фантастической скоростью, постоянно ускользая от нападения, и сам несколько раз едва не зацепил кое-кого из нас своими ядовитыми зубами.

Если бы кто-то мог наблюдать за нашей полной абсурда схваткой со стороны, он увидел бы пять человек в одном конце зала и одного — в другом, кото-

рые стояли с вздутыми от напряжения жилами, злобно скалились и время от времени дергались и выкрикивали что-то непонятное, будто отбиваясь от невидимого противника. Тем не менее бой шел не на жизнь, а на смерть, и ни одна сторона пока не добилась перевеса. Правда, враг медленно пятился назад и через некоторое время оказался в углу, что сразу заставило меня вспомнить присказку о загнанной в угол крысе.

Вдруг я почувствовал, что ускользать от молниеносных бросков монстра стало труднее. И сразу понял почему. Нас стало меньше. Куда-то исчез Мишка. Стараясь не привлечь внимания врага, я оглянулся по сторонам и увидел, как Мишка, уже в своем человеческом облике, карабкается по верхнему ярусу стеллажей, прячась от чудовища. Я не понял, что он затеял, но постарался увеличить скорость, нападая на крысу со всех сторон, чтобы отвлечь от него внимание монстра.

То, что проделал этот отчаянный сорванец, решило исход схватки. Он подполз по стеллажам вплотную к врагу, преодолел его гипнотическое поле и, спрыгнув сверху, приемом рукопашного боя свернул ему шею. Раздался страшный, невероятный вой, временами переходивший в частоты неслышимого человеческим ухом ультразвука. Это кричал враг, который со смертью человека, ставшего его вместилищем, терял единственную нить, связывающую его с нашим миром. Оставшись без тела-вместилища, не выполнив предназначения, он был обречен навсегда зависнуть в черной дыре между двумя измерениями, где не было ни времени, ни пространства, и это заставляло его выть от отчаяния. А когда крик, от кото-

рого из ушей начала сочиться кровь, утих, морок пропал, и окружающий мир принял прежние, привычные формы.

Мы долго-долго сидели прямо на бетонном полу, прислонясь спиной кто куда. Не было сил что-нибудь сказать друзьям, и я лишь благодарно помахал рукой Мишке, так же обессиленно сидевшему в другом конце бункера. Только немного придя в себя, мы смогли подняться и подойти к нему. Капитан, который во время боя сбросил с себя капюшон защитного костюма и действительно оказался рыжим, лежал на бетоне, прямо под бомбой, которую так и не успел привести в действие. Голова его была неестественно вывернута в правую сторону, и он не подавал признаков жизни.

Теперь пора было заняться одержимыми. Враг все еще таился в темных уголках их душ, и его надо было обезвредить. Я, Боря и Павел приступили к ритуалу изгнания, который продолжался довольно долго, а в конце его все трое забились в припадке эпилепсии. Судорожные сокращения мышц были настолько сильны, что их тела отрывались от бетонного пола, а изо рта потекла густая белая пена.

Наконец все закончилось. Я посмотрел на лежащих без движения одержимых и понял, что помочь им не сможет уже никто. Физически они были совершенно здоровы, но их душевное состояние... Похоже, что, покидая их, враг полностью разрушил их разум, и остаток жизни им придется провести в палате для буйнопомешанных.

— Ну и здоров же был крокодил! — Мишка подошел к рыжему капитану, и я понял, что он едва удерж-

живается от того, чтобы пнуть мертвое тело. — Чуть руку мне не отхватил по самое плечо!

— Почему крокодил? — удивился Павел. — Я дрался с драконом!

Оказалось, что Мите противостоял одноглазый циклоп, в точности как в кино про Синдбада-морехода, а Боря сражался с самым настоящим дьяволом, с рогами, шипами, хвостом и всеми прочими атрибутами нечистого. Потом, когда мы написали подробные рапорты, командир объяснил нам, что каждый из нас видел порождения собственного страха, извлеченные врагом из темных глубин нашего сознания. Зато он долго и нудно допрашивал меня, как мне удалось понять, что слюна, стекающая с клыков врага, была ядовитой. А откуда мне было это знать? Понял, и все... Вымучив меня до предела, командир неожиданно объявил мне благодарность за важную информацию о появившемся в арсенале врага новом оружии. По его словам, это не было ядом в привычном смысле. Но если бы в бою твари удалось достать кого-нибудь из нас, личность пострадавшего была бы немедленно и необратимо разрушена...

...К чести командования аэродрома, к окончанию нашей операции им удалось остановить пожар и обеспечить нам безопасный выход из-под земли и эвакуацию пострадавших солдат и офицеров.

— Что с ними? — спросил майор-особист, увидев офицеров дежурной смены, которых вынесли из подземелья на носилках.

— Эти трое живы, — ответил я. — Но лучше бы вам связать их и отправить в дурдом. Сейчас они спокойные, потому что без сознания, а придут в себя, начнут так буянить, не удержите.

— А этот? — майор показал на рыжего капитана, лежащего с неестественно повернутой головой.

Командир не раз говорил нам, чтобы мы поменьше откровенничали с непосвященными свидетелями наших операций. Но сейчас мной владела такая усталость, что не было никакого желания что-нибудь выдумывать. Да и все равно через несколько дней майор забудет мои слова.

— А этого пришлось того... — развел я руками. — Иначе он взорвал бы весь город вместе с окрестностями.

— Разве это возможно? — удивился майор. — Там же десятки ступеней защиты!

— Обошел он всю защиту! — Я пожал плечами. — Еще бы чуть-чуть и...

— Вот педераст рыжий! — зло сказал майор. — Знал я, что надо его гнать из армии поганой метлой, да все зацепки не было!

— Постой, постой! — Я вдруг вспомнил один из уроков Радзивилла. — Ты его так для красного словца назвал, или он на самом деле...

— Да какое там красное словцо! — криво усмехнулся майор. — Пидор он был натуральный! Я, правда, его сам не застукал, свечку, как говорится, не держал, но сигналы доходили. Вот гад, давно тюрьма о нем плакала! Моя вина, проворонил я его...

— Ладно, майор, не переживай! — Я дружески хлопнул его по плечу. — Все кончилось нормально!

Я не стал давать особисту советов, вроде того, что ему следует держать язык за зубами, потому что знал — следом за нами сюда придет команда зачистки. Она уничтожит все следы нашего пребывания в городе, подчистит все шероховатости, уничтожит

лишние документы и постарается так затуманить участникам событий память, что через три дня они не будут помнить ничего лишнего о событиях последних дней.

Когда наш вертолет разворачивался над аэродромом, я посмотрел вниз, и перед моими глазами, как наяву, предстали рушившиеся дома и поглощавшее город огромное озеро кипящего пламени, в котором испарялись даже камни. Мне пришлось долго протирать глаза, прежде чем страшное видение исчезло. Ох уж это богатое воображение!

ГЛАВА 16

ШКОЛА

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

После визита в медицинский кабинет наша жизнь разделилась на этапы «до коррекции» и «после коррекции». В первый же день второго этапа командир вывалил на нас столько тайн и секретов, что наши головы пошли кругом. Чтобы не заниматься пересказом, приведу текст лекции, прочитанной нам Радзивиллом. Хотя я не вел никаких конспектов, лекция запомнилась с первого до последнего слова. У меня всегда была хорошая память, но после коррекции она стала, кажется, бездонной. Я и сейчас при желании могу со всеми подробностями вспомнить любой день своей жизни.

Итак, вот что рассказал нам командир.

Свою историю Служба ведет с середины семнадцатого века, и отцом-основателем ее считается член ордена иезуитов Франциск Орландо. Настоящее его

имя было Франтишек Орловский. Родился он в Полоцке, учился и вступил в орден в Варшаве, но, испытывая непреодолимую тягу ко всему новому и неизведанному, испросил высочайшего соизволения и, получив его, уехал в Южную Америку. К этому времени там, на территориях, прилегающих к устью реки Параны, процветало государство, управляемое иезуитами и практически не подконтрольное испанским колониальным властям. Иезуиты сумели защитить местное население от работорговцев, с которыми не могли справиться даже испанские правительственные войска. Для этого они приучили индейцев к оседлому образу жизни и даже добились права вооружить их огнестрельным оружием, хотя по всей Южной Америке на это был наложен абсолютный запрет.

Именно туда, в одно из селений, называемых редукциями, и попал Франтишек Орловский, превратившийся во Франциска Орландо. Поселение располагалось на самом отшибе иезуитского государства, прилепившись к самым склонам величественных Анд. На несколько сотен индейцев гуарани там приходилось два стоящих во главе редукции патера-иезуита, и на место младшего из них, который тяжело заболел и вынужден был покинуть Новый Свет, был назначен падре Франциск.

Теперь стоит подробнее остановиться на личности Орловского. Сложись обстоятельства по-другому, его имя могло бы прогреметь в мировой истории на уровне того же, скажем, Леонардо да Винчи. Франциск добивался поразительных успехов в любом деле, за которое бы ни взялся. Он был несомненным гением, но жизнь повернулась так, что память о

нем осталась только в истории Службы. Зато тут он сполна получил все причитающиеся ему почести.

Франтишек обладал невероятными лингвистическими способностями и к приезду в Парагвай владел не меньше чем полутора десятками европейских языков. А вскоре после поселения в редукции он научился разговаривать с местными индейцами так, что они принимали его за своего. Если прибавить к этому его незаурядные познания в медицине, то нет ничего удивительного, что гуарани стали буквально боготворить молодого патера.

Старший из иезуитов, падре Луис, посвящал все свое время исполнению обязанностей священника, а падре Франциск руководил всеми хозяйственными делами редукции и врачевал население. Несмотря на множество хлопот, подталкиваемый неистощимой любознательностью, он находил время на изучение истории страны, изобилующей множеством тайн. И однажды судьба подарила ему то, что определило не только его дальнейшую судьбу, но и, без преувеличения, тайную историю человечества.

Однажды падре Франциску удалось спасти от смерти заболевшего сына одного из индейцев. Это было ему не впервой, но тут отцом мальчика оказался потомок древнего рода жрецов, который, несмотря на святое крещение, упорно продолжал хранить тайны своего сословия. Преисполненный благодарности к молодому патеру — ведь тот смог сделать то, что не удалось ему самому, вооруженному древними индейскими методами врачевания, — он отвел патера в горы и показал священную пещеру, секрет которой был завещан ему предками. Он никогда не сделал бы этого, если бы не был уверен, что падре

★ Франциска не волнуют ни золото, ни серебро, а интересуют его лишь новые знания.

Потомок жрецов оказался прав. Чудесные изделия из драгоценных металлов, которых было немало в пещере, заинтересовали падре только как свидетельство высочайшего мастерства древних умельцев. Зато увидев Золотую книгу и услышав рассказ индейца, он понял, что нашел настоящее сокровище.

Книга оказалась золотой и в прямом, и в переносном смысле. Ее страницы были сделаны из тонких золотых листов с выдавленными на них знаками неизвестного алфавита. Индеец задал падре несколько ритуальных вопросов и, получив на них ответы, торжественно заявил, что отныне книга принадлежит ему. После этого Франциск с позволения жреца вынес книгу из пещеры и перенес в редуцию, где втайне от падре Луиса занялся ее расшифровкой. Трудно сказать, хватило бы на прочтение книги лет его жизни, если бы индеец не хранил в памяти передающееся жрецами из поколения в поколение содержание первой страницы, которое и послужило ключом для расшифровки остального текста.

На полный перевод книги Франциску понадобилось два года, что лишний раз свидетельствует о его гениальности. Уже в конце двадцатого века специалисты Службы проанализировали текст и пришли к выводу, что группе профессиональных дешифровщиков, даже вооруженных компьютерной техникой, понадобилось бы на это не меньше десяти лет непрерывной работы. А падре Франциск совмещал этот труд с каждодневными хозяйственными хлопотами...

Прочитав книгу от первой до последней строки,

падре, которому едва исполнилось двадцать восемь лет, понял, что его судьба предопределена в незапамятные времена таинственным автором. О себе автор не сообщал почти ничего, кроме того, что написал эту книгу, будучи одним из последних людей погибшей цивилизации, владевшей миром сотни тысяч лет.

Франциск изучил текст и понял, что жрец не случайно передал сокровище предков именно ему. Закончив работу над книгой, автор спрятал ее в надежном месте и завещал своим стремительно дичавшим сородичам свято хранить ее и отдать только тому человеку, который будет соответствовать определенным требованиям. Человек, показавшийся жрецу — хранителю книги достойным, должен был правильно ответить на несколько определенных вопросов и только после этого мог получить доступ к священному тексту. К семнадцатому веку от Рождества Христова жрецы давно уже не понимали смысла завещания, но из поколения в поколение продолжали хранить в памяти ключ к тексту, содержащийся в переводе его первой страницы. Пока, наконец, судьба не привела к реликвии достойного наследника.

Уникальность ситуации заключалась в том, что автор Золотой книги был гением и написал ее так, что понять ее и воспользоваться данными в ней указаниями мог только человек, обладающий необходимыми для этого свойствами. Иными словами, тоже гений.

— Я не буду сейчас приводить вам подробности из текста книги, — прервал командир на минуту свою лекцию. — Можете обижаться, но сейчас, на вашем уровне подготовки, вы все равно ничего в них

не поймете. Да что говорить, я и сам их не понимаю. А тот, кто понимает, попадает в руководство Службы. Такой шанс в свое время дается каждому из нас. Когда вы усвоите достаточно знаний и руководство сочтет вас достойными, вас могут допустить к полному тексту Золотой книги, и кто знает, может быть, кто-то из вас еще успеет покомандовать мной. Сейчас я изложу вам только ее краткое содержание.

Тут он обвел нас скептическим взглядом, судя по которому сам он не был отнесен к числу достойных, и продолжил лекцию.

Итак, Автор (назовем его так) был последним представителем погибшей цивилизации, сохранившим ее знания и попытавшимся передать их потомкам, когда они или хотя бы их отдельные представители достигнут определенного уровня духовного развития. Именно духовного, потому что технический прогресс не имел ровно никакого значения, разве что чисто прикладное. Описанный в книге мир был настоящим золотым веком человечества. Это была цивилизация, основанная не на технике, а на том, что наши современники называли бы магией. Но на самом деле в этом не было ничего сверхъестественного. Люди золотого века владели телекинезом, телепортацией и другими дарами Создателя этого мира так же привычно, как современные люди владеют своими пятью чувствами.

Люди этого счастливого мира доживали до почтенного возраста, не зная болезней, до самой смерти оставались полны сил, а когда приходил срок, с достоинством отходили в мир иной. Жили они в полном согласии с собой и природой, и казалось, ничто и никогда не сможет разрушить эту гармонию. Но все-та-

ки их мир был разрушен. И причиной того оказались сами люди. Можно сказать, что погубило их собственное неумеренное любопытство. За тысячи лет их науки развились настолько, что для них почти не оставалось тайн на земле и на небе. К этому времени они знали, что одновременно с их миром, рядом с ним существует множество других миров, отделенных друг от друга невидимыми, но непреодолимыми перегородками. Но однажды люди вплотную подошли к тому, чтобы проникнуть сквозь одну из этих стен.

Большинство населения было против нарушения незыблемых законов мироздания — иначе для чего Создателю понадобилось воздвигать непроницаемую границу между мирами? Но нашлась горстка любопытствующих (интересно, что слово «ученые» ни разу не встречается в тексте; скорее всего, оно отсутствовало в языке древних), которым удалось, объединив мысленные усилия, высвободить из космоса колоссальную энергию и пробить брешь в кажущейся нерушимой перегородке. Это оказалось началом конца, растянувшегося на столетия и принесшего неисчислимые беды и страдания людям погибшего золотого века.

Как потом оказалось, мир, который, на свою беду, открыли любознательные предки, принципиально отличался от нашего. В нем нет ни звезд, ни планет, а царит абсолютная холодная тьма без малейших признаков материи. Нематериальная тьма, однако, обладала неким подобием разума, точнее, бесконечной инстинктивной ненавистью, отрицающей все живое. Одна из загадок бесконечной Вселенной — отрицание и ненависть к непознанному.

Этот темный мир никогда не знал жизни, даже случайная информация о ней никак не могла попасть туда, но ненависть к жизни и ее проявлениям, свету и теплу, переполняла бесконечную тьму. Хаос, зло, антижизнь, наконец, просто дьявол — как только не называли потом то, что потоком пролилось через проделанную людьми брешь, прежде чем испугавшиеся дела своих рук «экспериментаторы» захлопнули ее.

Антижизнь, как существо нематериальное, не могла самостоятельно нанести вреда миру, в который прорвалась. Зато, мгновенно рассеявшись по всей Земле, она отыскала себе прибежище в душах людей, где находила хотя бы малейшие признаки того, что потом называли грехом. Найдя малейшую щелочку, антижизнь внедрялась в человеческие души и разум и одерживала над ними верх, подавляя любые добрые начала в человеке. Так хаос, или враг, как называли его люди, начал свое шествие по Земле, занимая место в душах людей, готовых его принять. Несколько раз захваченные злом люди, объединившись, опять приоткрывали проход хаосу, и его присутствие на Земле все увеличивалось.

Как уже было сказано, разум врагу заменяла ненависть. Но когда он захватывал человеческую душу, из этого симбиоза возникало невероятно хитрое и могущественное существо, противостоять которому людям было очень трудно. И все же группе людей, не смирившихся с поражением, удалось разработать действенную тактику борьбы с врагом, и если бы у них оставалось время, они могли бы выйти победителями из схватки. Но было поздно. Людей, захваченных врагом, оказалось достаточно для того,

чтобы они смогли подчинять себе космические силы. Когда началась развязанная врагом война всех со всеми, эти силы были высвобождены, и произошла мировая катастрофа, погубившая почти все человечество. Выжили единицы, и в их числе Автор, последний из тех, кто знал, как сопротивляться врагу.

Все это он записал в Золотой книге. Если бы он ограничился только рассказом о гибели своей цивилизации, Золотая книга осталась бы важным свидетельством ее существования, и не больше того. Но Автор ставил себе совсем другую задачу, и исторический экскурс оказался только предисловием. Далее следовало подробное описание тактики и стратегии борьбы с врагом и для начала — инструкции по изменению собственного организма, без которого борьба была бы невозможна. Пользуясь этой инструкцией, Франциск самостоятельно проделал с собой то, что сейчас называется у нас коррекцией, и для него началась новая жизнь. А еще этот год считается годом рождения Службы.

Франциск ушел из редукции и отправился в странствия. Золотую книгу он спрятал в надежном месте, и до сих пор никто не знает, где она хранится. Нашим современникам она известна только в его переводе. Используя описанные в книге методы, он находил людей, достойных вступить в Службу, обучал их, проводил с ними коррекцию и рассылал по всей Земле. Франциск смотрел на мир широко и был убежден, что борьба с врагом или, если хотите, дьяволом — вовсе не прерогатива одних только христиан-католиков. Если человек подходит для Службы, то нет никакой разницы, католик он, православный, мусульманин или иудей. Ведь врагу все равно, кто

★ перед ним, христианин или язычник. Готового принять его иудея он с радостью захватывал хоть в четверг, хоть в субботу. Если в душе человека есть изъяз, враг моментально займет в ней свое место, сколько бы, к примеру, тот же христианин ни отмахивался от него крестным знамением. А изъязами были подробно перечисленные в Писании смертные грехи...

Под видом миссионеров ордена иезуитов посланцы падре Франциска разошлись по всей Земле, проникли даже в Индию и Китай. И на каждом континенте были основаны местные отделения Службы, существующие до сих пор. Те люди, которым Франциск поручил руководить отделениями, стали называться генералами. А они назвали его маршалом.

Главная и единственная задача Службы — борьба со злом. Можно называть его как угодно — дьявол, шайтан, сатана, хаос... В Службе прижилось название враг, как наиболее отвечающее сути этого явления. Но не следует думать, что если задача единственная, то это сильно упрощает дело. Враг неистощим в своей изобретательности, и Службе приходится изыскивать все новые и новые методы борьбы с ним. И все потому, что, проникая в людские души, враг заставляет своих одержимых пленников изобретать все более изощренные методы уничтожения рода человеческого.

Те, кого в Службе называют одержимыми, — это не те бесноватые, которых представляют себе простые люди, услышав это слово. Наши одержимые, хитрые и злобные твари, никогда не показывают своей настоящей сущности. Все их существование посвящено разрушению опор созданного Творцом мира. Но самый опасный в нашей классификации

противник — не одержимые. С ними мы научились справляться даже в одиночку. Чаще всего мы даже не уничтожаем носителя, а изгоняем из него бесплотного врага, потому что захвачена в этом случае лишь часть души и человека еще можно спасти. Правда, чаще спасти удастся только тело, но не разум...

Но иногда враг полностью овладевает душой человека, и получившееся существо приобретает невероятную силу. Слава богу, такое случается нечасто. Именно для борьбы с такими тварями и создаются пятерки вроде нашей.

До тысяча семьсот тридцать пятого года падре Франциск возглавлял Службу. Незадолго до срока, определенного Господом, он захотел посетить пещеру, где когда-то ему открылась Золотая книга, — и никогда больше не вышел оттуда. Сопровождавшие маршала соратники, оставшиеся на пороге пещеры, долго ждали, а когда, забеспокоившись, вошли туда, то увидели, что проход к подземной камере с драгоценными изделиями завален огромными камнями. Исчезновение основателя Службы так навсегда и осталось тайной.

Прошли столетия. Специалисты Службы пришли к выводу, что со времен падре Франциска удалось остановить не один десяток кровопролитных войн. Пусть мы не смогли предотвратить Вторую мировую, но без нашего вмешательства она могла унести жизни трех четвертей населения планеты. Правда, не всегда все проходит гладко. Человечество постоянно балансирует на самом краю, время от времени происходит прорыв, из мира тьмы в наш мир выле-

скивается очередная порция антижизни, и все начинается сначала.

— Никто не знает, удастся ли нам раз и навсегда покончить с врагом, — сказал в заключение лекции командир. — Сейчас нас слишком мало для этого. Порой на то, чтобы отыскать одного-единственного кандидата в Службу, у специальной команды уходят годы.

Мы переглянулись между собой, испытывая определенную гордость, но командир поспешил запустить дегтя в мед.

— Вы только носы не задирайте, — предупредил он нас. — Еще неизвестно, что из вас получится. А теперь прошу задавать вопросы по теме.

— Простите, командир, — сказал поднявшийся из-за стола Павел, — но все это как-то слишком похоже на сказку. Пещера с индейскими сокровищами, отцы-иезуиты, дьявол, другие измерения... Что-то мне не верится во все это!

— Ага! — поддержал его Мишка. — Я тоже так думаю!

Остальные, и я в том числе, промолчали. Наверное, потому, что почувствовали — командир еще не все сказал. И оказались правы.

— Согласен, — ответил им Радзивилл. — Ничего не следует слепо принимать на веру. Поэтому идите обедать, а потом я вам кое-что продемонстрирую.

После обеда командир повел нас на первый этаж, где свернул под парадную лестницу. Я готов был поклясться, что раньше там не было ничего, кроме подлестничного пространства, но теперь вдруг оказалось, что ступеньки продолжаютсЯ и ведут вниз. Но уже не покрытые красно-зеленой ковровой дорож-

кой, а простые, бетонные, местами выщербленные, как в простой хрущевской пятиэтажке.

Лестница уходила далеко вниз. Сначала я пытался считать пролеты, но вскоре стал сбиваться со счета. А потом и вовсе бросил это занятие, потому что с каждым шагом чувствовал себя все хуже. Сердце колотилось как сумасшедшее, в ушах появился усиливающийся с каждой минутой звон. Наконец спуск кончился, и мы оказались перед массивной металлической дверью, тускло отсвечивавшей в свете слабой электрической лампочки.

— А дверь-то серебряная! — шепнул мне на ухо Боря.

И оказался прав. Удивительно, как командир смог расслышать его шепот, но это ему удалось.

— Правильно, — сказал он. — Дверь действительно сделана из серебра, как и стены этого помещения. Серебро — единственный материал, способный остановить то существо, которое мы там содержим. Но, прежде чем мы войдем туда, скажите мне, как вы себя сейчас чувствуете?

— Я, например, чувствую себя обманутым! — урюмо ответил Боря.

— То есть? — удивленно спросил командир.

— Вы ведь обещали, что мы никогда ничем не будем болеть, — пояснил Кацнельсон, растирая виски, — а сейчас у меня состояние — вот-вот в обморок упаду.

Мы одобрительно загудели, потому что Боря очень точно сформулировал общую мысль.

— А это не болезнь! — заявил командир. — Такое состояние всегда будет возникать у вас при встрече с врагом. Там, за дверью, мы держим тварь, которую

удалось захватить в неповрежденном виде, вместе с человеком, душой которого она овладела. А то, что вы сейчас испытываете... Как ни странно, болезненные ощущения при близости врага испытываем только мы, прошедшие коррекцию работники Службы. Среди обыкновенных людей он может оставаться сколько угодно, и никто ничего не почувствует. Неизбежные, так сказать, издержки профессии. Приходится терпеть, иначе как бы мы различали врага? Этого мы держим здесь в качестве учебного пособия, чтобы вы научились сопротивляться ему. Посмотрите на меня, я не испытываю почти никаких болезненных ощущений. Но сразу скажу, это результат многолетних тренировок. Когда-нибудь добьетесь этого и вы, но до тех пор каждая встреча с врагом будет доставлять вам страдания. Мало того, когда вы выйдете за стены Школы и окажетесь в гуще людей, года два вас будет преследовать постоянное недомогание. Это оттого, что враг, распространившись по всей Земле, старается внедриться в каждого человека. Пусть по чуть-чуть, малыми дозами, но... Почти у каждого человека в душе находится для него малый уголок, и враг окружает нас со всех сторон, подобно некоей эманации зла. Потом, конечно, вы адаптируетесь и перестанете это ощущать. Но не сразу. Готовы вы к этому?

Что мы могли ответить? Сказав «нет», я навсегда перестал бы себя уважать...

Тем временем командир распахнул дверь, оказавшуюся толщиной сантиметров в тридцать, и мы вошли в обширный тамбур, отделенный от основного помещения массивной серебряной решеткой. Командир щелкнул выключателем, и в помещении за-

горелся яркий свет. За решеткой мы увидели что-то похожее на тюремную камеру, с кроватью, табуретом, небольшим столом, унитазом и душем в углу. На кровати, заложив руки за голову, лежал человек в синем тренировочном костюме. Увидев нас, он сел и бросил на нас быстрый взгляд, в котором мелькнула такая ненависть, что меня даже передернуло. Сердце забилося еще чаще, звон в ушах усилился, и ко всему этому добавилась сверлящая боль в висках.

— Опять привел своих придурков? — презрительно спросил он у Радзивилла. — Так давай, запустай их сюда, я поимею их всех по очереди!

В ярком свете установленного над кроватью светильника человек за решеткой выглядел совсем не опасным. Маленький, тщедушный, с непропорционально большой головой, он мог бы вызвать жалость, если бы не предупреждение командира.

— Не обращайтесь внимания на его болтовню, — равнодушно произнес Радзивилл. — Ему очень хочется разозлить нас, чтобы вам стало еще хуже. А теперь представьте себе, что даете ему хорошего пинка. Сразу станет легче. Проверено. Еще легче станет, если сможете представить его смешным. Этого он совсем уж не выносит.

Как я ни пытался, но посмеяться над врагом в тот день не удалось. А вот мысленную затрещину я влепил ему довольно увесистую. И в тот же момент все мое тело от копчика до затылка пронзил резкий болевой укол, отчего я едва не свалился на пол. А мужичок за решеткой схватился за голову и разразился таким заковыристым матом, какого мне еще не приходилось слышать.

— Знаете, кем этот сморчок был в жизни? — про-

изнес командир, ничуть не смущаясь. — Грабителем и убийцей. На его счету четыре убийства с особой жестокостью, в том числе двоих малолетних детей. Это только то, что удалось доказать на суде. Враг завладел им в камере смертников, где он дожидался расстрела. Твари удалось захватить сознание охранника в коридоре, тот выпустил его из камеры и в награду тут же лишился жизни. По дороге этот фрукт убил еще троих и уже почти вышел на свободу, но мы успели вовремя. Как раз к этому времени командование решило, что Службе нужен в качестве экспоната живой враг, и была приготовлена специальная серебряная ловушка. Так время от времени делают все отделения Службы. Случилось это еще в тридцатые годы, и все это время тварь сидит вот тут, в клетке.

— Как? — не поверили мы. Головастый урод выглядел лет на тридцать, не больше.

— А вот так! Враг поддерживает доставшееся ему тело в неизменном состоянии. Похоже, он все еще надеется сбежать отсюда. В любом другом месте он давно покончил бы с собой и вышел на свободу, оборвав жизнь тела-вместилища. Но если тело умрет здесь, то он зачахнет, превратившись в безмозглый сгусток неосязаемой тьмы, неспособный вырваться из серебряной клетки. А так у него остается хоть какая-то надежда. Правильно говорю? — Последние слова командира были адресованы врагу.

Услышав это, человек за решеткой вскочил с кровати, зарычал, и вдруг его руки стали вытягиваться в нашу сторону, достигнув неимоверной длины. Одновременно с этим на пальцах выросли огромные за-

гнутые когти, острые, как ножи. Я невольно отшатнулся назад.

— Не бойтесь! — подбодрил нас командир. — Любит он новичков пугать. Но все это не больше чем обыкновенный гипноз. Со временем вы научитесь отличать внушенную картину от реальной. Но ладно, на сегодня достаточно. Пусть тварь развлекается здесь в одиночестве, а мы поднимемся в класс.

... — Вы героически лупили в подвале запертого врага, — начал командир, заняв место за трибуной. — Ему это сильно не понравилось, и, естественно, он сопротивлялся. Скажите, что вы почувствовали в это время?

— Как будто в задницу горячее шило загнали, — признался Павел, и все мы согласно закивали.

— Хорошо, что я был там и все ограничилось шилом в заднице, — усмехнулся командир. — Открою секрет: без меня вы вообще не вышли бы оттуда живыми. Пусть это будет для вас уроком номер один — никогда нельзя недооценивать врага. Это смертельно опасно.

— Командир, разрешите вопрос! — Боря дисциплинированно поднялся со своего места.

— Давай, — кивнул Радзивилл.

— Вы говорили, что враг внедрился практически в каждого человека. А как же с нами? Да и с вами тоже?

— Один из критериев отбора в Службу, — терпеливо ответил командир, — это врожденный иммунитет, отторжение врага на бессознательном уровне.

— А кто определяет, есть у человека этот иммунитет или нет? — не унимался дотошный Кацнельсон.

— Этого я вам не скажу, — с загадочным видом сказал командир, и было совершенно не ясно, то ли он сам не знает ответа на Борин вопрос, то ли нам не положено знать. — А с этого дня мы займемся изучением сильных и слабых сторон врага, после чего перейдем к методам борьбы с ним. Начнем с того, что у врага есть дурная привычка: он всеми силами старается доказать, что его не существует и все рассказы о нем — выдумки необразованной толпы и темных попов. А раз его нет, то не с кем и бороться. Именно поэтому люди, за редким исключением, не чувствуют его присутствия, как это чувствуем мы.

— Кто же эти исключения? — спросил я, подняв руку.

— Те, кого называют святыми, — коротко ответил командир и продолжил урок. Больше никто его не перебивал. Все поняли — начались серьезные дела.

ГЛАВА 17

КАТЯ

СНЕГ НА ГОЛОВУ

Почему-то, когда дело касалось моих отношений с Катей, командир проявлял несвойственную ему, прямо-таки отеческую доброту. Вот и сейчас он сначала долго расписывал в самых трагических тонах создавшуюся в Службе ситуацию и живописал опасности предстоящей нашей пятерке операции, а потом неожиданно сменил тон и голосом старого, ворчливого, но доброго дедушки сказал:

— Ладно, даю тебе трое суток. Отсчет — с зав

трашнего утра. Пусть ребята пока готовятся, а ты беги к Катерине. Она уже второй день тебя здесь дожидается... Погоди, погоди, я еще не закончил. Сегодня в Центре сменили формулу проникновения. На, запоминай.

Он протянул мне лист бумаги с напечатанным на нем текстом, который любому постороннему показался бы полной бессмыслицей. Я бросил на него взгляд и зафиксировал текст в памяти.

Потом, едва сдержавшись, чтобы не обнять старика, я выскочил от него и помчался по коридору. Я не пробежал и половины расстояния до номера, где она всегда останавливалась, когда на меня налетел бешеный разноцветный вихрь. Утихнув, он оказался повисшей у меня на шее одетой в пестрый сарафан Катей...

Мы набрали в буфете еды и целые сутки не выходили из номера. А на второй день из трех отпущенных нам добрым командиром отправились прогуляться по парку. Мы медленно шли в тени старых лип, взявшись за руки и болтая о всяких пустяках, старательно избегая тем о жизни вне Санатория и о работе в Службе. Похоже, командирские инструкции, как и у меня, были намертво вбиты в Катино сознание.

Но это ничуть не мешало нашему общению. За двадцать пять лет, что прошли со дня нашего знакомства, это была наша шестая встреча, и у нас было достаточно других тем для разговоров. Сейчас я не мог насмотреться на эту лучшую в мире женщину. Годы почти не изменили ее, Катя оставалась такой же юной, как и в день нашего знакомства. Не знаю, насколько постарел я, но, конечно, прошедшие чет-

верть века внутренне сильно изменили меня, и на многие вещи я смотрел совсем другими глазами.

На многие, но только не на наши с Катей отношения. Мое чувство к ней осталось прежним и даже усилилось. Конечно, в разлуке с ней я не монашествовал — это было бы просто смешно и противоестественно для здорового мужчины. Но ни одна из женщин не смогла заменить мне Катю. С каждым годом я все отчетливее понимал, что Катя — это главное, что есть в моей жизни. Каждый раз, расставаясь с ней, я с затаенным ужасом думал: а что, если это была наша последняя встреча? Уже на второй день после очередного расставания я начинал тосковать, причем с каждым месяцем эта тоска, вместо того чтобы утихнуть за год-другой, наоборот, все усиливалась.

И однажды мне пришла в голову здравая мысль: а почему мы не можем быть постоянно вместе? Почему Катю нельзя ввести в нашу группу? Что случится, если группа из пятерки превратится в шестерку? Что это изменит? (Мысль о том, чтобы заменить Катей кого-то из своих ребят, даже не приходила мне в голову.) При первой же встрече я задал этот вопрос командиру. Я знал его теплое отношение к Кате и ожидал если не согласия, то хотя бы человеческого участия. Но нарвался на холодную отповедь.

— Даже и не думай об этом! — резко ответил он.

— Но почему? — Вопрос был слишком важен для меня, чтобы я сдался так просто.

— Нельзя и все! — отрезал командир, но в глубине его глаз я заметил затаенную горечь.

— Это не ответ! — Я не собирался отставать от него.

— Да, не ответ! Но это одно из правил Службы! А правилам Службы ты обязан подчиняться до самой смерти! Не забыл? — Он немного помолчал, будто вспоминая о чем-то, и добавил, слегка смягчив тон: — Слушай, я тебя не понимаю — тебе дико повезло, ты нашел себе подругу из своих. Редкая удача, ведь женщин у нас так мало! Чего ты еще хочешь? Ты что, жениться решил? Или своего счастья не понимаешь? Ну, представь, что вы двадцать пять лет прожили бы вместе! Изо дня в день видеть одно и то же лицо! Бр-р! Да вы давно надоели бы друг другу и разбежались в разные стороны!

Он еще что-то говорил, но я уже не слушал, убедившись, что все мои попытки пробить его толстую кожу обречены на неудачу.

С Катей я до сих пор ни разу не заговаривал на эту тему. Почему-то мне казалось, стоит начать — и я спугну что-то невидимое, но очень важное, что возникло между нами. Но за время нашей последней разлуки, затянувшейся на пять лет, я твердо решил: надо все менять! Я согласен, что моя жизнь без остатка принадлежит Службе, которой я обязан всем, но свои личные дела я хотел бы решать сам.

И вот я шел рядом с ней и не мог налюбоваться на лицо, которое все эти годы снилось мне чуть ли не каждую ночь. И наконец решился. Оглянувшись по сторонам, будто нас мог кто-то услышать, я спросил, словно неопытный мальчишка едва сдерживая внутреннюю дрожь:

— Катя, скажи, ты ни разу не задумывалась, во что должны вылиться наши отношения? — Спросил и сам сразу понял, что сморозил какую-то глупость.

Она остановилась, внимательно посмотрела на

меня, но не произнесла ни слова, ожидая продолжения.

— Я имею в виду... как бы лучше сказать... в общем, ты хотела бы быть со мной всегда? Ну, постоянно, как это делают все нормальные люди, которые любят друг друга?

Я не ожидал, что мои слова вызовут такую реакцию. Катя отшатнулась от меня, прижалась лицом к стволу огромного дуба, около которого мы стояли, и плечи ее затряслись от беззвучных рыданий.

— Что с тобой? — Я чуть ли не силой оторвал ее от дерева и стал целовать мокрое от слез лицо. — Что случилось, Катя?

— Какой же ты тугодум! — произнесла она, преодолев рыдания, но все еще всхлипывая.

— Почему? — удивился я. Наверное, мне никогда не понять женскую логику.

— Он еще спрашивает! Сколько лет тебе понадобится, чтобы задать этот вопрос? И сколько еще пройдет, пока ты созреешь до следующего? — Катя прижалась ко мне, как только что прижималась к дубу.

— Так, значит, ты не против? — спросил я, обняв ее за плечи.

Но Катя неожиданно отстранилась от меня, заглянула мне в глаза своими колдовскими зелеными глазами и удивленно спросила:

— Ты на самом деле ни о чем не догадываешься?

— О чем? — Я ничего не понимал.

— Господи! Ну что же с тобой делать? И правда тугодум! — снова поддела меня Катя. — Конечно же, о нас! Сам ведь только что спросил, почему мы не можем быть все время вместе!

— Катя, хватит говорить загадками! — возмутился я. — Или объясни, или оставим этот разговор.

Я отвернулся от нее, сделав вид, что серьезно надулся.

— Ладно, прости. — Она печально улыбнулась. — Я забыла, что у вас все немножко по-другому...

— Где это — у вас? — снова не понял я.

— Знаешь что, — предложила Катя, — чтобы до тебя быстрее дошло, давай прогуляемся за территорию. Только не спрашивай зачем.

— Давай! — согласился я, и мы отправились в обход озера к границе территории Центра.

Я давно перестал воспринимать существование Центра как чудо. Таких чудес в Службе было достаточно. Но вместо того чтобы дать им научное объяснение, командир предложил просто принимать их на веру. Это физика двадцать пятого века или, наоборот, далекого прошлого, объяснил он, и чтобы въехать в нее, нам не хватит всей нашей долгой жизни. Не обижайтесь, говорил он, но это примерно то же самое, что обучать папуаса из джунглей квантовой механике. Центр, по его словам, представлял собой какую-то временную складку, созданную специалистами Службы по древним, так сказать, технологиям. Этакий чертовски сложный конгломерат переплетенного пространства и времени, в котором могут одновременно находиться, не встречаясь друг с другом, сотни сотрудников Службы. Где один и тот же объем могут занимать несколько разных помещений, обитатели которых не будут даже подозревать об этом. Вроде того, что если одно из помещений хотя бы на несколько секунд опережает во времени другое, они не существуют друг для друга.

Центр выстроен рядом с нашим миром, не пересекаясь с ним. А формула проникновения... Это тоже очень сложно и в то же время просто. В начале было слово... Вы представить не можете, какую силу может иметь произнесенное Слово... Предки понимали его силу и даже упомянули про это в Священном Писании.

Граница была совершенно невидима. Но никто не может преодолеть ее снаружи, не зная формулы перехода — выученных наизусть нескольких слов на древнем языке. Без этого непосвященный мог сколько угодно бродить по одичавшему парку и развалинам старого генеральского дворца, не подозревая о том, что это же пространство занято территорией Центра.

Мы подошли к тому месту, где я вместе с таинственным двойником Вити Слободенюка, агента Службы из Харькова, на днях пересек границу. Вон, даже следы от колесных дисков сохранились, будто кто-то прошелся по земле плугом...

...Катя исчезла совершенно неожиданно. Только что она держала меня под локоть, а теперь осталось лишь ощущение ее руки да слегка примятый рукав рубашки. Первой моей мыслью было, что она подшутила надо мной и осталась за невидимой чертой, на территории Центра. Обидевшись, я прошептал формулу перехода и бросился назад. В глазах на миг потемнело, как всегда при переходе границы с внешней стороны. Но, к моему удивлению, Кати здесь не было. И ни одного укрытия, где она могла бы спрятаться. А уйти далеко за такое короткое время она никак не могла — слишком быстро я вернулся. Я метнулся назад, за территорию, осмотрел все вокруг,

пробежался по лесу и, не найдя Кати, вынужден был вернуться обратно.

Она появилась через несколько минут, раскрасневшаяся и замерзшая. В ее босоножки забился снег, а в руке она держала огромный снежок...

— Что это? — опешил я.

— Разве не видишь? — засмеялась Катя, но веселья в ее глазах я почему-то не заметил.

Она подошла ко мне и неожиданно нахлобучила снежок мне на голову. Снег оказался самым настоящим, холодным и колючим.

— Сейчас хоть понял?

— Где ты была? — вырвалось у меня.

Где в начале августа в Подмосковье можно раздобыть натурального снега на такой великолепный снежок? Да еще набрать его в босоножки?

— Тут, рядышком. — Катя, не скрывая улыбки, смотрела, как я оторопело рассматриваю снятые с головы остатки снега, быстро таявшие на моей ладони. — Ну что, догадался?

И тут до меня наконец дошло. Догадка оказалась настолько невероятной и ошеломляющей, что я долго не мог произнести ни слова. А когда справился с собой, спросил совсем не то, что нужно.

— В каком году ты родилась? — прошептал я еле слышно.

— Вижу, что понял! — С Катиного лица сползла улыбка.

— Катя, я задал вопрос. — Я упрямо решил идти до конца.

— Хорошо! — сказала она. — Но ты сначала скажешь, какой у вас сейчас год.

Ответ готов был сорваться с моего языка, но тут я

вспомнил о категорическом запрете командира называть в Санатории какие-либо даты и запнулся.

— Говори, не стесняйся! — настойчиво повторила Катя. — Мы и так уже нарушили правила Службы. Теперь уж надо идти до конца.

Она так смотрела на меня, что я забыл про Службу и все на свете. Сейчас в этом тенистом парке, уютно устроившемся между времен и пространств, существовали только двое — я и она. Между нами не могло быть секретов. Но за долгие годы в кровь впитался рефлекс сохранения тайны, и перебороть его стоило мне немалых усилий.

— Девятый... — пробормотал я.

— Две тысячи девятый? — уточнила она.

— Конечно, не три тысячи, — невесело усмехнулся я.

— А я бы не удивилась! — почти серьезно сказала Катя.

— Ну, и... — Я вопросительно посмотрел на нее.

— Получается, что я еще не родилась.

— А когда это произойдет? — Мне стало слегка не по себе.

Катя подняла глаза к небу, пошевелила губами, подсчитывая.

— Случится это знаменательное событие через пятьдесят шесть лет!

— Значит, — я тоже быстро посчитал в уме, — все, что может у нас с тобой произойти в реальной жизни, — это встреча двадцатилетнего старика с семилетней девочкой? И с этим ничего нельзя сделать?

— Насколько мне известно, Служба еще не научилась проникать в чужое время, — печально отве-

тила она. — Ни в ту сторону, ни в другую. Правда, существует легенда, что ее основатель умел это делать. Боюсь, что это, как ни печально, всего лишь легенда... Единственное место, где мы можем встречаться, — это Центр. Место вне времени. Но, сам понимаешь, никто не позволит нам оставаться здесь слишком долго.

— А если попытаться сменить род деятельности? — стал фантазировать я. — Командир говорил, что в Службе существуют и другие категории работников. Наверное, штабисты могут находиться в Центре сколько угодно?

— Не будь так наивен, — грустно усмехнулась Катя. — Твоя роль в Службе предопределена раз и навсегда. Тебя отобрали для оперативной работы, и оперативником ты останешься до конца жизни. Каждый специалист в Службе готовится по своей программе — штабисты, технари, ученые... Поверь мне, Володя, все это замкнутые касты, и переход из одной в другую попросту невозможен. Наверное, вам говорили, что со временем вы будете допущены к тексту Золотой книги и если сможете понять его, то перед вами откроется дорога в руководство Службы?

Я молча кивнул.

— Вранье! — жестко отрезала Катя. — В руководство не попадают со стороны. Знаешь, был такой старинный анекдот — может ли сын генерала стать маршалом? Ответ — конечно нет! Ведь у маршала есть свой сын!

— Ты хочешь сказать... — начал я, но Катя перебила меня.

— Служба — далеко не идеально устроенная организация, — с горечью продолжила она. — Мы с то-

бой — рабочие лошадки низового звена и обречены навсегда оставаться ими. Максимум, чего мы сможем достичь, — это стать командиром пятерки. И наоборот, никто из детей высшего руководства никогда не станет офицером-оперативником. Им с рождения предопределена совсем другая судьба.

— Но ведь надо пройти отбор, обладать определенными качествами! — Я верил и не верил тому, что говорила Катя. — Неужели все дети руководителей...

— Можешь не сомневаться! — В ее голосе прозвучал сарказм. — Этими качествами они обладают по праву рождения. Все, без исключения!

Вдруг я заметил появившиеся на Катиных глазах слезы.

— Что с тобой, родная? — Я обнял ее.

— Володя, я не хотела тебе говорить, — всхлинула она, — но это нечестно по отношению к тебе. Ты должен об этом знать.

Я гладил ее по голове, ничего не говоря, потому что понял — сейчас будет сказано что-то очень важное.

— Но ты должен сказать, что простишь меня!

— За что? — не понял я. Вот же чисто женская логика — заранее просить прощения, а за что — догадайся, мол, сам...

— За то, что я так долго молчала! Скажи, простишь?

— Ну конечно! — пообещал я. — Ты еще сомневаешься?

Катя помолчала немного, вытерла платочком слезы и тихо сказала:

— У тебя есть сын, Володя, и ему уже двадцать два года. Я назвала его Антоном. Антон Владимиро-

вич Кубанский. Он родился после нашей второй встречи. А молчала я столько лет потому, что у тебя нет никаких шансов увидеть его. Антон не прошел отбор в Службу. Посторонние, как ты знаешь, не допускаются на территорию Центра, а больше вы с ним нигде не сможете увидеться.

Я стоял и молча переваривал услышанное. Столько потрясений в один день! Но услышав последние слова Кати, я встряхнулся.

— Постой, постой! Наш с тобой сын — посторонний? Кто это так решил? Кто может запретить мне увидеть собственного сына? — разъярился я. — Да я тут все вдребезги разнесу!

— Не кипятись! — одернула меня Катя. — Горячность ничем нам не поможет. Но я кое-что придумала.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто нас не подслушивает, она приблизила губы к моему уху и, горячо дыша, стала нашептывать мне такое, от чего мои глаза полезли на лоб...

Потом, когда мы шли по дорожке из красного камня в сторону дворца, я попросил Катю:

— Расскажи про нашего сына. Какой он?

— У нас замечательный мальчик, — сказала она.

Всю ночь я слушал ее рассказы про Антона и готов был слушать еще тысячу ночей...

ПРОЗРЕНИЕ

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. СЕМЕРО

 овершенно не изменившиеся за прошедшие годы, семеро снова сидели в той же комнате. Все было как в прошлый раз, с одним только отличием — теперь перед каждым из них на столе стоял большой компьютерный монитор, на котором гонялись друг за другом человеческие фигурки. Если бы эту картинку мог видеть майор Кубанский, то сразу узнал бы созданный по его сценарию виртуальный фильм-реконструкцию о своей последней операции. Семеро смотрели его уже в третий раз, теперь в замедленном темпе, и чем дальше, тем сильнее у них портилось настроение. Когда с экрана в очередной раз исчез лже-Слободенюк, Лев тяжело вздохнул и выключил компьютер.

— Сколько ни смотри, понятнее не станет! — зло констатировал он. — Что скажете, господа?

На некоторое время в комнате повисло гнетущее молчание. Первым его нарушил Ицхак.

— Неужели это он? — Выражение его лица не изменилось, но все присутствующие видели — Ицхак по-настоящему испуган. Они и сами испытывали то

же чувство. — Чан, что ты молчишь? Скажи что-нибудь! Твой отец знал его лично, неужели он ничего тебе не рассказывал?

Китаец промолчал. Вместо него заговорил Лев.

— Ицик, ну чего ты пристал к человеку? — упрекнул он израильянина. — Что он может тебе сказать, если видел то же, что и ты?

— А ты? — Ицхак переключился на Льва. — Ты тоже хорош! Лева, ну скажи мне, как можно было упустить человека в собственном Центре? Неужели ты не контролируешь свою резиденцию?

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился Лев. — В Центре нет ни одного не просматриваемого уголка! Но этого человека не зафиксировала ни одна из камер слежения. Как будто он превратился в невидимку.

Неожиданно на помощь к нему пришел Аббас.

— Ицхак, прекрати истерику! — сказал араб, старательно скрывая раздражение и растерянность. — Неужели ты не понимаешь, что если это действительно был он...

И замолчал, махнув рукой.

— Я не узнаю вас, господа! — заговорил наконец китаец. — Наш разговор напоминает мне перебранку торговцев на шанхайском рынке. Нужно не ругаться, а напрямь извилины и найти выход из кризиса. Кто бы это ни был, он не должен помешать нашим планам. Подумайте — даже если это был он, откуда он мог узнать о наших намерениях? Мы ведь ни разу не обсуждали их за стенами комнат для переговоров. Да, Ицхак, ты прав, отец на самом деле много рассказывал мне о нем. Он и в самом деле был очень силен. Но не всемогущ. И не мог подслушать

наш разговор, потому что сделать это можно, лишь нарушив законы природы. Впрочем, вы сами прекрасно это знаете!

— Зато мы не знаем, где он скрывался и что делал все это время, — прогрохотал Ингмар. — Мало ли на что он теперь способен!

— Ты предлагаешь сложить руки? — поморщился Чан.

— Нет, конечно. Я просто призываю к осмотрительности.

— Хорошо, — согласился китаец. — Мы будем соблюдать осторожность. Скажи, Лев, пятерка Кубанского справится с ним?

— Думаю, да, — с некоторым сомнением ответил Лев. — Эта пятерка справится даже с нами. Но для этого сначала надо его найти.

— Главное, поставить Кубанскому правильную задачу, — возразил Аргжун. — Тогда и искать не придется. Он сам выйдет на пятерку оперативников.

— Постановку задачи я беру на себя, — кивнул Лев. — Нужно только правильно объяснить все Радзивиллу. Так, чтобы он сам поверил. Его они не слушаются.

— А вдруг они копнут слишком глубоко? — настороженно спросил Иеремия, приглаживая начинающие седесть волосы.

— Не копнут! — уверенно ответил Лев. — Для этого нужно обладать полной информацией, а я не собираюсь давать им ее. Не буду скрывать, месяц назад я рассматривал вероятности, и они складывались не очень удачно для нас. Объектом возмущения оказался именно Кубанский. Чтобы привести систе-

му в равновесие, мне пришлось отослать его на другой конец Земли, на Гавайские острова. Но теперь все пришло в норму, равновесие восстановилось.

— Ты ведь сам говорил, что Кубанский обладает уникальной способностью предвидения, — не сдерживаясь Иеремия. — И остальные члены его пятерки тоже далеко не просты...

— Ничего, у меня есть возможность заставить их предвидеть то, что нужно нам, — засмеялся Лев.

— Знаете, — задумчиво произнес Аргжун, — как раз в тему. У меня неважное предчувствие... Лев, ты на самом деле уверен в своих людях? Вдруг они взбрыкнут в неподходящий момент?

— Ну что ты канючишь раньше времени! — невежливо перебил его Лев. — Даже если не справятся они, всегда сможем вмешаться мы.

Почему-то в его голосе не прозвучало той уверенности, которую он хотел вложить в эту фразу.

— Когда он выйдет на пятерку Кубанского, — индус будто не слышал реплики Льва, — мы должны быть готовы к встрече...

— Пора заканчивать с ним! — гневно сказал Ицхак. — Надоело! У нас почти все готово, остались мелочи, а мы не можем начать. И все из-за него!

— Кстати, — вмешался Иеремия, — не пора ли останавливать кризис? Мы уже достаточно на нем заработали, чтобы покрыть все наши расходы.

— А зачем? — ухмыльнулся Ицхак. — Пусть те, через которых мы все организовали, сами выкручиваются! Мы и так позволили им слишком многое. Кое-кто поймел на всем этом не меньше нашего и теперь слишком о себе возомнил... Мы взяли от кризиса все, что хотели, а дальше не наша забота.

Остальные согласились с Ицхаком.

Через час, обсудив все вопросы, семеро покинули комнату для особо секретных переговоров, и вскоре она снова оказалась замкнута в пространственно-временном коконе, став недоступной для посторонних. Идя по длинному, облицованному полированным светлым деревом коридору, никто из них не обернулся и потому не заметил скользнувшую вслед за ними тень, мгновенно растаявшую в воздухе. Но ни у одного из них не было привычки оборачиваться.

ГЛАВА 1

Служба в опасности

— Успели обменяться новостями? — спросил Радзивилл, войдя в учебный класс, как всегда не поздоровавшись, будто расстался с нами пять минут назад. На лице его играла широкая улыбка. Было видно, что он рад видеть нас, собравшихся вместе. Мы тоже были рады. Что собрались вместе. И еще тому, что старик снова с нами.

По старой привычке мы приветствовали его стоя. Я с любопытством посмотрел на большой старомодный портфель из желтой кожи, который командир держал в руках, потом перевел взгляд на его лицо и понял, что старик приготовил для нас сюрприз. Так оно и оказалось. Радзивилл открыл портфель и стал одну за другой извлекать из него небольшие красные коробочки, похожие на те, в которые в ювелирных магазинах упаковывают драгоценности для подарка. За коробочками последовала толстая стопка бумаг.

— Господа офицеры! — торжественно произнес командир.

Раздался стук отодвигаемых стульев, и мы вытянулись по стойке «смирно», руки по швам.

— Мне поручена ответственная и приятная миссия! — Торжественность в голосе Радзивилла достигла высочайшего накала. — То, что я должен сейчас сообщить вам, из соображений секретности до сих пор держалось в тайне. Но сейчас пришло время. Майор Кубанский!

— Я! — Моя стойка стала еще «смирнее».

— За ликвидацию угрозы ядерного взрыва в густонаселенной местности в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году вам присвоено звание Героя Советского Союза. Тут секретное приложение к указу президиума тогдашнего Верховного Совета, — он потряс пачкой бумаг, — но зачитывать не буду, потому что тогда мы и до ночи не управимся. Так что прошу верить мне на слово. Согласны?

— Так точно! — выпалил я. — Согласен!

Ничего себе! Оказывается, я уже четверть века хожу в героях!

— Это за Бобруйск, сынок, — другим, неофициальным тоном добавил командир. — Понял, надеюсь?

— Так точно, понял!

— Да не кричи ты, — улыбнулся он. — Будь проще! Это еще не все. Орден Боевого Красного Знамени — за Воронеж, Красная Звезда — за Магадан, орден Ленина — за Шауляй, орден Мужества — за Крым. Один из первых, кстати!

Скоро коробочки с наградами перестали помещаться у меня в руках, и я стал складывать их на сто-

ле. Орденов было в несколько раз больше, чем принес с Великой Отечественной мой покойный отец. «Вот бы порадовался старик за меня!» — подумал я. Он всегда очень трепетно относился к таким вещам.

— Майор Кацнельсон! — Следующим по списку шел Боря. Ему тоже досталась изрядная порция славы.

В итоге каждый из нас оказался Героем Советского Союза и обладателем большого количества других боевых наград как ушедшего в историю Советского Союза, так и новой России.

Когда звездопад закончился, командир дружелюбно спросил:

— Ну что, довольны, орлы?

Я кивнул, Боря ехидно хмыкнул (но по глазам я видел, что ему тоже приятно), а Мишка подскочил и заявил громогласно, пряча довольную улыбку:

— Не за награды служим, а исключительно исполняя долг перед отечеством!

— Ладно, ладно, садись... герой! — улыбнулся в ответ командир. — Я все понимаю. Помню, когда свои цапки получал... Трижды героем стать сподобился! А бюст на родине все равно не поставили. Тоже из соображений секретности...

Тут командир неожиданно запнулся и резко сменил тему:

— Налюбовались? Тогда попрошу сдать награды! У меня в сейфе они будут сохраннее.

— Что, даже примерить не дадите? — делано огорчился Мишка. — Хотя бы перед зеркалом покрутиться...

— Отставить шуточки, капитан Иванов! — строго сказал Радзивилл, но в глазах его промелькнула

веселая искорка. — Не забывайте, что вы герои тайной войны и светить свои награды вам не придется никогда. Надеюсь, в положенных вам льготах и привилегиях вы не нуждаетесь?

Мы дружно рассмеялись. И в самой Школе, и после ее окончания наш быт был несравнимо комфортнее быта большинства наших сограждан.

— Вот и хорошо! — констатировал командир. — Ну а без публичной известности и мировой славы как-нибудь обойдетесь. А чтобы облегчить ваши страдания, сообщаю, что всем вам присвоены очередные звания. Кубанский и Кацнельсон со вчерашнего дня подполковники, остальные — майоры.

Мелочь, а приятно! Хоть и сомнительная это честь — стать подполковником на излете шестого десятка. Впрочем, что это я? Не в армии же, в самом деле!

Радзивилл собрал у нас коробочки с наградами, сложил в портфель вместе с бумагами и жестко сказал:

— Все! Праздник окончен, начинаются будни. Задание вам предстоит сложное и опасное, так что настраивайтесь серьезно. Ты, Михаил, не улыбайся, ничего смешного я не сказал...

— Да я ничего. — Рот у Мишки растянулся до ушей. — Просто вы перед каждым заданием одинаковые слова говорите.

— И что, я хоть раз соврал? — возмутился командир. — Или у вас когда-нибудь были простые или безопасные операции?

— Вообще-то нет, — смущенно ответил новоиспеченный майор, в своем довольно солидном возрас-

те внешне остающийся все тем же долговязым веснущатым парнишкой, лишь слегка повзрослевшим.

— Вот и помалкивай! — отрезал Радзивилл и добавил, обращаясь ко мне: — Придется тебе, Кубанский, дисциплину в пятерке подтянуть! А то распустил подразделение...

Я показал Мишке из-под стола кулак.

— Я ничуть не преувеличиваю. Положение действительно тяжелое! — В голосе командира прозвучали металлические нотки. Поняв, что шутки закончены, мы подобралась. Даже с Мишкиного лица исчезла улыбка. — Хуже всего, что наши лучшие аналитики до конца не понимают, что происходит. Случилось то, чего не было со дня основания Службы, — нам противостоит тайная организованная сила, по всем признакам не имеющая отношения ни к одной из российских или зарубежных спецслужб. А мы, к глубокому нашему сожалению, ничего о ней не знаем. Кроме того, что организация достаточно мощная. Кубанский имел возможность в этом убедиться...

Я сверлил взглядом крышку стола, не в силах поднять глаза на ребят, хотя они уже знали о моем харьковском позоре.

— ...Слушайте дальше, — продолжил командир. — По разработанному штабом сценарию я поставился противнику, и в моем собственном доме меня попытались взять четверо придурков. Конечно, у них ничего не вышло, я скрутил их и доставил по назначению. Но оказалось, что они практически ничего не знают. Кроме того, что они должны были заставить меня сдать своим сообщникам Кубанского. То есть я должен был убедить тебя, Володя, оставить

ся в квартире харьковского резидента, Виктора. Когда я повязал их, то думал, что мне удастся легко вытащить из них имя и фоторобот командира или заказчика, но не тут-то было! Эта информация у всех четверых оказалась закрыта таким мощным блоком, что снять его не получилось не только у меня, но и у лучших специалистов из штаба. Как только пытаешься проникнуть чуть глубже, у них начинает отставливать сердце. Не хочется брать грех на душу, ребята хоть и нарушили закон, но все равно жалко их... Они ведь даже не одержимые. Обыкновенные парни из ОМОНа, все на Кавказе повоевать успели. Просто позарились на легкие деньги, решили подзаработать в свободное от работы время.

Командир замолчал, переводя дыхание, и я воспользовался этим, чтобы задать вопрос:

— Неужели такое возможно? Чтобы специалисты Службы да не смогли снять чей-то блок?

— Я тоже так думал, — ответил Радзивилл. — Но, представьте себе, дело обстоит именно так.

— Кто же ставил блок? Что за уникальный специалист?

— Вот это нам и предстоит узнать, — вздохнул командир. — Есть подозрение, что в деле замешан один из наших бывших высокопоставленных работников.

— Разве бывают бывшие работники Службы? — недоверчиво спросил молчавший до этого Павел. — Тем более высокопоставленные?

— Нет, конечно. Но тут особый случай. У одного из старших штабных офицеров возникли разногласия с верховным руководством Службы. Это случа-

ется иногда. Вольномыслие у нас не преследуется, широта взглядов не запрещена...

Я скептически хмыкнул про себя. Вот уж не замечал... Но вслух ничего не сказал.

— ...Обычно в таких случаях все разногласия разрешаются путем переговоров. Как правило, устраивается дискуссия, во время которой третейские судьи решают, кто прав, а кто нет. Добавлю — никогда проигравшая спор сторона не подвергалась никаким репрессиям. С самого основания Службы — ни разу. Но в этот раз штабист чего-то испугался и не явился на дискуссию. Больше того, он вообще пропал, и уже второй год никто не знает, где он скрывается. А это уже дезертирство.

— Но какое отношение этот дезертир имеет к нашему делу? — прозвучал голос Мити-Мустафы, чему я немало удивился. Обычно он предпочитал помалкивать, наматывая услышанное на ус.

— Самое прямое, — мрачно ответил командир. — Есть все основания предполагать, что именно он стоит за непонятной организацией, которая хотела захватить Кубанского. Точнее, которая захватила Кубанского...

— Может быть, хватит, командир! — взмолился я. — Ну сколько можно!

— Сколько нужно, столько и можно! — отрезал Радзивилл, но неожиданно смягчился. — Просто вы должны понимать, с каким противником вам придется иметь дело.

— А с каким? — невинно спросил Боря.

— Тяжело с вами! — Радзивилл остановил на Боре долгий испытующий взгляд. — Слишком быстро соображаете.

— Разве это плохо?

— Иногда бывает не слишком хорошо! — загадочно ответил командир. — Короче, давайте я объясню вашу задачу, а все вопросы потом.

Мы плотно устроились на стульях и приготовились слушать.

— Чтобы добраться до главной цели, начинать вам придется с дальних подступов, — начал Радзивилл. — То есть с последнего дела, которым занимался майор... подполковник Кубанский. С убийства физика Назарова. Все улики сходятся на том, что застрелили его члены нашей таинственной организации. Вы должны выяснить, чем занимался Назаров и к кому он ехал в Харьков. Это может помочь выяснить мотивы преступления и выйти на убийц. Кстати, судя по реакции противника, Кубанский подошел к ним уже довольно близко.

Потом вы должны выйти на организацию, захватить кого-нибудь из ее осведомленных членов и доставить его в Центр. Надеюсь, не у каждого из них стоит в башке блок. Но и это не главная задача. Если за всей этой катавасией стоит наш беглый штабист — а аналитики думают, что это именно так! — то он обязательно должен будет появиться где-то рядом с вами. Вот тут-то вы и должны будете показать, что не зря учились в Школе!

— Велик подвиг — повязать какого-то штабиста! — презрительно фыркнул Мишка.

— Не говори гоп! — осадил его командир. — Этот штабист прошел подготовку не хуже вашей. И главное, что вы должны знать: произошел невероятный случай! Похоже, что в его сознание проник враг. Как это могло произойти, я не представляю. Сейчас умные головы в штабе исследуют этот вопрос. Или, де-

зertifировав, штабист потерял иммунитет, или мы далеко не все знаем о враге... Короче, представляете, какая может образоваться адская смесь? Это будет серьезнее бобруйской твари!

— Да-а! — протянул Кацнельсон. — И как, интересно, аналитики оценивают наши шансы?

— Примерно пятьдесят на пятьдесят, — честно признался Радзивилл. — Но я на вас очень надеюсь, ребята. Скажу вам то, чего никогда не говорил. Вы — наша лучшая пятерка. Вас готовили по особой программе именно для таких, самых сложных случаев. Если не справитесь вы — не справится никто. А сейчас под угрозой оказалось само существование Службы. Ведь дезертир знает о ней все! Поэтому я даже не приказываю, а прошу: вывернитесь наизнанку, но остановите его!

— Когда приступаем? — коротко спросил я.

— До завтрашнего вечера вы свободны, — понял меня командир. — К этому времени аналитический отдел обещал обработать информацию и выдать вам последние рекомендации.

Он взял портфель и, слегка сутулясь, вышел из учебного класса.

— ...Здорово старик сдал, — задумчиво сказал Боря. — Вы заметили? Внешне ничего, а по глазам уже видно.

— Не забывай о его возрасте! — откликнулся Павел. — Посмотрим, каким ты будешь, когда у тебя останется десять лет жизни. Но это же надо — трижды герой! Никогда бы не подумал!

Мы сидели в беседке посреди старинного парка, окружающего здание Центра, и обсуждали новое задание.

— Меня больше тревожит другое! — второй раз за день подал голос молчун Рахимов. — Что-то в этой операции такое... мутное, что ли? Вроде бы все нормально, по-честному, а на душе кошки скребут. Чувствую, что командир от души говорит, не темнит, и все равно...

— Ребята, а ведь Митя прав! — Боря прикрыл глаза, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. — Ощущение, правда, не очень!

Мы все прогнали в памяти беседу с командиром и вынуждены были согласиться с Митей. А Паша добавил:

— Такое впечатление, что кто-то держит нас за дураков!

— Кто? — возмутился Мишка. — Командир, что ли?

— Ну, не командир, конечно, — смутился Паша. — Но ведь его могли ввести в заблуждение.

Мы давно уже не были наивными мальчишками, только что вышедшими из стен Школы. Не раз мы замечали странности в полученных заданиях и обсуждали их между собой. Возмущались, когда у нас отбирали практически завершенные дела, не ставя потом в известность, чем они закончились. Многое нам не нравилось, и мы прямо говорили об этом командиру. Иногда он объяснял нам странности, чаще — нет. И все-таки мы всегда выполняли задания. Но никогда еще чувство сомнения перед началом операции не было таким острым.

— Предлагаю сделать так, — сказал я. — Командиру ничего не говорим. Что мы можем ему предъявить? Смутные подозрения?

— Не такие уж смутные, — пробормотал Митя.

— Хорошо! Пусть не такие уж смутные. Но ничем не подкрепленные, кроме нашей интуиции.

— Разве этого мало? — перебил меня Боря.

— Вы дадите мне договорить? — возмутился я. — Правильно командир сказал — пора дисциплину подтягивать! Распустились!

— Молчу, молчу! — шутиливо испугался Боря.

— Вот то-то же! — сказал я в том же тоне. — А то забыли, кто здесь главный! В общем, предлагаю — старику ничего не говорим. Во время операции постоянно прикрываем друг другу спины и, главное, все время прокачиваем ситуацию. Если что-то пойдет не так, никто не сможет заставить нас действовать против совести. Я прав?

Я спешил закончить дискуссию, потому что меня ждала Катя. Завтра мы оба должны были покинуть Центр, и это была наша последняя ночь. При этой мысли я вздрогнул и мысленно перекрестился. Не дай бог, чтобы и в самом деле последняя!

Ребята согласились со мной, и через несколько минут я был уже в номере у Кати.

Моя любимая сидела на диване, вид у нее был довольно грустный. Да и то, с чего бы ей было веселиться?

Еще позавчера мы договорились, что я не буду скрывать от нее сути предстоящего мне задания — от этого напрямую зависела моя встреча с сыном. Но стоило мне открыть рот, как она приложила палец к губам и предложила прогуляться по парку. Мы вышли из здания и, спустившись к озеру, устроились на берегу. Только тут я рассказал Кате все, что услышал сегодня от командира. Она внимательно выслушала меня и надолго задумалась. Я сидел рядом, держал ее

за руку и терпеливо ждал. Наконец она встряхнула головой, будто очнувшись от дремы, и сказала:

— Ты чувствуешь — в вашем задании что-то не так?

— Значит, ты тоже поняла! — восхитился я и передал ей наш разговор с ребятами.

— Вы все правильно решили, — одобрила Катя. — Скажу даже больше. Сами вы вряд ли найдете того, кого твой шеф назвал дезертиром. Скорее он сам выйдет на тебя. Мне почему-то кажется, что ты ему нужен. Так вот, если это случится, не спеши хватать его и вязать. Сначала выслушай его, а потом решай, что делать дальше. Может быть, это именно то, о чем я тебе говорила. Кстати, если бы он желал тебе зла, то сто раз сумел бы его причинить. У него было для этого достаточно времени.

— Когда это? — удивился я.

— Неужели ты не догадался, что именно с этим человеком ты добирался из Харькова в Центр? Ну точно тугодум! — рассмеялась Катя.

Разумеется, мы не стали тратить эту ночь на такую ерунду, как сон...

ГЛАВА 2

Снова в Харькове

Почему именно меня Радзивилл когда-то назначил старшим группы? Я не раз задавал себе этот вопрос и не находил ответа. По моему глубокому убеждению, Боря Кацнельсон по всем параметрам гораздо лучше подходил для этой должности, но почему-то он стал только моим заместителем. Или Павел —

жизненного опыта у него было значительно больше, чем у меня. Я еще учился в школе, когда он был уже старшим лейтенантом. А теперь я иду на звание впереди... Однажды я задал этот вопрос командиру и получил туманный ответ: начальству виднее! Кого он имел в виду, себя или кого-то повыше, я так и не понял.

Надо сказать, что ребята приняли мое назначение без возражений. Мне показалось даже, что они и не ожидали ничего другого. Почему? Тоже непонятно.

Может быть, кто-то получает удовольствие, беря на себя ответственность, принимая решения и отдавая приказы. Но только не я. Каждый раз мне кажется, что я все делаю не так и очередное задание непременно будет провалено. Слава богу, мои опасения не оправдывались и каким-то чудом я ни разу не пролетел по-крупному. В послужном списке нашей пятерки не было ни одной неудачи. Да и в тех делах, которые мы называли «сольными», никто из нас ни разу не ударил в грязь лицом.

А вот нынешнее наше расследование продвигалось далеко не так гладко, как хотелось бы. Дело осложнялось тем, что нам пришлось работать в полностью автономном режиме. Радзивилл категорически запретил прибегать к помощи агентов Службы на местах. По его словам, операция была полностью засекречена, и кроме нас о ней знал только ее разработчик, Глава Службы. Легендарная личность, о которой даже командир упоминал с таинственным придыханием. А аналитики, выдававшие рекомендации по проведению операции, считали, что участвуют в командно-штабных учениях...

Чтобы действовать одновременно в двух направлениях, нам пришлось разделиться. Боря с Митей-Мустафой улетели в Новосибирск, а я, Мишка и Павел, оседлав пижонский Мишкин «Лексус» (не наигравшись в детстве, он все еще был без ума от дорогих игрушек), выехали в Харьков. Памятуя о полном опасностей и ловушек нашем с «Виктором» бегстве, я всю дорогу тщательно проверялся, но никаких признаков слежки не обнаружил. Как и Мишка с Павлом, которые постоянно сканировали дорогу на триста метров во все стороны.

Перед отъездом командир собрал нас на последний инструктаж и, понизив голос, что свидетельствовало о крайней секретности излагаемой им информации, сообщил: человек, выдававший себя за Виктора Слободенюка, агента Службы в Харькове, сопровождавший меня во время бегства в Центр, и есть не кто иной, как беглый сотрудник, объект предстоящей нам охоты. Такой вывод сделали специалисты из аналитического отдела, и я подивился Катиной прозорливости.

Теперь, когда выяснилось, что дезертир все-таки проник в Центр, вся Служба была поставлена на уши. По словам командира, мы стояли в двух шагах от объявления плана «А».

После этого мы с ребятами снова спрятались в беседе, и я рассказал им о Катиных подозрениях. Они долго молчали, потом Боря Кацнельсон неожиданно бухнул:

— Мудак ты, Володя, вот что я скажу! — Среди нас не принято было стесняться в выражениях. — Чего раньше молчал? Это же все меняет!

— А что, есть мысли? — спросил Павел.

— Да сколько угодно! — ответил Боря. — То, что с этим заданием все не так, мы все поняли еще вчера. Я сегодня ночью думал, и мне пришло в голову сравнение — это как в музыке. Если у человека есть слух, он всегда почувствует фальшь. Если, к примеру, музыкант закончит играть не на нужной ноте, то, даже не зная нотной грамоты, вы сразу почувствуете, что вас обманывают, произведение на самом деле не может так заканчиваться. А у нас такой слух есть, недаром же нас учили в Школе. Вы прикиньте, во всем этом деле столько фальши, что удивительно, как мы не заметили этого сразу, когда старик ставил нам задачу.

— А я не удивляюсь, — мрачно сказал Митя-Мустафа. — Потому что это был не инструктаж, а чистой воды внушение.

— А ведь правда! — удивленно протянул Павел. — Но почему мы этого сразу не почувствовали?

— Почувствовали! — так же мрачно ответил ему Митя. — Только сами себе не поверили. Потому что не ждали от командира такой бяки.

— Вряд ли старик сделал это по собственной инициативе, — сказал я. — Или он получил приказ с самого верха, или сам находился под действием внушения. А может быть, и то и другое. Давайте не будем пороть горячку, а просто примем информацию к сведению. А пока, Боря, расскажи-ка, что тебе не понравилось в нашем задании?

— Много чего, — ответил он. — Все перепутано, концы с концами не сходятся. Если за всеми событиями действительно стоит дезертир Службы, знающий ее секреты, — давайте для краткости назовем его просто дезертиром, — то получается, что его по-

ступки лишены всякой логики. Сначала его люди захватывают Володю, собираясь получить от него какую-то информацию, а потом убить. Так?

— Так! — подтвердил я.

— Тогда какого черта дезертиру понадобилось спасать тебя, уничтожив при этом трех своих же людей? — резонно спросил Боря. — Не думаю, чтобы у него был переизбыток кадров. Выглядит этот эпизод довольно глупо.

— Командир считает, что таким способом он просто въехал в Центр на моих плечах. Ведь после бегства штабиста формулу проникновения сразу сменили. Так же, как и сейчас.

— Слишком сложно! — с сомнением сказал Мишка. — Он мог бы проделать все это и не губя своих людей. Кстати, если это на самом деле был наш дезертир, что его так тянуло в Центр, где риск попасть в руки Службы повышается для него не знаю уж в какой прогрессии? И чьи люди гонялись за вами до самой Москвы? Или это тоже была инсценировка?

— Мало ли какие у него могли быть причины? — возразил я Мишке, хотя чувствовал его правоту.

— Мишка прав! — сказал Боря. — В любом случае все можно было проделать значительно проще. Сам знаешь, что из нескольких версий, как правило, верной оказывается самая простая.

— Ладно, считайте, что убедили, — нехотя согласился я. — Действовать будем, как договорились, не спеша сразу докладывать обо всем начальству. Боря, когда вы собираетесь вылетать?

— Сегодня ночью. Билеты я уже заказал.

— Отлично! Помни, на связь выходим ежедневно, но никаких переговоров открытым текстом.

Даже командир не знал, что мы давным-давно разработали между собой свой язык мимики, жестов, акцентов и интонаций, подобный тому, которому обучил нас Радзивилл, но понятный только нам пятерым...

...В Харьков мы прибыли, изменив внешность. Незначительно, но достаточно для того, чтобы кто-нибудь из оказавшихся в городе знакомых случайно не узнал нас на улице. Конечно, такие встречи маловероятны, но всякое бывает...

Начали с того, что проехали по «местам былых боев». Квартира в районе метро «Университет», бывшая резиденция Службы, выгорела дотла, а ее хозяин, как удалось узнать в УВД, бесследно исчез. О нападении на квартиру неизвестных лиц в милиции ничего не знали. Причина пожара тоже осталась невыясненной.

«Повисло» и дело о трех мужчинах, обнаруженных милицией в двухкомнатной хрущевке на окраине города. Судя по найденным при них документам, они были российскими гражданами. У всех троих нашли бесшумные пистолеты «ПСС», что вызвало переполох в украинских спецслужбах. Это оружие было разработано в начале восьмидесятых для КГБ и внешней разведки и до сих пор использовалось в специальных операциях.

Раздобыть такой пистолет дело само по себе достаточно сложное. Еще труднее достать специальные патроны, которые до сих пор числятся в реестре секретных разработок. Поэтому возникла версия о принадлежности троих к российским спецслужбам, впрочем, вскоре отвергнутая. Выяснилось, что все трое принадлежали к организованной преступной

группировке из Краснодара. Но дело осложнялось тем, что допросить задержанных не было никакой возможности. Они находились в невменяемом состоянии и были помещены в психиатрическую клинику, где и пребывали до сих пор. Врачи клиники выдвинули предположение, что в такое состояние они пришли, отравившись каким-то алкогольным суррогатом, но проводить какие-либо анализы посчитали излишней роскошью. Тремя идиотами больше, тремя бандитами меньше...

Бандиты были обнаружены по наводке пожелавшего остаться неизвестным бдительного гражданина, который позвонил в милицию и сообщил: в квартире на третьем этаже поселились подозрительные вооруженные лица. Если бы не этот звонок, через несколько дней они погибли бы от голода и жажды, потому что не были способны ни на какие самостоятельные действия. Надо ли добавлять, что этим бдительным анонимом был я?

Узнав все это, я проник в клинику, чтобы навесить там троих моих недавних обидчиков и попытаться хоть что-нибудь выудить из их памяти. Но потерпел полное фиаско. Оказалось, что «Слободенюк» не стал тратить время и ставить бандитам блок, а просто стер им практически всю память, и теперь пациенты клиники по развитию не отличались от младенцев. Они разучились даже ходить.

Вот это было по-настоящему серьезно. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь был способен так мощно воздействовать на человеческую психику. Возникла мысль проконсультироваться у командира, но я временно придержал ее, решив собрать больше информации.

Подведя итог первых двух дней расследования, мы вынуждены были признать, что единственная оставшаяся у нас зацепка — это краснодарская группировка. Через поисковую систему Службы мы проникли в базу данных МВД и вскоре имели перед собой полный расклад сил в мощной криминальной организации, возглавляемой неким Самойленко по кличке Самба — когда-то он занимался борьбой самбо и даже достиг в этом виде спорта некоторых успехов. В материалах имелся список активных участников группировки, к которому прилагалась целая коллекция фотографий. На некоторых из них бандиты, как положено, красовались анфас и в профиль, другие снимки были сделаны со стороны, явно без ведома изображенных на них людей. Три наших знакомца тоже фигурировали в списке, правда, в числе временно выбывших. Похоже, краснодарские милиционеры считали, что окончательно вычеркивать из списка можно только мертвых бандитов.

Просматривая материалы, я в очередной раз поразился, почему, имея столь полную информацию о преступном мире, милиция никак не может искоренить организованную преступность и группировки годами спокойно хозяйничают по всей стране, захватывают собственность и, не особенно даже скрываясь, подбираются к власти. Может быть, это кому-то нужно?

— Ну что, потрясем бандюков? — предложил Мишка, оторвавшись от экрана ноутбука. — Наверняка этот Самба знает, кто подрядил его людей на гастролы в Харьков. Может, даже сам командовал ими.

— А что, можно попробовать, — не стал возра-

жать я. — Только транспорт поменяем. Слишком уж твоя тачка приметная, а нам светиться не с руки.

— Что, у тебя другая есть? — удивился Мишка.

— А то! — улыбнулся я. От командира мне было известно, что «жигуль» с ходовыми качествами «Феррари», на котором мне так и не удалось прокатиться, в тот же день был перепрятан в другой гараж в целости и сохранности. Я понятия не имел, кто это сделал, но меня это не слишком и волновало.

— Ну ты даешь! — рассмеялся Мишка, увидев чудо отечественного автопрома. — Да он же развалится через три километра!

— Не говори гоп! — усмехнулся я. — Сначала попробуй!

— Чтобы я стал позориться за рулем этой лайбы? Да ни в жисть! — Похоже, Мишка серьезно обиделся.

— Не хочешь — не надо. Сам поведу, — ответил я. — Но смотри, потом будешь проситься, не пущу.

Оставив «Лексус» на платной стоянке (загонять его в неохраняемый железный гараж Мишка отказался категорически), мы в тот же вечер выехали в Краснодар.

ГЛАВА 3

Предчувствие

Пока ехали по городу, Мишка сидел такой надутый, что его впору было пожалеть, как маленького ребенка. А когда я вывел «Жигули» на трассу, выражение его лица, которое я мог наблюдать в зеркальце заднего вида, стало быстро меняться с обиженно-

го на изумленное. Да и было с чего. Мотор «развалюхи» работал практически бесшумно, идеально отрегулированная подвеска сглаживала все неровности дороги, а отсутствующий на обычных «Жигулях», но установленный у нас гидроусилитель руля позволял управлять машиной одним мизинцем.

Увидев впереди довольно длинный отрезок дороги, свободный от машин, я придавил педаль газа. Автомобиль рванул вперед так, что нас прижало к спинкам сидений. Стрелка спидометра силилась сломать ограничитель с правой стороны. Машина неслась, как выпущенный из пушки снаряд. Я знал, что спешить нам некуда, в любом случае мы успевали в Краснодар к утру, но мне очень уж хотелось подразнить Мишку.

Он долго ерзал на заднем сиденье и наконец не выдержал.

— Слышь, Володя...

— Чего тебе? — спросил я, не отрывая глаз от дороги.

— Ну ладно, я был не прав! Признаюсь! Пусти за руль, а?

— Не пущу! — ответил я с наигранной суровостью. — Я тебя предупреждал!

— Володя, будь человеком! — взмолился Мишка. — Я же не знал!

— Ладно уж! — смиловился я, посмеиваясь про себя. Павел рядом со мной давился от едва сдерживаемого смеха.

Мы с Мишкой поменялись местами, и он сразу утопил педаль газа до самого пола. Я хотел приструнить его, но внутренний голос подсказал мне, что сегодняшней ночью по дороге нам не грозит никакая

опасность. Я махнул рукой — пусть большой ребенок потешится. Кое-как устроившись на не очень удобном заднем сиденье, я сразу заснул. Сквозь сон слышал, как нас остановили на украинско-российской границе, как Мишка, опустив стекло, что-то говорил людям в форме. Через несколько секунд мы снова мчались по трассе, и я опять заснул как убитый. Второй раз мы остановились уже недалеко от Краснодара. Я открыл глаза и увидел стоящего около водительской двери милиционера. Мишка протянул ему документы — свои права и техпаспорт на «Лексус». Разумеется, милиционер «не заметил» несоответствия и, козырнув, пожелал нам счастливого пути. Через пять минут он навсегда забудет эту машину и наши лица...

...Резиденцией преступному авторитету Самбе служил второй этаж легально принадлежавшего ему развлекательного комплекса, включавшего в себя ресторан, казино, зал игровых автоматов и бильярдную. На лестничной площадке амбал в камуфляже со сделанной русскими буквами надписью «секьюрити» на спине попытался преградить нам дорогу, но Павел провел рукой у него перед глазами, сказал несколько слов, и стражник отступил в сторону.

В большой, обставленной с подобающим такому значительному человеку шиком приемной сидела девица сногшибательной сексапильности и, прикусив от усердия нижнюю губу, водила по столу компьютерной мышкой, раскладывая «Косынку». Я жестом приказал ей оставаться на месте, и мы втроем без стука вошли в кабинет.

Самба оказался мужчиной лет сорока, довольно привлекательной наружности, невысокого роста, но

крепко сбитый. Он удивленно посмотрел на нас, и рука его метнулась к ящику письменного стола. У него была хорошая реакция, но я успел быстрее. Самба медленно достал из ящика пистолет, положил на стол и подтолкнул в мою сторону. Мне хватило одного взгляда, чтобы опознать в нем обычный «ПМ». Но это ни о чем не говорило.

Введенный в транс Самба толково и обстоятельно отвечал на наши вопросы. Да, недавно к нему пришел Шкалик, один из бригадиров, и сообщил, что какой-то упакованный нерусский из Москвы предлагает денежное дельце с выездом в Хохляндию. Что за нерусский? То ли чеченец, то ли азербайджанец. А может, и турок, кто их разберет... Самба дал согласие, даже не спрашивая, что за дело. Главное, чтобы Шкалик отстегнул долю в общак. А если вдруг его примут хохляцкие менты, то его, Самбу, никто не сможет к нему привязать, ни под каким соусом. Через несколько дней из Харькова вернулись девять из двенадцати выехавших туда пацанов. Одного из них, Курта, привезли со сломанной ногой и сотрясением мозга. А трое, в том числе Шкалик, почему-то оказались в харьковской дурке, о чем Самба узнал от прикормленных ментов.

Кто и на какое дело подрядил бригаду Шкалика, Самба не знал, как и того, кто вооружил их крутыми шпалерами. И вообще, ему на хрен не нужны все эти непонятки. Пацанов только жалко. Знал бы заранее, сидел бы сейчас Шкалик вместо харьковской дурки на берегу Кубани и ловил уклеек.

Я видел, что Самба говорит правду, потому что соврать в состоянии транса не способен никто. Получалось, что наша поездка не стоила сожженного в

дороге бензина. А может быть, и стоила, потому что дело запуталось еще больше. Выходит, загадочный дезертир, если, конечно, он вообще существовал, еще тогда знал, что в поезде будет застрелен ученый из Новосибирска и Служба отправит в Харьков своего оперативника, то есть меня. Потом он подрядил кубанских бандитов, чтобы те захватили меня, попытали какую-то важную для него информацию и убили. А потом передумал, спас мою жизнь, выведя при этом из строя троих своих подручных, и, оберегая, как родного сына, доставил меня в Центр?

А кто в таком случае организовал убийство ученого? Кто исполнил заказ? Вряд ли это были люди Шкалика, слишком профессионально все было исполнено. Не могло же в банде быть таких сильных гипнотизеров! Значит, опять дезертир? Но зачем ему все это нужно? Я окончательно запутался. Мне остро не хватало Бори, который отличался аналитическим складом ума и был большим мастером разгадывать подобные ребусы.

Тут я вспомнил, что у нас почти не осталось российских денег. На обед хватало, а вот на заправку «Жигулей» — уже нет. Дав Самбе установку забыть про наш визит, мы спустились на первый этаж и нашли там банкомат. Я снял с карточки двадцать тысяч рублей и на всякий случай проверил остаток. Сколько отстегнула нам родная Служба на оперативные расходы? Увидев длинный ряд цифр, я не поверил своим глазам. Даже если перевести в доллары, сумма была огромной, почти двести тысяч. Точнее, она и была такой, пока я не снял двадцать тысяч рублей. А ведь у остальных членов группы тоже были карточки, и если на счет каждому упала такая сумма, то в

целом это был миллион. У меня тревожно защемило в груди. Что за мутное дело подсунул нам командир? Служба никогда не скупилась на оперативные расходы, но чтобы так... Похоже, положение действительно было отчаянным, если таинственное начальство не считалось ни с чем, лишь бы добиться успеха. Вот только чье положение нужно было спасать? Как всегда, нас бросили в бой, ничего не объясняя. Как всегда, кто-то невидимый посчитал, что пешкам во все не обязательно разбираться в стратегии.

Но приказ есть приказ, и игнорировать его я не мог.

Ресторан при развлекательном комплексе был еще закрыт, и мы перекусили в первой же попавшейся по дороге кафешке, после чего я прямо из машины через Сеть связался с Кацнельсоном. Если в это время кто-то и вклинился в нашу связь, то минут десять он вынужден был слушать сравнительные цены на стройматериалы в Москве и Новосибирске. За это время Боря успел доложить о своих успехах.

Лаборатория, которой заведовал доктор Назаров, входила в корпорацию «Нано-Рус», занимаясь разработкой нанотехнологий и внедрением их в медицину. А конкретно — созданием микроскопических роботов, которые, попав в организм человека, способны были обнаруживать раковые клетки и разрушать их. Назаров занимался этим уже не первый год и, как удалось узнать Боре и Мите, был близок к успеху, опередив даже американских коллег. Но в конце июля он неожиданно прекратил работу, взял очередной отпуск и, резко сорвавшись с места, улетел в Москву. Пробыл там несколько дней, посетил офис корпорации и несколько входивших в нее про-

фильных научно-исследовательских институтов, после чего отправился в свое последнее путешествие в украинский город Харьков.

Боря, прикрывшись «удостоверением» корреспондента американского научно-популярного журнала (на самом деле он продемонстрировал новому руководителю лаборатории обычную сторублевую купюру, но собеседник увидел именно то, что ему было предложено увидеть), попытался узнать о сути работ, ведущихся в лаборатории, легальным путем. И сразу наткнулся на барьер, который невозможно было пробить обычными методами. Заместитель покойного Назарова, внешне больше похожий на офицера госбезопасности, вежливо отказал им в знакомстве с материалами исследований, объяснив это тем, что многие из исходных материалов темы засекречены. Не помогла даже предложенная ему приличная сумма в американской валюте.

Поняв, что по-хорошему от него ничего не добиться, Боря сменил тон на более убедительный, и заместитель заговорил так, что его невозможно было остановить. Вот только сказать по интересующей нас теме ему оказалось нечего. Заместитель Назарова разбирался в предмете исследований шефа на самом общем уровне. Непонятно, чем руководствовались люди, назначившие его на такую ответственную должность, но в лаборатории он отвечал лишь за режим секретности...

Разумеется, все это не остановило моих орлов, а только раззадорило. Трудно остановить агента Службы, если он хочет куда-то проникнуть, а уж оперативника — тем более. В общем, Боря с Митей-Мустафой, миновав плотное кольцо охраны и

хитроумную систему сигнализации, сегодняшней ночью побывали во все еще опечатанном рабочем кабинете покойного Назарова, влезли в его компьютер и извлекли оттуда интересную информацию. настолько интересную, что Боря не решился доверить ее электронной связи даже с использованием тайного языка. Поэтому мы договорились, что они с Митей сегодня же вылетят к нам и все расскажут при встрече.

Пока я проводил сеанс связи, Мишка вывел машину за город и помчался с двукратным превышением разрешенной скорости. Прислушавшись к внутреннему голосу, я не стал одергивать его. Пусть потешит мальчишескую натуру. На ближайшие сутки он, голос, опять не сулил ни мне, ни кому-либо из нашей пятерки серьезной опасности. Так, по мелочам... Но зато потом он обещал целую цепь невероятных событий, способных полностью перевернуть всю мою жизнь. Предвидение было не слишком четким, я не мог разобраться в подробностях, но оставляло яркое впечатление грандиозности предстоящих перемен. Неужели начинает сбываться то, о чем говорила мне Катя? Поразмыслив, я решил не торопить события и ничего пока не говорить друзьям.

ГЛАВА 4

Знакомство с нанотехнологиями

Мишка всегда поражал меня своим умением находить нужных людей и моментально сговариваться с ними. Вот и сейчас, всего через несколько часов после того, как я поручил ему подыскать для нас подхо-

дящее жилье, мы уже вселились в арендованную им трехкомнатную квартиру. Причем Мишка клятвенно заверил, что к нам не сунутся ни хозяин, с которым он провел соответствующую работу, ни бандиты, ни кто-либо другой. Аренду он оформил по несуществующим документам и гарантировал, что все это время за ним никто не следил. А Мишкина гарантия кое-что значила. При всем своем несерьезном облике и мальчишеских замашках он был профессионалом высочайшего класса.

Боря с Митей-Мустафой должны были приехать только завтра, и у нас неожиданно образовалось не занятое ничем время. Павел и Мишка решили скоротать вечер походом по значным местам, а я залег на диван, пытаясь усмирить охватившие меня тревожные мысли.

Все двадцать пять лет нашего с Катей знакомства я отдавал себе отчет, что почти ничего о ней не знаю, но без особых переживаний мирился с этим. Мы легко делились друг с другом теми моментами нашей жизни вне Центра, которые не касались Службы, но как только разговор подходил к опасной грани, между нами вставала стена. Чтобы не разрушить волшебство наших таких редких и недолгих встреч, мы, не договариваясь, старательно обходили тему Службы. Только несколько дней назад, после того как я узнал, что у меня есть сын, табу было нарушено. Правда, в одностороннем порядке. Я рассказал Кате все о порученном нам задании, но так ничего и не узнал о ее делах.

Там, в Центре, рядом с ней, я не чувствовал в происходившем со мной ничего странного. Теперь, когда нас снова разделяли десятилетия, у меня появ-

★

вились смутные, но с каждой минутой укрепляющиеся догадки. Ни в коем случае не подозревая Катю в обмане или неискренности, я стал задумываться о некоторых странностях в ее поведении. Откуда ей стало известно все то, что она мне открыла в нашу последнюю встречу? Не слишком ли она информирована для простого оперативника? Но, с другой стороны, вполне возможно, что обо всем этом им рассказывали на лекциях в Школе как о делах давно минувших дней?

Уцепившись за эту версию, я начал успокаиваться, но червячок сомнения не унимался. Теперь я стал находить странности в своем собственном поведении. Почему я так легко принял на веру Катины слова? Только лишь потому, что любовь слепа? Я закрыл глаза, вспоминая каждый эпизод нашей последней встречи, каждое произнесенное слово. И пришел к поразившему меня выводу: все это очень напоминало сеанс внушения. Меня охватил неприятный озноб. Неужели Катя действительно гипнотизировала меня? Но зачем? Выполняя чье-то задание? Так, может быть, все наши отношения, начиная с самой первой встречи, тоже были разыграны по чьему-то заданию? При этой мысли ледяные тиски сжали мое сердце, как бывает при близости врага, и я глухо застонал. Нет, не может такого быть! Катя не способна на такое изощренное коварство!

Я вспоминал все наши нечастые свидания, видел их так ярко, будто это было вчера. И постепенно убеждался — нет, такие отношения не сыграла бы даже гениальная актриса. А если бы даже и сыграла, то я обязательно распознал бы неискренность. В Школе

нам привили почти стопроцентную способность отличать ложь от правды.

Меня понемногу отпустило, и, вспомнив о том, что поставлено на карту, я поклялся довести дело до конца.

Глубокой ночью вернулся Павел и сообщил, что они с Мишкой познакомились в ночном клубе с двумя скучающими девицами, и в результате тот отправился в гости к одной из них. Звали с собой и Павла, но он, к явному огорчению второй подруги, отказался, так как не был любителем быстротекущих случайных связей.

Мишка появился в квартире только утром. Он старательно изображал явившегося с повинной блудного сына. Но его расплывавшееся в довольной улыбке лицо напоминало морду наевшегося сметаны кота, и он даже отказался от завтрака, что о многом говорило. Профилактический втык от меня он, конечно, огреб, но, зная, что сегодняшней ночью не ожидалось каких-нибудь особенных событий, я не особенно старался. Обормот сразу понял это и шутовски рвал на себе волосы, клянясь, что подобное никогда больше не повторится. Но вскоре в дверь позвонили, Павел впустил Борю и Митю-Мустафу, и Мишка сразу стал серьезен.

Мы обменялись приветствиями, после чего Павел, принявший сегодня обязанности дежурного по кухне, накормил друзей завтраком, и только после этого мы перешли к делу.

— Здесь, — Боря передал мне пластмассовый пенальчик флешки, — все интересное, что нашлось в компе у Назарова. Думаю, что просматривать все это

сейчас не стоит, слишком много уйдет времени. Лучше я вкратце изложу то, что мы узнали, и будем думать, что делать дальше.

— Давай! — согласился я.

— Я уже говорил, — начал Боря, — что в лаборатории Назарова, или, как ее называют, тридцать третьей лаборатории, ведутся работы по созданию нанороботов, способных разрушать в человеческом организме раковые клетки. Создание лекарства от рака — благородная цель, ведь так?

— Конечно! — подскочил Мишка. — И что, за это его убили?

— Потерпи, — остановил его Боря. — Все по порядку. Конечно, убили его не за это. Такие работы ведутся не только у нас, но и в Штатах, и в других странах, и нигде их не секретят, разве что принимают меры против промышленного шпионажа. Но когда мы проникли в компьютер покойного, то кое-что там обнаружили. Есть там один интересный документ. Оказывается, тема разработок Назарова гораздо шире, чем определено официальным договором с корпорацией. Существует секретное дополнение к нему. Как часто бывает, производство средства от рака было признано технологией двойного назначения. Политики и военные всегда найдут способ даже чудодейственное лекарство превратить в оружие. Так получилось и в нашем случае. Доктор получил задание на разработку нанороботов с различными заданными параметрами.

— Как это? — снова, не удержавшись, встрял Мишка.

— А вот так! Одни роботы, введенные в челове-

ский организм, разрушают раковые клетки и, выполнив свою миссию, отмирают и выводятся из организма вместе с отходами жизнедеятельности. Официально именно их разработка была главной задачей тридцать третьей лаборатории. Но Назаров работал над созданием и других роботов, параметры которых определялись секретным дополнением. Они должны разрушать клетки, указанные в заложенной программе. Мало того, программа может корректироваться поступившим извне сигналом. Догадываетесь, что могут натворить в человеческом организме эти чертовы невидимые твари?

— Да уж! — протянул Павел. — Представляю! Тут уже дело зависит от того, кто будет подавать сигнал.

— Но и это еще не все! — продолжал удивлять нас Боря. — Срок жизни этих козьявок намного больше, чем у тех, которые должны бороться с раком. И, главное, они способны самовоспроизводиться. Создавать себе подобных, используя в качестве строительного материала остатки разрушенных клеток. И еще одно требование, обусловленное в дополнении к договору: получив соответствующий сигнал, эти создания должны передаваться от человека к человеку.

— Ничего себе! — присвистнул Мишка. — И Назаров спокойно работал над такой людоедской темой? Да я бы сам завалил его за это!

— Опять спешишь! — остановил Боря благородный порыв. — В документах, конечно, ни слова не сказано, что доктору поручается изготовление нового биологического оружия. Но он ведь был не дурак,

сам усек — что-то неладно. Тут, — он подбросил на руке футлярчик с флешкой, — есть его переписка с коллегами. Мы поняли далеко не все, слишком много специальной терминологии, но видно — Назаров кое в чем разобрался, сильно встревожился и связался с московским коллегой, сокурсником по институту, работающим в смежной отрасли. Тот предложил встретиться в Москве, но признался, что лучше всего Назарову было бы связаться с Григорием Ивановичем Нечипоренко, ученым из Харькова, потому что никто лучше его не разбирается в интересующей доктора проблеме. Назаров отправил «мыло» в Харьков, Нечипоренко заинтересовался и пригласил его к себе.

— О чем писал ему Назаров? Он упоминал, по какой причине просит о встрече? — спросил я.

— Называл, но чтобы разобраться в этом, надо быть специалистом. Честно говоря, я мало что понял, — ответил Боря. — Похоже, в Москве доктор ничего толком не выяснил и вскоре выехал в Харьков. Но не доехал. Вот, собственно, и все. Остается узнать, кому потребовалось останавливать Назарова таким радикальным способом.

— Конечно, корпорации! — сразу отозвался Мишка. — Испугались, что все вылезет наружу и мир узнает, какими такими нанотехнологиями они занимаются!

— А меня во всей этой истории удивляет, — недоверчиво сказал Павел, — с какого перепута корпорация вообще заказывает разработку оружия? Этим обычно занимаются военные.

— Не будь наивным! — возразил Боря. — В госу-

дарстве все так тесно повязано, что не разберешь, где кончается военное ведомство и где начинаются корпорации.

— И не забывайте, кто стоит во главе «Нано-Рус»! — добавил я. — Думаю, он давно отдал душу врагу!

— Ты в этом уверен? — Боря посмотрел на меня как-то подозрительно.

— Почти, — ответил я. — Меня давно не удивляет происходящее в нашей стране. И во всем остальном мире тоже.

— Давайте не будем отвлекаться, — обиженно сказал Мишка, недовольный, что мы проигнорировали его версию. — Думаю, у корпорации достаточно профессионалов, способных устранить какого-то ученого. И мотивы у нее были.

— А кто тогда нанял краснодарских бандитов? — спросил я. — Тоже корпорация? Никогда не поверю! Не стала бы она с ними связываться, слишком ненадежная это публика. Но ведь откуда-то бандиты узнали адрес квартиры резидента! Может быть, от дезертира?

— Не вяжется, — сказал Боря с сомнением. — Уж кто-кто, а бывший сотрудник должен знать, что захватить нашего оперативника на служебной квартире не по зубам даже спецслужбам, не то что каким-то отморожкам! Там ему и стены помогают!

— А омовцы, которые пытались захватить командира? — напомнил Павел. — Их-то наверняка отправил к нему дезертир. Кто еще мог такой блок наложить, с которым наши спецы до сих пор справиться не могут?

— Знаете, — задумчиво сказал Боря, — я в поезде не спал сегодня ночью, пытался свести концы с концами. И так прикидывал, и этак — ничего не выходит. Более-менее реальная картина складывается, только если допустить участие в этом деле не одной и не двух, а нескольких противостоящих нам и друг другу сил. Но это уже выходит за пределы моего понимания.

— Предлагаю решать проблемы поочередно! — Я понял, что спор может продолжаться бесконечно, а расследование будет стоять на месте. — И в первую очередь нужно побеседовать с человеком, к которому ехал Назаров. Как его там...

— Нечипоренко, — подсказал Боря. — Григорий Иванович.

— Очень хорошо. Значит, ты, Мишка, прямо сейчас отправляешься искать подходы к Григорию Ивановичу. Павел с Митей издалека держат Мишкину спину. У нас должна быть полная уверенность, что за нами нет слежки. В общем, не мне вас учить. А мы с Борей остаемся дома. Нам есть что обсудить.

ГЛАВА 5

Профессор был не прост

Щелкнул замок входной двери, и в квартире стало тихо. Боря удобно устроился в старом потертом кресле и выжидающе смотрел на меня. Но у меня вдруг словно отнялся язык. Только минуту назад я испытывал острое желание поделиться с кем-то своими тревогами и выбрал для этого Борю. И неожиданно передумал. Мне пришло в голову, что если

выдам кому-то, пусть даже близкому другу, нашу с Катей тайну, это будет не просто непоправимой ошибкой. Это будет предательством. Я молчал, не зная, что сказать. Молчал и Боря, глядя мне прямо в глаза. Мне вдруг показалось, что он читает мои мысли.

— Ну? — он первым нарушил молчание. — Кажется, ты хотел мне что-то рассказать?

— Рассказать? — переспросил я, пряча глаза. — Нет, просто я хотел посмотреть, что ты скачал с назаровского компа. А тебя оставил, чтобы ты объяснял, если что будет непонятно.

Я вставил флешку в свой ноутбук, и мы принялись за дело. Время от времени я задавал Кацнельсону вопросы, и он по возможности разъяснял мне непонятные моменты. Выглядел Боря, как всегда, невозмутимо, но боковым зрением я несколько раз перехватил странные взгляды, которые он бросал на меня. Похоже, обмануть его мне не удалось. Мне было стыдно, но я ничего не мог поделать. Я должен был увидеть своего сына...

Мишка появился ближе к вечеру, а вслед за ним с коротким промежутком в дверь позвонили Павел и Митя-Мустафа. Оба с порога доложили — все спокойно, ничего подозрительного не обнаружено. Мишка плюхнулся в кресло, вытянув ноги на полкомнаты, и довольно сказал:

— Завтра в одиннадцать часов Григорий Иванович ждет вас. Пробыться к нему оказалось нелегко, зато потом пошло как по маслу. Видный мужчина и собеседник приятный. Мне даже не пришлось давить на него. — (Слово «давить» в нашем лексиконе означало применять особые методы ведения бесе-

ды.) — Я представился сотрудником милиции и спросил, знаком ли он с доктором Назаровым. Он не стал скрывать, что ждал гостя из Новосибирска еще в конце июля, но тот почему-то не приехал. Тогда я сообщил ему о гибели Назарова и договорился, что завтра его посетит следователь, ведущий это дело. Григорий Иванович так огорчился, что даже не спросил у меня документы. Вот вроде и все.

— Молодец, хорошо поработал! — похвалил я Мишку. — А теперь все свободны, кроме нас с Борей. Мы садимся за компьютер и читаем все, что найдем в Сети про нанотехнологии. Я не хочу, беседуя с профессором, выглядеть полным придурком.

— А кем еще должен выглядеть милицейский следователь, беседуя с доктором наук? — засмеялся Мишка. — Смотри, будешь выглядеть слишком умным, он поймет, что ты не мент.

— Ничего, — сказал я, — если он что-то заподозрит, мы его убедим, предъявим документы. Зато чем больше мы будем знать, тем легче будет с ним разговаривать.

— Так я же не против! — согласился Мишка, скорчил плутовскую рожу и взмолился: — Шеф, отпусти на ночь, а? Гадам буду, к утру как штык!

— Ладно, иди уже, герой-любовник, — махнул я рукой.

Мишка моментально испарился, а мы с Борей, обосновавшись в дальней комнате, засели за ноутбуки.

Набрав в «Яндексе» слово «нанотехнологии», я схватился за голову. Комп выдал по этой теме такое количество сайтов, что, открыв первый из них, я подумал — ночи нам явно не хватит. Но вскоре втянул

ся в процесс, и дело пошло быстрее. Не читая, я лихо отбрасывал те статьи, в которых речь шла о создании сверхпрочных красок, о применении нанотехнологий в производстве строительных материалов и прочей, не относящейся к нашему делу лабуде. Кто-то умудрился присобачить приставку «нано» даже к миниатюрному индийскому автомобильчику. Только за то, что он был маленький...

Многие сайты и вовсе не имели никакого отношения к обозначенной теме. Их авторы просто использовали модное, или, как это сейчас называют, брендовое, слово где ни попадя. Все это я пропускал, вылавливая те страницы, которые имели хоть какое-то отношение к медицине или биологии. Таких оказалось не слишком много, и я внимательно знакомился с ними. Но проштудировав с десяток статей, я вдруг понял, что ни черта не понял. То есть мне было понятно, что речь идет о чем-то сверхминиатюрном, но как это работает и к чему приведет применение указанных технологий, было совершенно не ясно. А это могло означать только одно: авторы статей сами ничего не соображают в том, о чем пишут...

Я решил обменяться мнениями с Борей, и оказалось, что он пришел к такому же выводу. Но все-таки мы продолжили сражаться с темой и делали это до самого утра.

Утром мы с Борей сели в «Жигули» и отправились на встречу с Григорием Ивановичем Нечипоренко. Чтобы не создавать себе лишних проблем, российские номера мы поменяли на украинские, которые кто-то предусмотрительный оставил для нас в багажнике. Мишка толково описал нам дорогу, и мы, ни разу не заплутав, довольно быстро нашли спря-

тавшееся в большом лесопарке неприметное двухэтажное здание с табличкой на украинском языке, сообщающей, что перед вами не что иное, как принадлежащий министерству здравоохранения Украины НИИ № 4.

— Милиция!

Мы «предъявили» вахтеру, серьезному мужчине средних лет, пиджак у которого с левой стороны был оттопырен явно не бумажником, «служебные удостоверения», но вместо того, чтобы открыть перед нами турникет, он поднял телефонную трубку и положил:

— Григорий Иванович, к вам двое из милиции. Спуститесь?

Положил трубку и, обращаясь к нам, бесстрастно произнес:

— Придется немного подождать, — после чего, казалось, потерял к нам всякий интерес. Но время от времени бросал на нас бдительные взгляды.

Что-то не похоже на простое медицинское заведение, подумал я. Посмотрел на Борю и по его скептическому виду понял, что он разделяет мои сомнения. Вспомнив Мишкины слова — «пробиться к нему было нелегко», я решил, вернувшись домой, вставить ему фитиль — почему не рассказал подробно? Правда, я ведь и не спрашивал...

Через несколько минут по лестнице спустился крупный импозантный мужчина, голову которого украшала густая шевелюра не просто седых, а ослепительно-белых волос, в котором по описанию мы сразу узнали Григория Ивановича Нечипоренко.

— Открывайте! — бросил он вахтеру, кивком поприветовавшись с нами, сделал приглашающий жест и, не

оборачиваясь, стал подниматься по лестнице. Щелкнул замок турникета, и мы зашагали вслед за Нечипоренко.

На площадке второго этажа мы уперлись в стальную дверь, над которой была установлена камера видеонаблюдения. Наш провожатый нажал кнопку, щелкнул замок, и мы вошли в хорошо освещенный коридор. Сразу за дверью стоял стол, а за ним сидел еще один охранник в таком же неприметном сером костюме, как и вахтер с первого этажа. Только этот был значительно габаритнее и выглядел еще бдительнее своего коллеги, насколько это было возможно.

Пройдя по коридору, Нечипоренко открыл дверь с табличкой «Приемная», и мы вошли в скромную комнату, где за компьютером восседала важного вида немолодая дама, величественно кивнувшая в ответ на наше приветствие. Миновав ее, мы оказались в просторном кабинете с огромным количеством книг в шкафах. Стены были увешаны портретами каких-то незнакомых мне людей, скорее всего, ученых знаменитостей. Григорий Иванович указал нам на стулья за длинным столом для совещаний, а сам уселся не на директорское место, а напротив нас.

— Давайте постараемся уложиться в пятьдесят минут. — Он посмотрел на часы. — Извините, но день у меня распланирован, и не хотелось бы выбиваться из графика.

— Надеюсь, мы успеем даже быстрее, — вежливо сказал я. — Если, конечно, не будем отвлекаться.

— Правильный подход! — согласился Нечипо-

ренко, нажал кнопку и сказал: — Софья Леонидовна, будьте добры, ко мне — никого!

— Хорошо, Григорий Иванович, — раздалось в ответ из динамика.

Внешний вид и манера разговора Григория Ивановича располагали к себе, и я подумал — его подчиненным должно легко работаться с таким руководителем, им можно позавидовать.

— Итак. — Нечипоренко положил руки на стол и заглянул мне в глаза. У него были широкие и крепкие, но выглядевшие необычайно аристократичными ладони, а во взгляде темно-синих глаз угадывался сильный характер. — Что вы хотели от меня услышать, молодые люди?

— Для вас не секрет, что мы расследуем дело о происшедшем на территории Украины убийстве российского ученого Назарова, — сказал я, не пряча взгляда. — Меня зовут Владимир Николаевич Кубанский, а это мой коллега, подполковник Борис Мойсеевич Кацнельсон.

Нечипоренко с нескрываемым интересом посмотрел на моего спутника. Теперь, когда большинство Бориных соплеменников покинули пределы бывшей Российской империи, еврей в офицерских погонах выглядел даже большей диковинкой, чем при советской власти. Подполковник Кацнельсон сделал вид, что не заметил этого взгляда, и невозмутимо наклонил голову.

— Выяснено, что Назаров ехал в Харьков для встречи с вами, — продолжил я, игнорируя их безмолвный диалог. — Разумеется, мы ни в чем вас не подозреваем, но в нашу обязанность входит проверка всех версий. Одна из них — кто-то очень не хотел,

чтобы Назаров встретился с вами. Поэтому мы хотели бы выяснить, зачем он ехал к вам, о чем хотел с вами поговорить.

Мы с Борей заранее договорились, что не будем давить на собеседника, пока не заметим неискренности с его стороны.

— Я попытаюсь ответить, — произнес Нечипоренко с едва уловимым оттенком скепсиса в голосе, но желания обмануть нас я пока не заметил. — Хотя это очень сложный, узкоспециальный вопрос. Чтобы разобраться в нем, нужна соответствующая подготовка...

— А вы попробуйте упростить, насколько это возможно, — предложил я. — Представьте, будто даете интервью корреспонденту популярного журнала.

— Хорошо, я попробую, — ответил он, одобрительно посмотрев на меня. Во всяком случае, мне так показалось. — Хотя не знаю, имею ли право рассказывать вам об этом.

Значит, придется давить, подумал я. А ведь не хотелось...

— Но, впрочем, и скрывать я это не хочу, — казалось, Нечипоренко прочитал мои мысли. — Просто очень уж грязное дело...

— Если вопрос в секретности, — подбодрил я его, — то у нас есть кое-какие допуски.

— Плевать я хотел на эти секреты! — с неожиданной горячностью чуть ли не выкрикнул ученый, что совсем не вязалось с его величественным обликом. — Надоело! Даже мои работы по передаче наследственных качеств и те засекретили! Впрочем, это к делу не относится...

— Не буду спорить. — Я попытался как можно мягче вернуть разговор к интересующей нас теме. — Но вы сами ограничили время встречи.

— Да, извините, — успокоился он. — Просто на- кипело. А что насчет Назарова... Он занимается, то есть занимался разработкой метода борьбы с раком при помощи введенных в организм искусственно созданных миниатюрных роботов...

— Нанотехнологии? — спросил я, чем снова вызвал неожиданно гневную реакцию ученого.

— Ненавижу это слово! — воскликнул он. — Де- вяносто девять человек из ста, занимающихся тем, что они называют нанотехнологиями, получающих на их разработку огромные деньги, не смогут объяснить вам, что это такое. И меньше всего их заботит, к чему могут привести эти исследования.

— А оставшийся процент? — спросил Боря.

— Это особый случай, — ответил Нечипорен- ко. — Для сравнения могу сказать: некоторые из фи- зиков, создавших атомную бомбу, предполагали, что ее взрыв может положить начало неуправляемой цепной ядерной реакции всего вещества на земле. Но даже не подумали остановить испытания. Потом они говорили — какая великолепная физика! Мир стоял на пороге уничтожения, а их ничего не интере- совало, кроме физики!

Если так будет продолжаться дальше, понял я, то за отведенное время мы с Борей ничего не узнаем.

— Это имеет отношение к нашему случаю? — спросил я.

— Самое прямое! — Горячность куда-то ушла, и перед нами снова был прежний величественный

профессор. — В тех, кто заказал Назарову эти исследования, не осталось ничего человеческого. Они хотят лишить нас будущего! Назаров понял это, но уже поздно...

— А он ничего не упоминал о заказчиках? — невзначай спросил я и чуть-чуть нажал на профессора. Ровно настолько, чтобы ему не хотелось что-то скрывать от нас. Если бы я знал, что из этого получится!

— Молодые люди! — Лицо ученого изменилось, будто он натянул официальную маску. — Спецслужбы какой страны вы представляете? России? Украины? Или какой-нибудь еще? Будьте так любезны, покажите ваши документы.

— Пожалуйста! — не стал возражать я и протянул ему свои водительские права, вместо которых он должен был увидеть удостоверение следователя Харьковского УВД.

— Вы издеваетесь? — вдруг спросил Нечипоренко. — Не пытайтесь меня гипнотизировать, я умею делать это не хуже вас!

Я бросил быстрый взгляд на Борю и увидел на его лице растерянность, чего за ним никогда не водилось. В это время раздалась бодрая мелодия футбольного марша. Это подал голос мой мобильник. Звонил Павел.

— Простите, — попросил я Григория Ивановича и нажал кнопку ответа. Павел, Мишка и Митя-Мустафа вели наблюдение за подходами к зданию и имели приказ звонить только в самом крайнем случае.

— Володя! — услышал я из трубки встревоженный голос Павла. — Здание окружают спецназовцы.

Их слишком много, целых три автобуса, мы ничего не сможем сделать...

Что-то зазвенело, и из большого окна на пол посыпались осколки стекла. От головы Нечипоренко во все стороны разлетелись темно-красные брызги, и он грузно осел на пол.

— Володя, они вошли в здание! Вы не успеете... — кричал в трубку Павел.

Распахнулась дверь, и кабинет наполнился одетыми в черную форму вооруженными людьми в закрывающих лица масках. Из моей руки моментально выбили телефон.

— На пол! На пол ложись! — крики перемежались густым матом. — Руки за голову, б...! Лежать! Лежать!

Против такого количества людей с автоматами мы были бессильны, поэтому послушно улеглись на пол.

— Шо, москаliku, дойгрався? — услышал я издевательский голос. — Мало тоби своей кацапщины, так приихав к нам воду мутить?

Что-то холодное уперлось мне в затылок, а ладонь левой руки, которую я не успел заложить за голову, оказалась придавленной к полу огромным ботинком. Это было больно.

— Эх, как бы я тоби зараз башку разнес! — услышал я мечтательный голос.

По интонации я понял, что спецназовец на самом деле с удовольствием разрядил бы мне в голову рожок автомата. Но это было не главное. По ломящей боли в висках я определил близкое присутствие врага...

От тюрьмы не зарекайся

— Ну что же, начнем сначала. Фамилия?

— Кубанский.

— Имя, отчество?

— Владимир Николаевич.

— Гражданство?

— Гражданин России.

— С какой целью проникли на территорию Украины?

— Коммерция. И не проник, а приехал вполне легально.

Из-за направленного мне в глаза слепящего света я ничего не видел. Но, наверное, следователь подал знак стоявшему за моей спиной человеку, и тот хлестко ударил меня по затылку. Не опасно, но больно. И очень обидно. Я не привык, чтобы меня били.

— Повторяю вопрос. Зачем вы приехали в Украину?

— Я же сказал!

Еще один удар.

Похоже, следователь ожидал от меня слов возмущения, может быть, даже истерики, но не дождался.

— Так будет продолжаться, пока вы не скажете правду! — предупредил он, сам начиная терять равновесие.

— Что вы хотите услышать?

— Я же сказал — правду.

— А я что говорю, по-вашему?

Если бы мои сведенные за спинкой стула руки не были скованы наручниками, от следующего удара я свалился бы на пол. Он был нанесен не кулаком, а от-

крытой ладонью, но с такой сноровкой, что перед глазами вспыхнул ослепительный свет, а в голове загудел огромный колокол. Стоявший за моей спиной был мастером своего дела. А вся обстановка комнаты для допросов, как и сам допрос, выглядела дурной пародией на разоблачительные фильмы об НКВД тридцатых годов. Задаваемые не то в седьмой, не то в десятый раз одни и те же вопросы. Направленный в лицо слепящий свет настольной лампы, костолом за спиной, следовательно, которому некуда спешить. Но погоди, дай разобраться в ситуации, куда денется твое равнодушие...

— Хорошо! — Я едва сдержался, чтобы не применить против них парочку приемов бесконтактного боя, которые мог бы провести даже со скованными руками. Ох, и покатались бы оба у меня по полу! Но нельзя. Когда меня заводили сюда, я сразу заметил над столом камеру видеонаблюдения. Только начни, и в комнату сразу ворвется свора громил с автоматами.

Послышался звук отодвигаемого стула, следовательно вышел на середину комнаты и подошел вплотную ко мне. Я перехватил его взгляд и сразу понял, в чем дело.

— Хорошо! Записывайте признание. Я — агент ФСБ. Прибыл на Украину с секретным заданием.

— Вообще-то следует говорить — в Украину, — оскорбленным тоном произнес следователь. — Ладно, прощаю на первый раз. Что с вас, москалей, взять... Агент ФСБ — это ближе к теме. А то — коммерция, коммерция... Прапорщик, сними с арестованного наручники и оставь нас одних. Только далеко не уходи, побудь в коридоре.

Теперь я уже не сомневался, что со следователем поработал кто-то из моих орлов.

Прапорщик отомкнул наручники, и я с наслаждением размял отекавшие кисти — костолом затянул браслеты со всей дури, хотя никто ему не приказывал. Наверное, он получал удовольствие от чужих страданий. Следователь опустил лампу и сказал:

— Вот видите, правда — великое дело. Теперь мы можем поговорить, как нормальные люди. Закуривайте!

Он придвинул ко мне пачку сигарет, прикрыв ее рукой так, чтобы камера не могла зафиксировать торчащий из нее мобильный телефон. Разумеется, я не стал признаваться, что не курю, закрылся плечом от камеры и незаметным движением отправил трубку в карман. После этого вытащил из пачки единственную оказавшуюся в ней сигарету и, скрывая отвращение, прикурил ее от протянутой следователем зажигалки. Молодцы, ребята! Я сам сегодня впервые встретился со следователем, а они уже успели вычислить его, обработать и передать мне телефон!

Через несколько секунд следователь прочно забыл о том, что только что произошло. Свое дело он сделал, дальнейший ход допроса меня уже не интересовал, и я отдал ему инициативу. Он о чем-то спрашивал, а я отвечал, стараясь только, чтобы мои ответы не выглядели полной ахинеей. Меня занимал сейчас совсем другой вопрос. Когда нас с Борей захватили вооруженные люди, оказавшиеся спецназом местной службы беспэки, я явственно почувствовал врага. Но потом он куда-то пропал. Ни в камере, ни на допросе, нигде я больше его не чувствовал, и это меня тревожило. Ощущение близости врага

пропало, когда автобус, куда нас бросили на пол лицом вниз, отъехал от института. Враг не отдалялся постепенно, а исчез сразу, мгновенно, будто провалился сквозь землю. Я присматривался к тем немногим людям, которых видел за эти дни, следователю и охранникам. От них исходил повышенный фон, но не настолько мощный, чтобы принимать срочные меры.

Занятый этими мыслями, я старался не упускать нить допроса и вскоре пришел к выводу: следователь имеет весьма смутное представление, какое преступление против независимой Украины можно на меня повесить. Единственное обвинение, которое следователь мог предъявить мне, соучастие в убийстве Григория Ивановича Нечипоренко, не выдерживало никакой критики. Ученого застрелили через закрытое окно снайперским выстрелом. А ни у меня, ни у Бормы не было с собой не только огнестрельного оружия, но даже перочинного ножа.

Вдруг следователь задал вопрос, заставивший меня насторожиться.

— Охранник с первого этажа института, — произнес он монотонным голосом, — показывает, что вы и ваш спутник предъявили ему служебные удостоверения сотрудников милиции. При задержании у вас не было обнаружено ничего подобного. Вопрос: куда вы дели указанные документы?

— Я не могу отвечать за фантазии вашего охранника, — пожал я плечами. — У меня не было с собой никаких документов, кроме российского загранпаспорта.

— Зачем бы охранник стал такое придумывать? — усомнился следователь.

— Откуда я знаю? Может быть, он старается таким способом снять с себя ответственность?

Вынужденный удовлетвориться таким ответом, он задал следующий вопрос:

— А не сможете ли вы объяснить, почему охранник со второго этажа показывает, что мимо него вообще никто не проходил? И секретарша покойного Нечипоренко тоже утверждает, что никто из посторонних не входил в кабинет директора.

— Ага, и за психическое здоровье ваших людей я тоже в ответе? — язвительно спросил я. — Простите, но я не могу взять на себя ответственность за их забывчивость.

— Я проконсультировался у специалистов, — все так же монотонно сообщил следователь. — Они полагают, что по отношению к этим людям вами было применено гипнотическое внушение.

Вот это уже серьезно! У меня в голове будто прозвучал сигнал тревоги. Первым, почти инстинктивным порывом было заставить следователя забыть о своих подозрениях, но я сразу отказался от этой мысли. Неизвестно, сколько еще народа знакомы с мнением «специалистов», и поспешными действиями я мог только разжечь их любопытство. Конечно, до Службы они никогда не докопаются, но хлопот могут доставить немало.

— Ваши специалисты, скорее всего, просто посмотрелись фильмов о Вольфе Мессинге, — попытался отшутиться я. — Там, где он гипнотизирует охрану и беспрепятственно проходит в кабинет Сталина. Увы, ни я, ни мой приятель не обладаем такими способностями.

— Как знать, как знать! — произнес следователь, бросив на меня загадочный взгляд. — Но ничего, разберемся. Времени у нас достаточно.

Мне не понравились его многозначительные намеки, и я решил прекратить опасный разговор. Заглянув ему в глаза и убедившись, что они затянулись мутной поволокой, я сказал:

— Я устал и требую прекратить допрос. Пусть меня отведут в камеру.

Незначительное давление на его психику я счел вполне допустимым.

Те, кто сейчас наблюдал за ходом допроса или будут потом просматривать его видеозапись, не должны были заметить ничего подозрительного.

— Ваше право, — равнодушно уронил следователь и нажал кнопку на стене. — Хотя мы не выяснили еще один вопрос. Вы говорите, что въехали на территорию нашей страны легально, а у меня другие сведения. Человек по фамилии Кубанский не пересекал границу ни в одном из пограничных пунктов. Кроме того, вы упустили одну маленькую деталь. При легальном пересечении границы в вашем загранпаспорте поставили бы штамп. А у вас его нет. У Кацнельсона есть, потому что он въехал в Украину на поезде, а у вас нет. Именно на таких мелочах ловятся даже профессионалы.

Он был прав. Это была наша промашка. Просто мы поленились отстаивать очередь на пункте пропуска, заморочили голову пограничнику и проехали без всяких отметок. И в результате оказались на нелегальном положении. Правда, от наличия штампа в Бороном паспорте ему было ничуть не легче.

— Ладно, не выяснили сегодня, выясним завтра, — завершил он разговор. — Говорю же — у меня много времени.

Он был уверен, что прекратил допрос только потому, что у него разболелась голова. И мое требование прозвучало очень кстати...

Я знал, что мы с Борей были арестованы СБУ, но никакого обвинения нам до сих пор не предъявили, хотя заканчивался уже третий день нашего заключения. Тюрьма, в которую нас поместили, судя по всему, занимала подземный этаж какого-то большого здания. Те немногие ее помещения, которые мне довелось увидеть — моя камера, коридор с выходящими в него стальными дверями и комната для допросов, — были оснащены устройствами видеонаблюдения. Не сомневался я и в том, что кроме видеовелась и аудиозапись. Поэтому я даже не пытался, надавив на кого-нибудь из конвоиров, безликих мордovorотов в камуфляже без знаков различия, выяснить что-либо о местонахождении моего узилища. Теперь мне надо было воспользоваться неожиданно обретенным телефоном, каким-то образом обманув подслушивающую и подсматривающую технику.

Дверь камеры захлопнулась за мной с отвратительным лязгом. Я уселся на койку и стал дожидаться момента, когда можно будет забраться под серое байковое одеяло с простыней почти такого же цвета. Вчера я попытался проделать это до отбоя, но через несколько минут открылось окошко-кормушка, и чей-то скрипучий и невероятно противный голос произнес:

— Встать! До отбоя лгать заборонэно!

А я-то всегда считал, что украинская речь отличается особой мелодичностью. Наверное, все зависит от смысла произнесенных слов...

Наконец погасла одна из двух горящих в зарешеченном плафоне лампочек, что возвещало наступление долгожданного отбоя. Я быстро разделся и лег в кровать. Телефон уже лежал под подушкой. Но спешить было нельзя. Я долго вертелся, изображая бессонницу, прикрывал рукой глаза, как будто мне мешал заснуть тусклый свет лампочки-сороковки. Потом пробормотал недовольно:

— Вот суки, хоть бы ночью свет выключали! По-спать не дают! — и накрылся одеялом с головой.

Незаметным движением вытащил трубку из-под подушки и на ощупь набрал номер Павла, который в мое и Борино отсутствие оставался старшим в группе. Ответ последовал после первого же гудка.

— Володя, где ты пропал? — услышал я голос Павла. — Забухал, что ли? Мы тут с ребятами такие завязки нашли — пальчики оближешь. Если срастется, бабки срубим немеренные. Три рубля на рубль вложений...

Заинтересованные лица могли подслушивать нас сколько угодно.

Павел трещал не умолкая, я едва успевал расшифровывать заложенную в трепотне информацию.

Вот что я услышал между слов. Павел, Мишка и Митя-Мустафа, укрывшись в лесопарке, наблюдали за зданием института с трех точек. Появление автобусов, битком набитых вооруженными спецназовцами, они заметили одновременно и были крайне

удивлены, что не почувствовали ни малейшего признака опасности. Хотя в подобных случаях обычно предвидели ее минимум за час до событий. У меня иногда получалось почуять неприятность за несколько суток. А тут — ни у кого из нас никаких признаков предчувствия. Что случилось с нами?

Спецназовцы уже стремительно втягивались в здание, когда Митя-Мустафа услышал звон и увидел, как одно из окон второго этажа рассыпалось на куски. Сразу сообразив, что произошло, он определил направление выстрела и бросился в погоню за снайпером. Митя почти уже догнал его, когда тот вдруг остановился, обернулся и вытянул перед собой руки. Митя будто налетел с размаха на кирпичную стену и потерял сознание, что случилось с ним впервые в жизни. А когда поднялся с земли, чувствуя себя так, будто его переехали танком, рядом никого не было. И еще одна странность — из его памяти полностью стерлось лицо снайпера, хотя видел его с расстояния в два метра.

Пока Митя-Мустафа гонялся за убийцей, Павел и Мишка наблюдали, как из здания, пригнув лицами к самому асфальту, выводили нас с Борей. Парни скрипели зубами, но не могли ничего поделать, потому что противников было слишком много и любая попытка освободить нас неминуемо кончилась бы для них захватом или, того хуже, пульей в лоб.

По приказу Павла Мишка бросился к оставленному недалеко от института «Лексусу» и проследил за увозящим нас автобусом. Но сделать это смог только до металлических ворот в глухом кирпичном заборе, на каждой створке которых красовалось изо-

бражение трезубца. Рядом с воротами был устроен контрольно-пропускной пункт.

Остановившись в отдалении, Мишка дождался, когда из КПП выйдет подходящий объект. Ждать пришлось недолго. Когда верзила в камуфляже с лейтенантскими погонами поравнялся с машиной, Мишка вежливо остановил его и через минуту знал, что за забором расположен учебно-тренировочный центр спецназа, а подвальное помещение штаба занимает следственный отдел беспэки. Вот и сейчас ребята из группы захвата привезли двоих москалей, которых сразу отвели вниз...

Павел в это время наблюдал за зданием института в надежде узнать, что тут произошло. Изображая из себя праздного зеваку, он прогулочным шагом подошел поближе и вдруг почувствовал присутствие врага. Врага очень сильного, потому что у Павла заломило в висках чуть ли не до потери сознания. Соперничать с ним в одиночку у Павла не было ни малейшего шанса, и он отступил на несколько шагов. И тут произошло то, чего он меньше всего ожидал. Враг исчез. Не удалился, а именно исчез. Мгновенно. Только что был здесь, в здании, и вдруг его не стало, будто он переместился в иное измерение.

Павел стоял и массировал виски, когда дверь открылась и на крыльцо вышел черноволосый мужчина с крупным носом, из тех, что называют шнобелем. Павел напряг свои чувства, но не разглядел в нем ни малейшего признака врага. Это немного даже удивило его, потому что такие абсолютно «чистые» люди встречаются очень редко. Мужчина сел в подъехавшую легковую машину и уехал.

Павел связался с Мишкой, узнал, где тот находится, и вместе с очухавшимся к тому времени Митей-Мустафой на оставленных нами «Жигулях» они поехали к тренировочной базе спецназовцев. Двое суток они дежурили в машине, наблюдая за КПП. Отличать следователей из беспэки от спецназовцев оказалось несложно, и на исходе второго дня им удалось определить того, кому было поручено вести наше с Борей дело. Остальное было делом техники...

Выслушав Павла, я, стараясь говорить как можно тише, чтобы мой голос не был услышан любопытными наблюдателями, спросил, поставил ли он в известность командира? Конечно, поставил, но тот выдал какие-то странные распоряжения. Сказал, чтобы они не предпринимали никаких действий. Мол, руководство Службы в курсе и делает все для нашего освобождения. Но что-то в голосе Радзивилла и выражении лица не понравилось моим парням. Казалось, что старик пытается что-то добавить к сказанному, но у него не получается. И они, посовещавшись, решили обойтись своими силами. Как раз сейчас они занимались разработкой плана нашего освобождения.

Я моментально оценил ситуацию и понял — Павел прав. Вокруг нашего расследования с самого начала происходит что-то непонятное, и даже командир, в надежности которого мы никогда не сомневались, стал не похож сам на себя.

Я посетовал на отсутствие связи с Борей, самой светлой головой нашей пятерки, и был очень обрадован — оказывается, ему тоже переправили трубку. Он позвонил несколько часов назад и предложил довольно интересный план побега...

Мы снова на свободе, но проблем меньше не становится

— Продолжим?

Сегодня следователь был сама доброжелательность. Никто не надевал на меня наручников, прапорщика-костолома он отправил в коридор сразу после того, как я занял место за столом, настольная лампа была направлена не мне в глаза, а освещала разложенные на столе бумаги, создавая уютный полумрак, если понятие «уют» вообще можно употреблять применительно к тюрьме.

— Продолжим, — кивнул я. Будто он нуждался в моем согласии...

— Итак, вчера мы остановились на том, что ни на одном из пограничных переходов страны не зафиксировано пересечение вами границы...

— Ну вот, опять! — простонал я. — Теперь я виноват в том, что ваши пограничники ловят мух на службе?

— Попрошу не клеветать на наших пограничников. — Следователь повысил голос, но я слегка нажал на него, и он вернулся к прежнему нудному тону. Сегодня он нужен был мне в спокойном состоянии. — Они как раз достойно исполняют свои обязанности. Можно даже сказать — доблестно! А вот вы напрасно пытаетесь ввести меня в заблуждение. Мне известно, что вы пересекли границу нелегально. Могу даже назвать место, где это произошло...

— Неправда! — Я изобразил на своем лице смещение. — Откуда вы это взяли?

— Больше того, — продолжил он, не обращая внимания на мои протесты. — Я знаю, с каким заданием вы проникли на территорию нашей страны.

— Какое еще задание? Полная чушь! — С моей стороны это должно было выглядеть попыткой утопающего схватиться за соломинку, но следователь выбил соломинку из моих рук, произнес торжественно:

— Террористическая деятельность, направленная на дестабилизацию обстановки в стране с целью срыва предстоящих президентских выборов!

Ну Боря и загнул! — подумал я. Не мог придумать чего попроще! Хотя сойдет с них и так. После «оранжевой революции» они тут и не такое способны проглотить.

— Да, да! — продолжая торжествовать, следователь похлопал ладонью по лежащей перед ним папке. — Вот тут у меня признательные показания этого вашего еврея Кацнельсона. Можете почитать!

Твое счастье, подумал я, бросив на него косой взгляд, что Боря не слышал этого...

Я раскрыл папку и принялся читать, поражаясь богатству Бориной фантазии. Ему бы шпионские романы писать! Единственным терактом, который он забыл внести в список порученных нам злодеяний, был взрыв Верховной рады...

— Я не уверен, что это не фальшивка, — произнес я потеряннм голосом, возвращая следователю папку. — Чем вы докажете...

— Пожалуйста! — с готовностью ответил он. — Я могу прямо сейчас устроить вам очную ставку.

Его даже не пришлось уговаривать! Это была большая удача. Успех Бориного плана напрямую зависел именно от этой очной ставки. Впрочем, следователя можно было понять — раскрутив такое дело, он вполне мог рассчитывать на орден. А может быть, уже прокрутил втихаря дырочку на парадном пиджаке.

Через несколько минут все тот же прапорщик-костолом ввел в комнату для допросов Кацнельсона. Боря был весь какой-то сгорбленный, пухлые щеки втянулись, и на всем лице, казалось, не осталось ничего, кроме носа. Он настолько гениально изображал испуганного до полусмерти затурканного еврея, что, не зная я его с юности, мог на самом деле усомниться, не сдал ли он уже все секреты Службы.

Оформив протокол очной ставки, следователь протянул Боре бумаги, с которыми только что познакомился я.

— Борис Моисеевич, вы подтверждаете записанные с ваших слов показания? — спросил он, продолжая заполнять очередной бланк.

— Подтверждаю! — опустив голову, едва слышно произнес Боря. — Володя, не упирайся, они все знают... Будет только хуже...

Очная ставка продолжалась, но уже под нашим контролем. Вместе мы с Борей представляли грозную силу. Следователь вышел из-за стола и теперь задавал вопросы, стоя между нами. Стал он так удачно, что полностью закрыл меня от следящей камеры. Пока Боря внушал ему, что ничего необычного не происходит, и шепотом диктовал нужные вопросы, я, не прерывая диалога, со всей возможной скоростью превращал свое лицо в точную копию лица сле-

дователя. Слава богу, роста мы были одинакового. Дождавшись одобрительного кивка Кацнельсона, я повернулся к нему и заорал:

— Иуда! За гривны проданся! — наклонил голову, чтобы скрыть от камеры свою изменившуюся физиономию, схватил со стола настольную лампу и рывком оборвал шнур. В комнате стало темно.

Вся эта комбинация была построена на том, что следователь, испытывающий непреодолимую тягу к атрибутике НКВД, любил проводить допросы, включив верхнее освещение и пользуясь одной лишь настольной лампой в стиле тридцатых годов.

Охрана ворвалась к нам буквально через три минуты после наступления темноты, но этого времени мне хватило, чтобы поменяться со следователем одеждой, в чем он активно мне помогал. Когда щелкнул выключатель и загорелся плафон на потолке, трое охранников увидели такую картину: следователь, которым на самом деле был я, только с новым лицом, стоял над безвольно повисшим на стуле арестантом, который на самом деле был следователем. Но охранники, подчиняясь внушению, видели вместо него меня. А напротив нас сжался в комок перепуганный Боря.

— Шустрый москаль! — со злостью сказал я голосом следователя. — Лампу, падло, испортил! Ты мне за нее кровью харкать будешь! Наденьте на него наручники и в камеру! Покрепче браслеттики затягивай, крепче! Не мне тебя учить!

Потрясенный следователь пытался что-то сказать, но из его рта вырывалось только сдавленное мычание. Дар речи отнялся у него моими стараниями надолго. Двое охранников подхватили его под

руки и потащили в камеру. Они будут не меньше суток видеть в бедняге меня, и никто не переубедит их, что это не так.

— А ты, — обратился я к оставшемуся в комнате костолому, — вызови внешнюю охрану с машиной. Этого арестованного, — я бросил презрительный взгляд на Борю, — я забираю на следственный эксперимент. Вот постановление.

Уже выйдя в коридор, я не удержался и спросил своего обидчика, прапорщика-садиста:

— Слушай, а что это у тебя с животом?

Костолом испуганно посмотрел на меня, побледнел и куда-то умчался. Я злорадно улыбнулся — теперь он несколько дней не будет слезать с унитаза. И поделом, он первый начал...

Чтобы выйти из здания, нам пришлось миновать несколько постов охраны, и на каждом я предъявлял удостоверение следователя, доставшееся мне вместе с его одеждой. Несмотря на спешку, я хорошо вылепил его внешность, и у нас не возникло никаких осложнений. Оставалось надеяться, что мы не нарвемся на кого-то, кто хорошо знаком с нашим следователем. Встретишь такого, задаст он вопрос, на который ты не знаешь ответа, и попробуй вывернуться! Когда спецназовцев вокруг что муравьев...

Нам повезло. «УАЗ»-«буханка» защитного цвета и три могучих охранника дожидались нас прямо у крыльца штаба. Я предъявил им постановление на проведение следственного эксперимента (самое настоящее, разве что написанное следователем под нашим с Борей нажимом), позвонил Павлу, и мы все разместились в салоне машины.

Я назвал водителю адрес, он вывел машину за во-

рота, и мы помчались туда, где нас уже ждали. Сияющий хромированными частями огромный серебристый «Лексус», припаркованный на стоянке супермаркета, я увидел еще издали и велел водителю пристроиться рядом. Подъехав к стоянке, он рывкнул сиреной, прогоняя какого-то чайника, который пытался вклинить свой «Опель» рядом с «Лексусом». Чайник моментально испарился. Наш водитель зарулил на освободившееся место и вопросительно посмотрел на меня, ожидая дальнейших инструкций.

Куда бы их подальше отправить...

— Карта автодорог есть? — спросил я водителя.

— Так точно! — бодро ответил он и подал мне потертый атлас Украины.

Я бросил взгляд на карту и приказал, стараясь не улыбнуться:

— Мы с арестованным остаемся здесь, а вы разворачиваетесь и следуете в Ужгород. По дороге останавливаться как можно реже. На въезде в город вас встретят, и вы получите дальнейшие инструкции. Пользоваться в пути любыми видами связи запрещаю, поэтому прошу сдать телефоны.

Все трое послушно протянули мне свои трубки. Ни у кого из них не возникло сомнений в моем праве отдавать такие приказы, а это значило, что они надолго исчезнут из города, отправившись в противоположный конец Украины. С этой стороны проблема будет снята. Но неожиданно взбрыкнул водитель.

— Погоди! Какой, на хрен, Ужгород? — возмутился он. — У меня бензина до Кременчуга не хватит! А командировочные? Что нам, всю дорогу с пустым брюхом трястись?

Об этом я не подумал. А практичная натура хохла

пробила брешь даже в мощном гипнотическом внушении.

— Минутку! — сказал я и, подойдя к «Лексусу», спросил у мужиков: — Украинские деньги есть?

— Зачем? — удивленно спросил Мишка.

— Давай, потом объясню!

Мишка достал из бумажника приличную пачку купюр по двести гривен. Я отобрал у него деньги и протянул спецназовцу, который уже маячил у меня за спиной.

— Хватит?

— Так точно, командир! — Глаза у него загорелись. — С такими деньгами мы всю Европу за день проскочим!

Больше мы их не видели.

Первую остановку мы устроили, выехав за город. Свернув с трассы на проселочную дорогу, Мишка по едва заметной колее загнал машину в густые заросли акации и поменял номера с московских на киевские. Я достал трубку и принялся звонить командиру. К моему удивлению, из трубки послышался лишенный эмоций голос: «Набранный вами номер не существует». Потом то же самое прозвучало по-английски. Звук был громкий, и услышали это все.

— Слушайте, мужики, — растерянно произнес Павел. — Вам не кажется, что мы влипли по-взрослому?!

Все подавленно молчали. В такой ситуации мы оказались впервые. До сих пор, что бы с нами ни случилось, в какое бы тяжелое положение ни попадали, мы всегда чувствовали за спиной мощную поддержку Службы, знали, что в случае нужды она всегда протянет руку помощи. Теперь это чувство пропало,

и это было по-настоящему страшно. Как будто из нашей жизни ушло что-то огромное и очень важное. Хуже того, откуда-то из глубин сознания всплыла крамольная мысль: Служба из друга превратилась во врага!

Но самое главное — мы ничего не понимали в происходящем.

Вот только сдаваться я не собирался.

— Рано лапки кверху поднимать! — одернул я Павла. Может быть, сказано было чересчур резко, но я командовал группой и не имел права показывать свою растерянность. — Да, в Службе что-то случилось. Но безвыходных положений не бывает. Даже если произошел прорыв.

— Если это прорыв, почему не ввели план «А»? — не согласился со мной Боря.

— Тоже верно, — сказал я. — Но в любом случае, прежде чем поддаваться панике, мы должны прояснить ситуацию. Все согласны со мной?

Несогласных не оказалось.

— Тогда давайте разберем по порядку все странности этого дела и попробуем их объяснить для себя, — предложил я. — А потом будем решать, что делать дальше. В одном я полностью уверен: к экстренной связи прибегать рано.

После моих слов на несколько минут повисло напряженное молчание. Это понятие появилось сравнительно недавно, когда в обиход вошли мобильные телефоны. Если у агента Службы горела под ногами земля, если ему грозила неминуемая гибель и некому было прийти на помощь, если все средства были исчерпаны, он мог воспользоваться экстренной связью. Всем нам был известен номер, набрав который

звонивший выходил напрямую на Главу Службы, таинственного и всемогущего, и тот приходил на помощь.

Но, рассказав нам об этом, Радзивилл добавил от себя, что до сих пор никто в Службе не воспользовался так называемым «правом последнего звонка». Потому что в положении об экстренной связи значился один важный пункт: в каждом случае Глава Службы проводит личное дознание, и если находит, что у позвонившего оставался хотя бы малейший шанс справиться с ситуацией самостоятельно, следовало его немедленное отлучение от Службы. И хотя мы никогда не говорили об этом, я знал, что для всех нас, включая меня, отлучение было бы страшнее смерти.

ГЛАВА 8

Мы уходим на нелегальное положение

Как я уже рассказывал, отправив троих спецназовцев на другой конец Украины, в Ужгород, мы выехали из Харькова. Спрятали машину в кустах и принялись составлять реестр всех странных событий, которые с самого начала сопровождали нашу злополучную операцию. Перечень получился длинный.

Сначала была моя неожиданная «ссылка» на Гавайи, причины которой мне никто не потрудились объяснить. Задание, полученное по возвращении от командира, показалось мне тогда если и не рядовым, то ничем особенно не примечательным. Как же я оказался не прав! Не успел я напасть на след, как за-

вертелась непонятная карусель — нападение неизвестных на квартиру резидента Службы и объявление плана «Д», мое пленение бандитами, которых неизвестно кто направлял, приход ко мне на помощь таинственного дезертира, его непонятное исчезновение в Центре. Невероятно большие деньги, перечисленные на наши счета, — у каждого из нас на карточке оказалось по двести тысяч долларов. А темная история со снайпером, застрелившим Нечипоренко? Не мог обычный киллер, даже хорошо подготовленный, справиться с офицером Службы! Причем далеко не новичком.

— Мужики, честное слово, я бы никогда не сплочовал! — яростно сверкая черными глазами, оправдывался обычно немногословный Митя-Мустафа. — Но кто мог ожидать, что он владеет приемами бесконтактного боя? Да еще на таком уровне? На меня будто танк наехал, такой был удар. Даже Боря не устоял бы...

— Неужели кто-то кроме офицеров Службы владеет этими приемами? — усомнился Мишка. — Получается...

Что, по его мнению, «получается», мы сообразили сразу, и Мишкино предположение не вызвало у нас восторга.

— Может, это дезертир? — предположил Павел.

— А если нет? — Боря, как всегда, склонен был рассматривать самые худшие варианты.

— Тогда выходит, что мир перевернулся и Служба действует против нас, — горько усмехнулся я. — Кто мне объяснит, почему у всех нас одновременно переклинило интуицию? Почему мы все проворонили покушение на Нечипоренко, налет спецназа на

его институт, наш с Борей арест? Если потеря интуиции связана с чьим-то посторонним влиянием, то... Нет, не верю! Такого не бывает! Уж я, во всяком случае, должен был предвидеть все это еще за несколько дней!

Как уже говорилось, «внутренний голос» из всей нашей пятерки сильнее всего был развит именно у меня.

— Хуже того, — продолжал я, — мы с Борей допустили ошибку, не разглядели в Нечипоренко человека, не поддающегося внушению. И он еще сам оказался сильным гипнотизером!

— И теперь мы никогда не узнаем, что он хотел нам рассказать! — подхватил Боря. — А ведь наверняка он что-то знал! По его словам, покойный Назаров изобрел что-то настолько важное, что информация о его изобретении оказалась дороже двух жизней, его самого и профессора Нечипоренко.

— Трех! — поправил я его. — Ты забыл про снайпера, которого выловили из канала имени Москвы.

— Таких сейчас вообще не принято считать, — с горечью произнес Павел. — Расходный материал...

— Чувствую, за всей этой историей кроется нечто очень уж грязное, — предположил Митя-Мустафа. — Если уж кто-то, не задумываясь, кладет труп за трупом... Дай Бог, чтобы Нечипоренко оказался последним!

— Кто-то слушал наш разговор и не дал ему досказать, — сказал Боря. — Уверен, что тут не обошлось без врага. Мы все почувствовали его присутствие. Вот только куда он пропал из института?

Не найдя логического объяснения ни одному из этих странных происшествий, мы зашли в тупик.

— Нечипоренко убит, других зацепок у нас здесь не осталось, — констатировал я. — Значит, и делать нам в Харькове больше нечего. Надо возвращаться в Центр и требовать у командира объяснений. Пусть даже это будет выглядеть как провал операции, но мы все-таки не пешки, а старшие офицеры Службы и имеем право знать, во что нас втравили.

— Плохо, что наши паспорта остались у самостоятельных чекистов, — посетовал Боря. — И кредитные карточки. Четыреста тысяч хохлам подарили...

— Зато шестьсот осталось! — подбодрил его Мишка. — Наши-то карточки на месте! И я не думаю, что деньги достались хохлам. Наверняка ваши счета Служба заблокировала сразу после ареста.

— Если мы все-таки ошиблись и Служба осталась Службой, — сказал я, — то со дня на день сюда нагрянет команда зачистки, и чекисты забудут не только о паспортах и карточках, но и о самом нашем существовании. А если подозрения оправдаются... Тогда нам надо молиться, чтобы пропавшие деньги и документы оказались самой большой потерей в нашей жизни.

Мое предложение не встретило возражений. Мы загрузились в машину и двинулись в сторону границы. Но проехать успели всего несколько километров.

Наверное, произошло это со всеми нами одновременно. У меня в голове будто что-то щелкнуло, и сознание полностью затопила одна-единственная мысль. Я даже не почувствовал, а твердо осознал: в Центр соваться нельзя. Нам просто не дадут туда доехать. И еще — нам нужно как можно быстрее спрятаться от Службы...

В тот же момент Мишка резко нажал на тормоз. Не потрудившись пристегнуться, я чуть не расшиб себе лоб о ветровое стекло, но возмущаться не стал. Охваченные одной и той же мыслью, мы смотрели друг на друга и молчали. Включившаяся вдруг интуиция кричала во весь голос об опасности, но умалчивала о способах ее избежать. Какое-то время положение казалось безвыходным.

...Слово «Крым» всплыло в голове само собой, подсказанное услужливым сознанием. Одновременно со словом в памяти всплыл зрительный образ, такой яркий, что я вздрогнул и тряхнул головой, прогоняя наваждение. Южный вокзал, вагон с белой табличкой «Москва — Евпатория», крепкий широкоплечий человек среднего роста с седыми висками и небольшой круглой залысиной на макушке. Он крепко сжимал мою руку и, глядя в глаза, говорил густым басом:

— Володя, я твой должник до конца жизни. Что бы у тебя ни случилось, в любых обстоятельствах знай: Семен Полубояринов сделает для тебя все! Приезжай в любое время, для тебя всегда найдется место, кусок хлеба и стакан вина. Приезжай с друзьями, обзаведешься семьей — приезжай с женой и детьми! Мы всегда будем рады! О чем бы ты ни попросил, это все равно будет меньше того, что ты сделал для меня!

Теперь я знал, что делать. Велев Мишке съехать на обочину, я приказал своим орлам расколотить камнем все мобильные телефоны и разбросать осколки по окрестностям, а сим-карты сжечь на небольшом костерке, который развели в кювете. Следом за телефонами последовали ноутбуки. Каждый

из нас набрал на клавиатуре двадцатизначный код, и через четыре секунды они поплыли на глазах, а потом пластмассовые корпуса вспыхнули дымным пламенем. Было жалко расставаться с этим чудом техники, но у меня не было ни малейшего сомнения, что запеленговать по ним место нашего нахождения было проще простого.

Но это было еще не все. Маячок мог быть спрятан и в Мишкином «Лексусе». А если это сделали специалисты Службы, то искать электронного шпиона было делом безнадёжным. Поэтому мы вернулись в Харьков, где разыскали приличный автосалон, торгующий подержанными машинами. Оставив Павла оформлять приглянувшийся нам двухлетний минивэн «Фольксваген Шаран», мы определили «Лексус» на платную стоянку, оплатив место на месяц вперед. Потом в ближайшем салоне связи обзавелись сотовыми телефонами. Разумеется, машина была оформлена по не существующему в природе украинскому паспорту. А при оформлении телефонов у нас вообще не спросили никаких документов. Похоже, правила здесь были проще российских.

Опасаясь, что три оставшиеся у нас карточки могут быть в любой момент заблокированы, мы провели рейд по банкоматам, выгребая из них наличность. Потом снятую со счетов украинскую валюту небольшими порциями меняли в обменниках на евро, доллары и российские рубли. В этих хлопотах прошел весь день, и позвонил Семену я только вечером.

В памяти нового телефона не было ни одного номера, но я в этом и не нуждался. Все нужные мне номера я хранил в голове. Из трубки при помощи современной техники их можно извлечь без особого

труда, даже если она остается в моем кармане, а вот вытащить сведения из моей головы оказалось бы куда более проблематично. Потыкав пальцем в кнопки, я дождался басовитого «алло» и сказал:

— Привет, капитан! Вино у тебя с каждым годом все лучше!

После этих слов можно было уже не представляться.

— Николаевич! Наконец-то! Как я рад тебя слышать! В кои-то веки удосужился позвонить! Значит, нашел время попробовать?

Он был на самом деле рад, это я сразу определил по голосу.

— На такое дело время всегда найдется! Попробовал, конечно, даже не хватило. Так что жди в гости!

— Неужели выбрался? — восторженно прогудел Семен. — Слава богу! Когда ждать?

— Думаю, завтра, — ответил я. — Только тут такое дело, я не один...

— Да хоть пятеро!

— Пятеро и есть, — рассмеялся я. — Ты бы подыскал место, где нам остановиться.

— Нечего искать, у нас и остановитесь! — В его голосе я услышал возмущение.

— Но пятеро здоровых мужиков...

— Всем места хватит! — заявил Семен. — Я же тебе говорил как-то, что мой Васька открыл частную гостиницу. Сегодня как раз два номера освободились. Так что завтра жду!

Захлопнув крышку «Нокии», я посмотрел на ребят, напряженно прислушивавшихся к разговору, и

придав своему голосу как можно больше оптимизма, сказал:

— Ну что, орлы! В Крым?

— Ты уверен в этом человеке? — спросил Боря.

— Как в самом себе! — ответил я.

— Тогда поехали! — согласился Мишка, который никогда и никому не уступил места за рулем, и нажал на педаль газа.

По дороге я рассказал друзьям историю своего знакомства с Семеном Полубояриновым. Картинки пятнадцатилетней давности вставали перед глазами настолько ярко, что казалось, это было только вчера.

ГЛАВА 9

Старое дело. Сатанисты

Летом тысяча девятьсот девяносто четвертого года я получил задание обезвредить появившуюся в крымском городе Евпатории секту сатанистов. Группа состояла из молодежи от четырнадцати до девятнадцати лет и до определенного времени не представляла опасности для окружающих. Ее члены калечили собственные души, устраивая сборища, которые они называли «черными мессами». Проводили их в кяризах, старинной подземной системе водоснабжения, прорытой армянскими мастерами еще в пятнадцатом веке. Там поклонники нечистого резали черных петухов, давили черных котов, жгли перед перевернутым вверх ногами распятием свечи, опять же черные, и читали задом наперед «Отче наш». Неподаром говорят, что дьявол делает все в темноте, сзади и наоборот...

Создал и первое время возглавлял секту небесталанный, но с вывихнутыми мозгами паренек, присвоивший себе амбициозное имя Сатанаил. Он второй год писал грандиозный труд под названием «Конец человечества» и нигде не появлялся без свиты из нескольких девчонок-подростков, которые ловили каждое его слово и готовы были отдать жизнь своему кумиру. Невинность ему они отдали уже давно.

Долго бы еще свихнувшаяся молодежь довольствовалась удушением несчастных животных и ожиданием прихода того, кому молились, но тут на сцене появилось новое действующее лицо.

Поставив крест на спортивной карьере, бывший боксер по прозвищу Винт, взяв пример со многих своих бывших соратников по рингу, подался в рэкетир. Но руководящие места в бригаде были давно поделены, а роль рядового быка не устраивала самолюбивого Винта. Он быстро понял, что по умственному развитию стоит на ступеньку выше туповатых коллег, и, едва оперившись, стал оглядываться по сторонам в надежде найти лучшее приложение своим талантам. Узнав, куда исчезает по ночам его младший брат, Винт, дождавшись подходящего момента, вышел на сатанистов и в течение короткого времени занял в секте руководящую позицию. Жизнь секты сразу круто изменилась.

Дело было в том, что, в отличие от Сатанаила и его придурковатых последователей, Винт на самом деле продал душу дьяволу. То есть он был настоящим одержимым, сознательно распахнувшим душу врагу. Произошло это после стычки с ОМОНОм, в которой служители закона в черных масках всласть показывали его по асфальту тяжелыми ботинками.

Надо сказать, что на обычных ментов бригада не обращала особого внимания. Те тоже старались обходить ее стороной. У бригады были надежные подвязки на самом верху, и если даже кого-то из пацанов забирали в ментовку, то через полчаса в отделении появлялся представительный адвокат или просто раздавался звонок, и парни выходили на свободу.

А вот омоновцев пацаны панически боялись, хотя и не признавались в этом друг другу. При возникновении малейшего конфликта те сначала очень больно били и только потом начинали разбираться, кто тут прав, а кто виноват. Они заранее знали: если даже против быков и возбудят уголовные дела, то они все равно или не дойдут до суда, или рассыплются в суде. Для того же, чтобы помять бандитам ребра и отбить внутренности, приговора суда омоновцам не требовалось, и они использовали свое преимущество на полную катушку.

В тот раз несколько человек, среди которых был и Винт, отправились на рядовое, в общем-то, дело — вытряхнуть задолженность у обуревшего хозяина ресторана Гургена. Но едва успели выкатить предьяву, как откуда-то появились крепкие ребята в черных масках-чулках, без долгих разговоров уложили пацанов на асфальт и принялись охаживать ногами и дубинками. Несколько прицельных отработанных ударов пришлось Винту по почкам, и он потом целый месяц страдал недержанием мочи.

Проведя разъяснительную работу на единственном понятном быкам языке, омоновцы загрузили их в автобус и отвезли на свою базу. Там всех сфотографировали анфас и в профиль, переписали фамилии

и пинками выставили на все четыре стороны, но только после того, как одетый в гражданское человек, перед которым тянулись милицейские офицеры, приказал обходить ресторан Гургена за километр. То же самое он велел передать руководителям бригады, которых перечислил поименно. Как потом оказалось, ОМОН принял Гургена под свою крышу.

Винту преподнесенный урок оказался не по вкусу, и, сославшись на отбитые почки, он вышел из бригады. Но ненависть к ментам вообще и омоновцам в частности разгорелась в нем со страшной силой. В первую же ночь после экзекуции, поминутно бегая в туалет, он дошел до такой степени иступления, что стал яростно молиться, призывая самые страшные кары на головы своих обидчиков. Только молился он не богу, а его извечному врагу. И тот не замедлил явиться на зов...

Когда Винт пришел в секту, Сатанаил, почувствовав в нем силу, которой не доставало ему самому, без лишних споров уступил первенство. Новый лидер взялся за дело круто. В первую очередь он устроил сексуальную революцию, пропустив через свою постель всю женскую часть группы. Существо, в которое превратился Винт, обладало неумейной сексуальной энергией и такой мощной волей, что мало кто из девчонок мог противостоять его напору. Не остановило его даже то, что большинству из поклонниц сатаны не исполнилось и шестнадцати лет. После этого он планировал провести обряд свального греха, но один парень неожиданно запротестовал. Он был влюблен в одну из девчонок и вовсе не хотел, чтобы она служила подстилкой для всей секты.

Винт не простил непокорности. Собрав в подзе-

мелье внеочередной шабаш, он устроил над «отступником» судилище, вынес приговор и сам же привел его в исполнение, превратив казнь в настоящий кровавый ритуал. Труп надежно спрятали в кяризах, а остальные в ужасе затаились, поняв, что новый предводитель шутить не собирается.

Взяв власть твердой рукой, этим Винт не ограничился. Когда ему наскучили малолетние девчонки, он взялся за парней. Раньше у него никогда не проявлялись противоестественные наклонности, разве только иногда снились странные сны, но после слияния с врагом Винт почувствовал неудержимую тягу к молодым ребятам. Не поддавшиеся его домогательствам парни вскоре попали в милицейские сводки, оказавшись в графе «без вести пропавшие». А так как секте до сих пор удавалось сохранять тайну своего существования, то милиция и не копала в этом направлении. Запуганная молодежь настолько уверовала во всемогущество своего властелина, что никому даже не приходило в голову выдать его. А некоторым ребятам, не отличавшимся сильной волей, он смог так затуманить сознание, что они превратились в настоящих зомби, готовых пойти на смерть по одному слову предводителя.

Зато по своим каналам о деятельности Винта узнала Служба, и меня отправили в командировку в Евпаторию.

В мою задачу входило выгнать из Винта и уничтожить прижившегося в его душе врага. Потом я должен был собрать всю информацию о его преступлениях и сдать его милиции. Я рассчитывал справиться с делом в два-три дня, но Винт неожиданно куда-то пропал, а крымский резидент Службы был занят не-

отложными делами в Симферополе и не смог оказать мне существенной помощи. Моя командировка затягивалась.

Позже выяснилось, что Винт не только затаил злобу, но и строил реальные планы отомстить омоновцам, устроив им настоящую кровавую баню. В симбиозе с врагом он превратился в невероятно ловкое и изобретательное существо, вполне способное осуществить свои дьявольские намерения. Еще в детстве Винт слышал легенду о брошенном немцами в каком-то малодоступном гроте на южном берегу хранилище мин и снарядов. Враг подтолкнул его в этом направлении, намекнув, что это вовсе не вымысел. Внедрившись в ряды «черных копателей», Винт провел кропотливую работу, разыскал склад и обнаружил там огромное количество ждущих своего часа боеприпасов, законсервированных и вполне годных к употреблению. Помогавшие ему в поисках двое копателей навсегда остались в гроте с простреленными головами.

Но тогда я ничего этого не знал. А Винт, обладающий невероятным нюхом, почуял грозящую опасность. Он стал соблюдать правила конспирации, нигде подолгу не задерживался, и мне никак не удавалось напасть на его след. Тогда я подкараулил вечером в темном местечке одного из рядовых членов секты и, слегка прижав, кое-что вытащил из него. Правда, он не знал, где скрывается Винт, зато рассказал, что на следующую субботу тот назначил общий сбор секты, пообещав экскурсию на теплоходе и «черную мессу» в горах. Кроме того, я узнал от него, что сегодня днем Винт и несколько крепких ребят из секты через сохранившийся с древних времен

заброшенный колодец проникли из кяризов в один из частных дворов в Старом городе и похитили оттуда какого-то паренька лет четырнадцати-пятнадцати. Зачем он понадобился Винту и что он сделал с мальчишкой, мой информатор не знал. Но до сих пор похищением людей секта не занималась.

Все когда-нибудь происходит впервые, философски подумал я и отпустил незадачливого сатаниста, приказав навсегда забыть о нашей встрече.

Теперь я знал, когда и где смогу взять Винта, и мог бы спокойно дожидаться субботы, но меня не оставляла мысль о похищенном пареньке. Мой внутренний подсказчик не говорил — кричал, что на этот раз Винт замыслил что-то особенно мерзопакостное. А мальчишке, который играл ключевую роль в какой-то гнусной комбинации, грозит неминуемая гибель. Этого я, конечно, не мог допустить.

Найдя по описанию двор, из которого сатанисты выкрали паренька, я столкнулся там со встревоженным отцом пропавшего мальчика. Это был капитан каботажного теплохода Семен Полубояринов. Свидетелей похищения не оказалось, и только сегодня вернувшийся из рейса капитан терялся в догадках, куда мог подеваться сын Васька, никогда раньше не доставлявший родителям хлопот. Кто-то из соседей вспомнил о заброшенном колодезе в углу двора. Подняв тяжелую бетонную плиту, Семен спустился туда, но ничего не обнаружил. С одной стороны подземный ход был завален грунтом, а с другой замурован кирпичной кладкой. Но отец не знал того, что было известно мне, поэтому, попросив у него фонарь, я спустился вниз по деревянной лестнице и убедился,

что кирпичи не скреплены между собой раствором, а просто сложены один на другой.

Я не пустился на поиски сломя голову. Не зная системы подземных сооружений, в них можно было блуждать сутками. Да и Винт был не настолько глуп, чтобы позволить кому-то случайно обнаружить свое логово. Поднявшись во двор, я, во избежание лишних разговоров, представился Семену и его участливым соседям сотрудником милиции и даже «продемонстрировал» соответствующее удостоверение. Потом, применив определенное давление, убедил соседей разойтись по домам, а взволнованного отца попросил ничего не предпринимать и дождаться меня. Главное, чтобы к поискам не подключилась настоящая милиция. Во-первых, столкновение с одержимым могло привести к немалым потерям в их рядах. А во-вторых, не зная, с кем имеют дело, и действуя обычными в таких случаях методами, они могли погубить мальчика.

К этому времени у меня уже имелись ориентировочные данные на основной костяк секты. Мне не было нужды копаться в бумагах в поисках нужного досье, потому что всю информацию я хранил в голове. Вспомнив, что мой информатор упоминал о «крепких ребятах», я пробежался по своему «архиву» и выбрал одного подходящего, который жил совсем недалеко от Полубояринова.

К моему счастью, сатанист Гена по прозвищу Монтана оказался дома. Быстро выяснив, что он на самом деле принимал участие в похищении, я очень убедительно попросил его о помощи, и через каких-то полчаса мы шли по сводчатому коридору, в котором под ногами журчала в глиняных трубах

вода. Вместе с нами шел и Семен, хотя правила Службы запрещали участие в специальных операциях непосвященных людей. Конечно, я мог нажать на него и заставить остаться дома, однако не пошел на такой риск. Полубояринов был сильным человеком, но Васька был его единственным, причем поздним сыном. Одна мысль о том, что ему грозит опасность, сводила Семена с ума, и я чувствовал, что в этих обстоятельствах малейший сбой в проводимом мною гипнотическом внушении может надломить его психику. Пришлось выбрать меньшее из двух зол. Даже если Службе в лице Радзивилла станет известно о допущенном мной нарушении, я всегда сумею отбрезаться. Зато Полубояринов останется нормальным человеком.

Взятые с собой карманные фонарики плохо рассеивали темноту. Мы с Монтаной продвигались более-менее уверенно: я — благодаря развитой интуиции, а Монтана просто привык ходить под землей. А вот Полубояринов то и дело спотыкался и уже успел разбить колено. Но тут проводник вывел нас на спрятанную в нише охапку самодельных факелов и пятилитровую канистру керосина, и дальнейшее продвижение пошло веселее.

Шли мы довольно долго. Древние коридоры разветвлялись, расходились в разные стороны, и нужно было не зевать, чтобы запомнить пройденный путь. Нередко попадались кучи отвратительно смердящих отбросов, сброшенных через колодцы с поверхности, но в основном Монтана находил чистые коридоры со свежим воздухом. Наконец он остановился и жестом велел нам потушить факелы. Почти одновре-

менно я почувствовал присутствие врага. Одержимый был совсем недалеко.

Больше в проводнике я не нуждался, и Монтана тут же крепко заснул, сев прямо на пол и прислонившись к каменной стене. То же самое я проделал и с Семеном. Прости, подумал я, но сейчас ты мне только помешаешь.

Держась за стену и стараясь не шуметь, я стал осторожно продвигаться в сторону врага. Почему-то я не сомневался, что там же обнаружу и похищенного мальчика. Вскоре впереди забрезжил тусклый свет, и я увидел сидящих за уставленным пивными банками столом трех молодых парней. В одном из них я безошибочно распознал одержимого. Но он тоже почувствовал опасность. Он не стал задавать вопросов вроде «кто там?» или «кто идет?», а просто схватил со стола пистолет и три раза выстрелил в мою сторону. Меня спасло, что коридор делал в этом месте едва заметный поворот. Я прижался к стене, и пули просвистели в сантиметре от моей груди.

— Пистолет током бьется! — громко крикнул я. — Бросай быстрее!

Это один из самых действенных способов обезоружить противника, не хуже любимого Борей приема с раскаленным оружием. После должных тренировок вы можете внушить противнику, что его руку сотрясает сильнейший электрический заряд. А тут я еще «усилил напряжение», и Винт не только уронил пистолет на стол, но и потерял сознание, как от настоящего электрического шока.

Справившись с главарем, я обезвредил двух его помощников-сатанистов, погрузив их в глубокий сон. Они даже не успели понять, что произошло.

И только после этого я осмотрел место, в котором оказался. Это было квадратное помещение, непонятно с какой целью выкопанное создателями старинного водопровода. На стенах были укреплены четыре факела. В углу прямо на полу сидел прикованный наручниками к вбитой в стену скобе мальчик лет пятнадцати. Увидев его лицо, я сразу понял, чей он сын.

Наверное, ключ от наручников остался у кого-то из сатанистов, но мне было противно шарить у них по карманам. Увидев на столе стальную вилку, я отломал от нее зубец, согнул кончик и легко открыл замок наручников.

— Вася? — уточнил я на всякий случай. — Полу-бояринов?

— Да, — тихо произнес паренек.

Похоже, он еще не понял, что к нему пришло спасение, и в глазах его отражался смертельный ужас.

— Посиди здесь. — Я усадил его на довольно приличный диван и легким прикосновением к сознанию постарался успокоить парня. Мне нужно было зафиксировать Винта, пока он не пришел в сознание, а это могло случиться с минуты на минуту.

— Пить! — по-прежнему тихо попросил Вася.

Я нашел на столе нетронутую бутылку минералки, отвинтил пробку и протянул пареньку.

— Держи, я скоро...

Сатанистов я оставил на потом. Никуда они не денутся. Сейчас меня интересовал в первую очередь Винт. Прихваченным с собой скотчем я обмотал ему руки и ноги, оставшегося рулона хватило, чтобы привязать его к стулу. Теперь я был почти спокоен. Первым пришел в себя враг. Винт еще сидел с зака-

тившимися глазами, а враг кинулся в атаку, даже не поняв еще, что случилось. Не будь я наготове, таким ударом он мог вышибить из меня дух. Но я ждал нападения, и он со всего маху наткнулся на поставленную мной защиту. Для него это должно было быть похоже на удар о бетонную стену. Враг отлетел в сторону и временно затих. Все это проходило, конечно, на психическом уровне.

Я не стал ожидать, пока он соберется с силами, и нанес ответный мысленный удар в то место, где хранилась главная гордость Винта, — в мошонку. Они взвыли одновременно — Винт в голос, пытаясь прикрыть связанными руками причинное место, а вторая составляющая существа, враг, издал вопль в области ультразвука, от которого возникла сильная боль в ушах. Но я тут же заткнул ему хайло, от всей души ткнув кулаком в зубы. Опять-таки мысленно. Прикасаюсь к нему руками мне совсем не хотелось.

Не буду описывать, что я делал дальше. Прогнать врага — это меньшая часть задачи. Основная часть заключается в том, чтобы не дать ему ускользнуть, найдя себе новую жертву. Я должен был отправить его туда, откуда он больше никогда не попадет в наш мир. Мои ребята, которым я рассказывал эту историю, были отлично знакомы с жутковатым ритуалом изгнания врага, описанным еще в Золотой книге. Каждый из них сам не раз проводил его. А неподготовленным людям вообще лучше не знать об этом.

Как мне ни хотелось поскорее закончить неприятную работу, но ритуал занимал строго определенное время. Глаза Винта открылись, и по их выражению я понял, что враг покинул его и навсегда оставил нашу Землю. Но не попал он и в свой мир, а обрета-

ется теперь в черной дыре между измерениями, где нет ни времени, ни пространства. Хотя для меня это было только абстрактными словами, я никогда не мог себе представить такого места...

Я не дал Винту прийти в себя и сразу приступил к экстренному потрошению, без стеснения применяя средства, за которые многое бы отдали герои «Августа сорок четвертого».

Через несколько минут я знал все о спрятанном в потайном гроте арсенале. Но то, какое применение он готовил для боеприпасов, заставило содрогнуться даже меня, хотя я немало повидал за время своей работы в Службе.

Вывести взрывоопасный груз из грота-хранилища можно было только морем, и Винт придумал хитроумную комбинацию. Вот вкратце ее содержание. Похитив Васю Полубояринова, он шантажирует отца и под угрозой смерти сына заставляет его, выйдя в очередной рейс, изменить маршрут и принять на борт содержимое немецкого арсенала. Погрузочными работами должны были заняться взятые в рейс сатанисты. Потом Семен возвращается в порт приписки, где часть мин те же сатанисты перегружают в грузовик, и ждет нового приказа, после выполнения которого ему обещано возвращение сына. За руль грузовика Винт предполагал посадить одного из специально подготовленных зомби. Тот подъезжает к базе омонцовцев, таранит железные ворота и взрывает грузовик. Второй зомби, оставшийся на теплоходе, услышав взрыв, подрывает корабль вместе с командой и остальными сатанистами, которые порядком надоели Винту. А в задачу капитана входило

★
подогнать теплоход как можно ближе к наполненному отдыхающими экскурсионному судну...

Слушая рассказ Винта и глядя ему в глаза, я отчетливо понимал, что после тесного общения с врагом в нем не осталось ничего человеческого. Только категорический запрет, содержащийся в уставе Службы, не позволял мне самостоятельно вынести приговор и привести его в исполнение.

— Что ты собирался сделать с ним? — Я показал на притихшего парнишку. Заранее предполагая, что может сказать мне Винт, я сделал так, что Вася не слышал ни одного нашего слова.

— С ним? — переспросил Винт. — Он и нужен был только, чтобы позвонить пару раз папаше и рассказать, как ему больно. А на кой он мне потом? Разве только трахнуть, а после все равно бы закопал...

— Что ты сказал, ублюдок? — послышался за моей спиной низкий голос. Это проснулся и неслышно подошел к нам Семен Полубояринов. Тревога за сына оказалась сильнее гипнотического сна, в который я его погрузил. Очнувшись, он поднялся, пошел на свет и услышал последние произнесенные Винтом слова.

— Кого ты собрался закопать, пидор? — Бас Семена становился все ниже, и казалось даже, что от его голоса заколебалось пламя факелов и задрожали каменные стены.

— Жаль, не успел! — Винт пытался выглядеть равнодушным, но яростный блеск глаз выдавал клочущую в нем ненависть. — Черт! Несколько дней... всего несколько дней не хватило!

Он вдруг сорвался на крик:

— Сколько бы мне ни дали! Хоть двадцать лет,

хоть пожизненное! Я все равно вырвусь и перегрызу вам обоим глотки! И твоему сопляку откручу голову! Черт, надо было сделать это еще сегодня! Всего несколько дней!

Винт продолжал выкрикивать бессвязные слова, когда Полубояринов неуловимо быстрым движением схватил со стола оброненный им пистолет. Пуля вошла в оскаленный рот и вышла из затылка, выбив брызги крови и мозгов. Лицо Винта приняло изумленное выражение, сохранявшееся несколько секунд, потом голова упала на грудь, тело конвульсивно дернулось, и он навсегда затих.

— Никого ты больше не загрызешь! — прогудел Семен. — Пусть лучше я получу двадцать лет, зато ты, тварь, больше не будешь портить воздух на земле.

Подойдя к сыну, он прижал его голову к своей груди и тихо спросил:

— Как ты, сынок?

— Нормально, папа, — ответил паренек. — Только руку браслетом надавило...

Парня стало отпускать, и его трясло крупной дрожью.

— Пойдемте, — сказал я. — Нам больше нечего здесь делать.

— А эти? — спросил Семен, показав на мертвого Винта, под стулом которого расплывалась кровавая лужа, и спящих сатанистов.

— Эти? — переспросил я. — Эти, когда проснутся, сначала упрячут своего главаря так, что его никогда не найдут. А потом помчатся наперегонки писать явку с повинной. Вы подождите меня в том коридоре, я тут быстро...

Отец с сыном послушно вышли, а я растолкал подручных покойного Винта и сделал им необходимое внушение.

...На поверхность мы поднялись глубокой ночью через тот же колодец во дворе. Семен передал сына с рук на руки матери и спросил меня, пряча глаза:

— Мне идти с тобой?

— Нет, — ответил я. — Живи как жил. И пострайся все забыть.

— Но ведь я... — удивленно произнес Полубояринов.

— Я сказал — забудь! — оборвал я его излияния. — Я не из милиции. А ты все сделал правильно. Эту тварь нужно было остановить.

В ту ночь я еще раз нарушил устав Службы — не стал стирать ни у Семена Полубояринова, ни у его сына память о происшествии. Интуиция подсказала мне, что эти люди когда-то придут мне на выручку. А я привык прислушиваться к ее подсказкам.

— Не уходи! — с надеждой попросил меня Семен. — Давай отметим знакомство.

— Так я же не пью, — попытался я уклониться от приглашения.

— Такого вина ты еще не пробовал! — с уверенностью заявил Семен, настроение которого заметно улучшилось после того, как он понял, что я не собираюсь арестовывать его по обвинению в убийстве и тащить в милицию. — Мое вино пьют все, даже непьющие.

Мы просидели с ним всю ночь в увитой виноградной лозой беседке. Жена Семена поставила на стол блюда с закусками и ушла в дом. К утру я потерял счет выпитым нами бутылкам, но ни один из нас не

опьянел. Разве что развязались языки, и оказалось, что нам есть о чем поговорить друг с другом.

...На разборе операции Радзивилл долго допытывался у меня, мог ли я остановить Полубояринова, не дать ему застрелить Винта. Я твердо стоял на своем: нет, не мог. Все произошло слишком быстро и совершенно неожиданно для меня. И только в самой глубине сознания таилась крамольная мысль: мог. Но не захотел.

ГЛАВА 10

В Крыму

— Интересная история, — высказался Мишка, когда я закончил свой рассказ. — А продолжение у нее было?

— А как же! — усмехнулся я. — Трехлитровая бутылка вина на каждый день рождения! Я вам честно скажу, это шедевр винодельческого искусства. Приедем на место, попробуете. Могу поспорить, лучшего вам пить не приходилось. А если серьезно, то после того случая мы ни разу не встречались, хотя переписываемся и перезваниваемся регулярно.

— Прошло пятнадцать лет, — с сомнением сказал Боря. — Люди могли измениться.

— Только не эти! — Мне стало обидно за Семёна. — Я ведь уже говорил, что уверен в них, как в самом себе. Кроме того, есть еще одно обстоятельство в их пользу.

— Так рассказывай! — возмутился Боря. — А то клещами тянуть приходится.

— Ничего себе, клещами! — рассмеялся я. —

А кто только сейчас битых три часа всю эту историю рассказывал?

— Ладно, это я так, — махнул рукой Боря. — Так что там за обстоятельство?

— Васька, сын Семена. — Я перешел на серьезный тон. — Интересный оказался паренек. Два года после того случая боялся подойти к колодцу во дворе. Да что там к колодцу, от любой ямы шарахался, от любого подвала. Все, что ниже уровня земли... Семен писал — вроде и хочет парень пересилить себя, а ноги не идут, и дрожь до самых пяток пробирает. И боязнь темноты появилась. Отец уже стал переживать, хотел везти Ваську к психиатрам, но тот сам справился. Как-то переломил себя. Сначала стал спускаться в колодец во дворе. Трясется весь, но лезет. Страх стал уходить потихоньку, и парень, чтобы не просто так шастать под землей, занялся исследованием кяризов. В то время в подземельях много всякой нечисти водилось, бродяги, ворье мелкое, даже сатанисты недобитые собирались. Но вокруг Васьки крепкая компания подобралась, и они всю эту шпану поганой метлой из подземелья вымели.

Семен мне писал, что стал даже опасаться за сына, так лихо он все свои страхи переборол. Вроде как совсем перестал чего-нибудь бояться. А это, сами знаете, к хорошему не приводит. Все должно быть в меру, и чувство страха тоже. А он никак успокоиться не может. Как узнает, что в городе сатанисты завелись, так сразу и начинает их искать. Сильно он их не любит. Находит и разгоняет, да так, что только клочья летят. Парень-то вырос крепкий и ребят подобрал под себя...

— К чему это ты ведешь? — нетерпеливо спросил Мишка.

— Не перебивай! — оборвал я его. — Так вот, Семен стал бояться, как бы Васька вместе с ребятами не влип в какую-нибудь дурную историю. Но нет, поступил в институт в Симферополе, закончил. Вернулся домой, открыл свое дело, кое-какую денежку заработал. Но это не главное. Когда Васька учился в институте, он серьезно занялся спелеологией и облазил чуть ли не все пещеры Крыма, а ведь их на полуострове немерено. Именно поэтому мы и едем к Полубояринову. Понимаете, если нас начнут серьезно искать, то могут выйти на него. Но если Васька поможет нам укрыться в пещерах, то черта с два нас там найдут. Правда, я очень надеюсь, что до этого не дойдет. Или кто-то из вас может предложить лучшее место для укрытия?

Все дружно замотали головами.

— Значит, мой вариант самый подходящий, — заключил я и откинулся на спинку сиденья, давая понять, что тема исчерпана. Но не тут-то было.

— Когда, ты говоришь, вы с Семеном последний раз виделись? — Когда Кацнельсон собирается тебя подковырнуть, он почему-то переходит на местечковый говорок, да еще с ехидным таким тоном.

— В девяносто четвертом, — ничего не подозревая, ответил я.

— Сколько тогда Ваське было?

— Пятнадцать...

— Нормально! — рассмеялся Боря. — Приезжает тридцатилетний мужик, Васькин ровесник, и говорит: «Здравствуйте, я Владимир Кубанский! Я тут пятнадцать лет назад спасал вашего сына, прошу лю-

бить и жаловать!» А Семен тебе в ответ: «Заходи, гость дорогой! Как ты чудесно сохранился! Ну совсем не изменился за столько лет!»

— Господи, как я мог об этом забыть! — я хлопнул себя по лбу.

— «Штирлиц вышел из туалета, застегивая на ходу ширинку. «Русский!» — подумал Мюллер. Так был разоблачен советский разведчик Максим Максимович Исаев!» — прокомментировал Мишка, пряча улыбку.

Минут двадцать мне понадобилось, чтобы изменить свою внешность. Я бы справился быстрее, но ходовые качества хваленого «Фольксвагена» не шли ни в какое сравнение с мягким ходом оставленных в Харькове «Жигулей». Примерно как армейский табурет против мягкого кресла. Время от времени нас ощутимо потряхивало на неровностях дороги, и пальцы оставляли на лице уродливые вмятины, удаление которых требовало определенного времени. «Вот бы умельцев из Службы да во главу российского автопрома! — подумал я. — Может, и не гонялись бы наши люди за иномарками...»

— Годится? — спросил я, закрыв ноутбук. — Как я вам?

— Неужели и я таким буду? — закатил глаза в деланом ужасе Боря.

— Главное не форма, главное — содержание, — заявил я. — А душа у меня молодая...

...Когда было нужно, Мишка умел соизмерять расстояние со скоростью, и мы въехали в Евпаторию не поздно, но и не рано, а как раз вовремя. Дом Полубояринова стоял недалеко от въезда в город со стороны Симферополя. Это была одна из старых построе-

ек, которые, тесно лепясь бок о бок друг к другу, образуют небольшие, закрытые со всех сторон дворы.

Семен ждал нас, сидя на скамейке у ворот. Когда мы расстались с ним, ему было сорок семь, и я ожидал увидеть если не развалину, то, во всяком случае, человека весьма почтенного возраста. Слава богу, мои опасения не оправдались. Правда, лысина у Семена с маленького пятачка на макушке разрослась на полголовы, а остаток волос изменил цвет с темно-каштанового на светло-серебристый. Зато глаза блестели, как у молодого, двигался он легко, и рукопожатие осталось таким же крепким, как раньше.

Выходящая на улицу стена дома выглядела, как и пятнадцать лет назад. Сложенная из ракушечника и оштукатуренная, без единого окна, как во множестве таких же старых татарских построек. Но когда Семен открыл ворота и мы загнали машину во двор, я не поверил своим глазам. Вместо непритязательных домиков и приземистых сараюшек я увидел великолепно отделанные строения с большими выходящими во двор окнами. Прилепившиеся друг к другу дома окружали двор по периметру. Сам двор, когда-то разделенный штакетником на небольшие палисадники, был освобожден от перегородок и превращен в настоящий райский сад с огромным количеством цветов и альпийской горкой с журчащим водопадом в центре. Под пестрым навесом стоял длинный стол, а рядом был оборудован капитальный кирпичный мангал.

— Как тебе? — Семен с гордостью обвел взглядом это великолепие.

— Ничего не узнаю! — Я не мог скрыть своего восхищения.

— Нравится, значит? Это ведь все наше теперь! Помнишь, я тебе писал, что Васька коммерцией занялся? Так вот, дела у него удачно пошли, он и выкупил все квартиры во дворе. Кучу денег отдал, да сколько еще в ремонт вложить пришлось... Зато видишь что получилось! А внутри еще посмотришь! В каждом номере кондиционер, душ, кухня современная с разной там техникой, и вообще все удобства. От постояльцев отбоя нет. Еще два годика поработаем, и все вложения окупятся.

— Вы не думайте, мы номера оплатим, внакладе не останетесь, — влез в разговор Мишка.

Я видел, что слова эти были сказаны с целью произвести на хозяина хорошее впечатление, но вышло совсем наоборот. Семен бросил на Мишку уничтожающий взгляд и сказал, обращаясь ко мне:

— Володя, передай своему юному другу, что у Семена Полубояринова скорее лопнут от стыда глаза, чем он променяет дружбу на деньги!

— Не обращай на него внимания! — Я постарался как можно мягче нажать на сознание Семена, чтобы сгладить Мишкин ляп, и добавил, издевательски глядя прямо Мишке в глаза: — Что с него возьмешь? Молодой еще, глупый...

Его щеки на глазах изменили цвет, став от стыда за самого себя и мальчишеской злости на меня ярко-пунцовыми. Ответить мне он не мог, а остальные ребята прятали улыбки.

Подувшись для приличия, Семен сменил гнев на милость и сказал, показав на два соседних крыльца:

— Вот этот номер на двоих, а тот — на троих. Рас-

полагайтесь, как вам будет удобно, умывайтесь и к столу. Ехали-то всю ночь, проголодались.

— А где Вася? — спросил я.

— Он у меня деловой человек, — с плохо скрытой гордостью ответил Семен. — Для него наша гостиница — так, забава. Но как узнал, что вы приезжаете, сказал — в лепешку расшибусь, а все дела с утра за час-другой переделаю и домой. Так что вот-вот будет.

Мы с Борей заняли двухместный номер — начальство как-никак, а Павел, Митя-Мустафа и провинившийся Мишка — трехместный. Но они ничуть не прогадали, в их апартаментах оказались две жилые комнаты. Боря уступил мне право первым принять душ, чем я с удовольствием воспользовался. Не став ждать, пока он вволю наплещется под прохладной водой, я вышел во двор.

Устроив из бывшего коммунального двора гостиницу, Вася не стал жлобствовать, как делают многие южане, которые сдают курортникам все жилье до последнего метра, а сами ютятся чуть ли не в курятниках. Он капитально отремонтировал родительскую квартиру, прирезал к ней часть соседней, отчего она из двухкомнатной превратилась в трехкомнатную. Отгородил прилегающую к ней часть двора, устроив там уютный зеленый уголок.

Через раскрытую калитку я увидел, как Мария Федоровна, хозяйка дома, снует из дома в увитую зеленью беседку, поднося дымящиеся кастрюли и блюда с закусками. Потом появился и Семен с корзиной, наполненной темными бутылками. Заметив меня, он махнул рукой:

— Давай сюда!

Зайдя в беседку, я поразился, насколько легче там дышалось. На улице стоял палящий зной, а тут откуда-то веяло легкой прохладой, будто я в один миг переместился в другую климатическую зону.

Мы присели на мягкую скамью, и я сладко потянулся.

— Всю жизнь бы так жил!

— Да, хорошо у нас! — согласился Семен. — Только ты не подумай, что мы тут лежим на диване и в потолок поплеываем, а деньги сами в кошелек текут. Работы хватает. Я тут по хозяйству, и слесарь, и электрик, на все руки. А еще виноградник на мне. Маше тоже достается, одного белья сколько перестирать надо. Васька все предлагает людей нанять. Вам, говорит, отдохнуть пора. А мы сами не хотим. Насмотрелся я уже. Если человек на пенсии шевелиться перестает, то быстренько в землю уходит. Мне оно надо?

И он весело рассмеялся.

Пятнадцать лет назад, пообщавшись с Семеном Полубояриновым, я раскусил его. Понял, что он гораздо умнее и сообразительнее, чем тот простоватый капитан каботажного плавания, за которого себя выдавал. Наверное, считал, что так легче прожить в нашем мире. Вот и сейчас я видел по его хитро посверкивающим глазам, что у него заготовлен для меня какой-то серьезный вопрос. И не ошибся.

— Володя, — сказал он, — я давным-давно понял, что ты очень непростой человек. И не перебивай меня, сначала выслушай до конца. Когда ты представился ментом, я сразу засомневался, уж слишком не ментовский был у тебя взгляд. Ты из какой-то конторы посерьезнее, но вот из какой? То, как ты гонялся

за тем вырождаком, которого я... ну, в общем, ты понимаешь... У тебя был вид охотника, который после долгой погони загнал опасного хищника.

Произнеся эту витиеватую фразу, Семен замолчал, глядя на меня. Может быть, он ожидал какого-то ответа, но я не произнес ни слова. Так и не дождавшись, он продолжил:

— А сейчас ты приехал с четырьмя молодыми парнями, в которых за версту видна специальная подготовка, которые беспрекословно подчиняются тебе. Сразу видно, вы — не случайная компания, побравшаяся для веселого отдыха, а команда. Думаю, я не сильно ошибусь, сказав, что ты — старший группы, — я чуть не вздрогнул, настолько точно Семен определил мою должность, — а молодняк — офицеры в звании не старше капитана.

Немудрено, что Семен ошибся, определяя возраст. Тот же Павел был на несколько лет старше его, но выглядел чуть старше тридцати. А Мишка, которому перевалило за пятьдесят, казался совсем молодым парнем.

— Богатая у тебя фантазия, Семен! — засмеялся я, хоть смеяться мне совсем не хотелось. — Горазд ты на выдумки!

— Володя! — торжественно произнес Семен. — Я понимаю, что ты занимаешься какими-то секретными делами, поэтому не буду тебя ни о чем расспрашивать. Но если ты снова вышел на охоту, то знай: мы с Васькой окажем тебе и твоим ребятам любую помощь. Потому что не хотим, чтобы кто-то оказался в такой ситуации, в какой побывали мы!

Я вдруг понял, что не должен ничего скрывать от этого человека.

— Спасибо, Семен! — сказал я тихо. — Я никогда не сомневался в тебе. Только ты немного ошибся. Сейчас мы не охотники, а дичь. Нам грозит опасность, и я не хотел бы вмешивать в это дело тебя и твою семью. Чем вы могли бы помочь, так это, если понадобится, найти нам надежное укрытие. Я вспомнил, что Вася занимался спелеологией и...

— Все настолько серьезно? — спросил он.

— Я не стал бы тревожить тебя напрасно.

— Понятно. — Глаза Семена потемнели, но больше ничего не выдало его эмоций. — Я поговорю с сыном. Думаю, все будет нормально.

Тут в беседку вошла Мария Федоровна, и Семен сказал, изменив тон и картинно потирая руками:

— Ну, давай зови своих ребят, а то я уже весь на слюну изошел! И парнишке этому скажи, пусть не обижается на старика. А то еще подумает чего!

ГЛАВА 11

Визит Льва

— Дядя Володя!

— Вася!

Его невозможно было не узнать. Не потому, что он не изменился за пятнадцать лет. Изменился, и сильно. Он стал точной копией отца, только на тридцать с лишним лет моложе. Такой же основательный, широкоплечий, с сильными и ухватистыми руками. Даже лысина начала обозначаться на том же месте, на макушке, и бас такой же, как у Семена, а то и гуще...

Он въехал во двор на совершенно не подходящем

для солидного бизнесмена «четыреста шестьдесят девятом» «уазике» со снятой брезентовой крышей. Зато эта машина идеально подходила к его милитаризованному облику. По короткой стрижке ежиком и камуфлированной майке его можно было принять за армейского офицера, заскочившего домой пообедать на служебном автомобиле.

К этому времени мы успели пропустить по два стаканчика волшебного вина — Семен не признавал другой посуды, кроме обыкновенных стаканов из тонкого стекла, — и пришли в состояние необыкновенного душевного равновесия. После обязательной процедуры знакомства и рукопожатий Вася присоединился к застолью. С ходу въехав в беседу, он выдал несколько точных реплик по теме и моментально сумел влиться в разговор. По довольному виду своих ребят я понял, что наши хозяева прилились им по душе, а Василия они хоть сейчас приняли бы шестым членом пятерки.

Ни к чему не обязывающий разговор крутился вокруг политической ситуации на Украине — эту тему затронул и никак не хотел соскакивать с нее Семен, — и все единодушно пришли к выводу, что нынешнее ее руководство испытывает серьезный дефицит в людях со здоровой психикой.

— Я прямо наслаждаюсь, когда депутаты в Раде Араться начинают! — улыбнулся Вася. — Никакого цирка не надо! И, главное, регулярно! Осталось только в программу телепередач внести: в четырнадцать ноль-ноль — драка в Раде...

— И эти люди что-то решают за всю страну! — сказал Семен с горечью.

— Успокойся, папа, — ответил ему сын. — Думаешь, где-то по-другому? Везде так. Мне вообще кажется, что нормальный человек во власть не полезет, а если и попадет случайно, то она его пережует и выплюнет...

Я с любопытством прислушался к рассуждениям своего крестника (кстати, без кавычек, потому что после того происшествия Семен вместе с сыном окрестился в православную веру и крестным отцом Василия назвал меня). Мнение Васи во многом совпадало с моим. Хотя по роду деятельности в Службе мы не слишком интересовались политикой — наши дела были поважнее, но мы смотрели телевизор и часто посмеивались над потугами депутатов разного ранга показать себя значительными фигурами. Но в большинстве, конечно, они лезли во власть с целью прорубить дорогу своему бизнесу...

Посидев с нами с полчаса и выпив стаканчик вина, Мария Федоровна поручила сыну присматривать за столом, чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями (старому, по ее словам, ничего доверить было нельзя), и ушла отдыхать. После ее ухода беседа по инерции несколько минут скользила по накатанному руслу, а потом Семен наполнил стаканы и сказал изменившимся голосом:

— Давайте, мужики, выкладывайте ваши проблемы! Я так понимаю, что, сколько их ни замалчивай, сами собой они не рассосутся.

Все, кроме Бори, которому я успел передать свой разговор с Семеном, посмотрели на меня с недоумением.

— Семен прав! — согласился я. — Не будем ходить вокруг да около.

Я в нескольких словах изложил Василию суть дела, разумеется, не вдаваясь в подробности. Он долго задумался, и мы все молчали, не сбивая ход его мыслей.

— Дядя Володя! — Он что-то решил для себя. — Давай-ка выйдем на улицу, потрещим кое о чем...

Я положил руку ему на плечо и сказал:

— Вася, при ребятах можешь говорить все. Это то же, что рассказать мне одному. Можешь даже не сомневаться.

— Хорошо! — произнес он после некоторого раздумья. — Правда, это не только моя тайна, но если ты говоришь... Короче, есть такое место, где вас не найдет ни одна ищейка. Это не очень далеко, на южном побережье. Старинный пещерный храм, но туристов там не бывает. О нем вообще никто не знает, кроме меня и двоих моих ребят. Мы сами его нашли, и то чисто случайно. По всем признакам, до нас туда никто не заходил лет пятьсот. Ребятам я доверяю на все сто, кроме того, ни у одной спецуры нет данных об их связи со мной. Кое-какие припасы там есть, чего не хватает — доставим, это не вопрос. Что насчет оружия, то его хватит, чтобы отбить полноценный штурм. А на всякий случай и пути отхода имеются, о которых ни одна душа не знает. Устраивает вас такой вариант?

Я смотрел на Васю с уважением. Вырос мальчик! Не прост оказался мой крестник, ох не прост! Что это за подпольная сеть с подземными схронами и складами оружия? Но я не стал расспрашивать крестника — у каждого свои тайны. А Семен сидел с не-

возмутимым видом. Похоже, для него это не было новостью.

— Что же, вариант идеальный, — кивнул я.

— И когда вы хотите уйти в подполье?

— Как только заметим первые признаки... — ответил я расплывчато.

Моя интуиция не выдавала сигналов тревоги, и мне совсем не хотелось сломя голову покидать этот райский уголок.

— Вот и прекрасно! Это мои координаты, — он протянул мне глянцевую визитку, — звоните в любое время, и через пятнадцать минут после звонка мы будем уже в пути. А пока отдыхайте, наслаждайтесь Крымом.

Наш завтрак плавно перешел в обед, и, почувствовав, что последний стакан вина плещется где-то в районе гортани, я запросил передышки.

Павел, Мишка и Митя-Мустафа изъявили желание отправиться на пляж, а Боря удивил всех, спросив у Семена:

— Вы не подскажете, как добраться до синагоги? И еще я хочу сходить в караимские кенасы...

— Да брось ты, пойдем лучше на море! — легкомысленно сказал Мишка, но я показал ему кулак, и он сразу закрыл рот. А Боря даже не обратил внимания на его слова.

Семен принес потертую карту города, надел очки и принялся показывать гостю дорогу. Через двадцать минут беседка опустела. Вася извинился передо мной, сказав, что не успел с утра переделать все дела, и уселся в «уазик».

— Гаишников не боишься? — спросил я. — Ви-на-то выпили немало.

— Кого мне бояться в Крыму? — усмехнулся он, газанул и выехал за ворота.

Мы остались вдвоем с Семеном. Я никуда не пошел потому, что видел — старику хочется погово-рить со мной, и решил не обижать его.

— Этот твой паренек, — спросил он с любопытст-вом, — он что, молиться в синагогу ходит?

— Не думаю, — ответил я без особого желания обсуждать этот вопрос. — Понимаешь, он рано поте-рял родителей и стал копать свою родословную, хо-чет добраться до корней. А потом незаметно увлекся историей...

— Хорошее дело! — похвалил Семен. — Знать, кто были твои предки, для каждого важно... Значит, вот почему он и к караимам собрался! А то наши уче-ные никак не могут сообразить, евреи они или от-дельный народ. А какая, в принципе, разница? Ты вот не знаешь, наверное, а до революции городского голову всегда выбирали из караимов. Толковые, зна-чит, люди были! Нет, надо было пареньку с нами ос-таться, я бы ему больше рассказал, чем любой экс-курсод.

Семен углубился в историю родного города, а я был рад, что он отвлекся от Кацнельсона. Один я, не считая Радзивилла, знал Борину тайну. И то лишь по-тому, что старший пятерки по долгу службы должен знать все о своих людях.

Я не соврал Семену, сказав, что увлечение исто-рией началось у Бори с изучения собственной родо-словной. Занявшись этим вскоре после окончания

Школы, Кацнельсон за несколько лет докопался до времен глубокой древности, разыскав среди своих предков не одного крупного ученого и еврейского мудреца. Но попадались среди них, к большому Бориному огорчению, и откровенные казнокрады, и кровопийцы-ростовщики. Со временем интерес к своей родословной перерос у него в интерес к истории всего еврейского народа, начиная с библейских времен.

В свободное время Боря досконально изучил Библию и множество других религиозных книг и стал признанным авторитетом в богословской среде. Я не оговорился, все было именно так. Только научным авторитетом он был анонимным, время от времени запуская во Всемирную сеть свои мудреные богословские статьи, которые подписывал псевдонимом Амнон Ховарский (потом я узнал, что это имя упоминается в Ветхом Завете).

Статьи своей смелостью и новизной мировосприятия неизменно производили фурор среди историков и богословов, но ни одна душа в мире, за исключением меня, командира и высшего руководства Службы, не подозревала, кто скрывается за псевдонимом.

Сам Боря едва ли догадывался, что кому-то известна его тайна. Я не давал ни малейшего повода заподозрить себя, а Служба, похоже, смотрела на его увлечение сквозь пальцы, поскольку необычное хобби не вступало в противоречие с ее интересами. Надо признаться, я мало что понимал в Бориных сочинениях и, читая их, уважительно покачивал головой — ну и Боря, ну и голова!

...Семен подлил в стаканы вина и продолжал рассказывать про караимов и татар, русских и армян, населяющих город, от них перешел к достопримечательностям, о каждой из которых у него имелась своя история, связанная с именами известных людей. Рассказывал он интересно, но я никогда не умел слушать лекции на полный желудок, да еще выпив добрый литр вина. У меня стали смыкаться глаза, и приходилось время от времени встряхивать головой, чтобы Семен не заметил моего состояния. Еще обидится, не дай бог...

И вдруг сон с меня смело, будто кто-то плеснул за шиворот ледяной воды. Я поднял голову и увидел через раскрытую калитку, как во двор входит человек огромного роста, с густой гривой темно-русых волос и пышными усами, одетый в белоснежную рубашку с короткими рукавами и такого же цвета брюки. Он остановился около альпийской горки, обвел двор глазами, заметил открытую калитку, ведущую в дворик Полубояриновых, и направился в мою сторону. Когда его мощная фигура заслонила проход, я бросил взгляд на Семена и понял, что он никак не реагирует на появление нового гостя, попросту не видит его. Глаза Семена заволокла мутная пленка, он зевнул и сказал:

— Что-то, Володя, меня совсем разморило. Пойду-ка я полежу... — И, не дожидаясь согласия, ушел в дом.

Человек тем временем бесцеремонно зашел в беседку и сел за стол напротив меня. Я смотрел на него во все глаза и ничего не понимал. Моя интуиция говорила лишь о том, что сейчас происходит нечто

очень важное. Похоже, начинает сбываться то, о чем нашептывал мне недавно внутренний голос по дороге из Краснодара в Харьков. О чем он там говорил? Что мне предстоят какие-то встречи, которые изменят всю мою жизнь?

На дворе стояло жаркое крымское лето, но я зябко передернулся. Сидящий передо мной человек выглядел... Черт побери, он выглядел именно как человек, способный круто изменить мою судьбу. Вокруг него висела такая плотная аура власти, что хотелось вскочить с места и вытянуться по стойке «смирно». Я прислушался к своим ощущениям, но не почувствовал ни малейшего присутствия врага. Полный ноль.

— Здравствуй, подполковник! — произнес гость звучным баритоном.

— Простите, но я вас не знаю! — запротестовал я, хотя уже понял — бесполезно. Но все-таки решил потрепыхаться. — Кроме того, я никакой не подполковник...

— Брось, Кубанский. — Он высокомерно улыбнулся. — Ты ведь уже все понял. Набери-ка лучше номер экстренной связи. Давай, не бойся, никто тебя не собирается отлучать от Службы...

Я достал телефон и подрагивающими пальцами набрал нужный номер. В трубке раздались длинные гудки, а в кармане гостя запиликала веселенькая мелодия. Он вытащил свой аппарат и протянул мне. На экране высветился мой номер...

— Убедился? — спросил глава российской Службы.

— Так точно! — Я не знал, как следовало к нему обращаться, но на всякий случай встал со скамьи.

— Садись. — Он снова усмехнулся. С чего это он так веселится? — Можешь называть меня Лев Адамович. Или, если хочешь, генерал. И не надо демонстрировать мне армейскую выучку. Я пришел не для того, чтобы тешить самолюбие проявлением верно-подданности. У меня совсем другая задача. Вы совершили большую ошибку, когда решили скрыться от Службы. Я назвал бы это преступлением, но есть одно-единственное обстоятельство, которое вас оправдывает.

Я пожирал его глазами и не задавал вопросов. Видно, это не очень понравилось главе Службы.

— Не хочешь узнать, какое? — спросил он грозно.

— Так точно, хочу! — Я снова встал по стойке «смирно». В меня вселился какой-то бес, и я не мог удержаться, чтобы не поддразнить генерала. На мое счастье, он этого не понял. Или просто не мог представить, чтобы кто-то решился издеваться над ним.

— Сядь! — Кажется, он был слегка раздражен. — Я не привык повторять дважды. А оправдывает вас лишь то, что, принимая решение, вы находились под чужим влиянием.

— Неужели враг? — ужаснулся я.

— Можно сказать и так! — мрачно подтвердил он. — И враг очень непростой. Дезертировавший сотрудник Службы. Он и без того обладал колоссальными знаниями и умениями, а теперь его способности умножены врагом. Он стал невероятно силен. Я знаю, что ты обладаешь редкостной интуицией, но даже у тебя не было ни одного шанса устоять перед ним. Ты и твоя пятерка, вы не ожидали нападения с

★ этой стороны, и дезертир сумел заглушить у вас всех чувство предвидения, а потом на расстоянии внушил вам мысль о преступности руководства Службы и заставил поверить, что ее подсказала вам интуиция. Ты, наверное, спросишь: а для чего это ему нужно?

Я смотрел на Льва Адамовича преданными глазами.

— Ответу. Потому что только ваша пятерка во всей Службе способна справиться с ним. Не буду объяснять тебе причины столь странного факта, но это так. Надеюсь, ты понимаешь, какая ответственность на тебе лежит?

На этот раз я не стал подсказывать, это был бы уже перебор. Я просто кивнул.

— Поэтому никуда не уезжайте из города. Скоро дезертир сам выйдет на вас. Да, должен предупредить — у него появилось новое качество, которое никогда раньше не встречалось у подобных гибридов. Он может скрывать свой симбиоз с врагом даже от агентов Службы. Вы будете смотреть ему в глаза, и у вас даже мысли не возникнет, что враг овладел душой этого человека. Дезертир обязательно попытается ввести вас в заблуждение, заставить принять свои слова за чистую монету, но вы не обманывайтесь. Как только он откроется перед вами, а он обязательно это сделает, бейте изо всех сил. Работайте на поражение, иначе погибнете сами. Но, прежде чем нанести последний удар, заставьте его ответить: где он спрятал Золотую книгу? Разрешаю использовать любые способы, вплоть до запрещенных, вплоть до применения пыток, но вы должны узнать, где он ее спрятал, и немедленно сообщить это мне.

— Золотая книга... у него? — ошеломленно спросил я. — Откуда?

— Службе удалось вычислить место, где маршал спрятал реликвию. Но дезертир опередил нас, обманом выкрал ее и пропал. Непонятно только, зачем она ему понадобилась, ведь он был хорошо знаком с текстом. Если, конечно, падре Франциск не пропустил какие-то места в своем переводе. Но тебе, в общем-то, знать это не обязательно. Задачу уяснил?

— Уяснил.

— А вот теперь мог бы ответить «так точно!». — холодно улыбнулся генерал и встал со скамьи, давая понять, что разговор закончен.

Я тоже поднялся, но уже без прежнего усердия. Неожиданно он повернулся ко мне и сказал как о чем-то малозначительном:

— Да, кстати, твоя подруга, эта... э-э-э, Катерина, что ли...

— Что — Катерина? — У меня замерло сердце, и я чуть не схватил генерала за грудки, но вовремя остановился.

— Она впустила в себя врага, — ответил он тем же чуть презрительным, как мне показалось, тоном.

— Что вы сделали с ней? — тихо спросил я, понимая, что если не удержу себя в руках, то точно вцеплюсь в него, но уже в глотку. Чем бы это для меня ни кончилось...

— Успокойся, ничего страшного! — Видно, генерал понял, что перегнул палку. — Враг уничтожен, с женщиной все в порядке, но в Службе для нее больше места нет, сам понимаешь. Не переживай, после операции ты сможешь встретиться с ней...

И он, величественно неся крупное тело, вышел со двора.

Лучше бы он этого не говорил. Я и без того не испытывал к нему особого доверия во время всего нашего разговора, а теперь окончательно понял, что весь его рассказ — ложь от первого до последнего слова. Вот только насчет Кати... Я не мог понять, зачем он это сказал. Катя и враг... Чушь!

Если он причинил моей любимой хоть малейший вред, я достану его на другом конце света...

Все время разговора я чувствовал исходящее от генерала колоссальное давление, и мне пришлось напрягать все свои силы, чтобы противостоять нажиму. Я даже не догадывался, что способен на такой подвиг. Но — получилось, и Лев Адамович даже не понял, кажется, что произошло.

Я задумался о Кате, и меня охватила оторопь. Я вдруг понял, что начисто забыл, о чем она нашептывала во время нашей последней встречи в Центре. Помню только, что мы обсуждали возможность моей встречи с сыном. Все остальное исчезло из моей памяти, будто стертое ластиком, и меня охватило нехорошее чувство. Но подумать плохо о Кате было выше моих сил...

...Трое «курортников» пришли только через несколько часов, но я не стал ничего им говорить, решив дождаться возвращения Бори. Он появился уже в сумерках. Мы собрались в двухкомнатном номере, и я хотел приступить к рассказу, но тут Боря огорчил меня.

— Кажется, нас уже нашли! — сказал он мрачно.

— Кто нашел? — не понял я.

— Я выходил из синагоги, — объяснил Кацнельсон, — когда ко мне подошел один очень колоритный человек, представился ни больше ни меньше как генералом Ицхаком Голдмейером, главой израильской Службы, и, нажимая на мое национальное сознание, очень убедительно высказал кое-какие пожелания.

После этих слов вопрос о нашей экстренной эвакуации даже не обсуждался...

ГЛАВА 12

Под землей

Вася почти не преувеличивал, сказав, что через пятнадцать минут после звонка мы будем уже в пути. Пусть прошло не пятнадцать минут, а чуть больше, но через полчаса мы уже мчались вслед за его «уазиком» по направлению к Симферополю. Меня устраивало, что человека, который должен был перенять наш «Фольксваген», Вася взял в свою машину, и мы могли разговаривать по дороге, не прибегая к иносказательному языку.

Сначала я рассказал о визите генерала Льва, умолчав пока о своих мыслях по поводу его искренности. Сначала я хотел узнать, что думает о своей встрече Боря. Вот что мы услышали от него.

Человек, поджидавший Борю на пороге синагоги, выглядел почти карикатурно. В жаркий крымский вечер на нем был длиннополый лапсердак, а на голове — широкополая черная шляпа, из-под которой свисали длинные пейсы. Но когда он назвал Борю подполковником Кацнельсоном, сам представился генералом Службы и сказал еще несколько слов, ко-

торые не мог произнести непричастный к Службе человек, Боре сразу расхотелось смеяться.

Скорее всего, израильский генерал намекнул моему другу, что ему известно имя, скрываемое под псевдонимом Амнон Ховарский, догадался я, но промолчал, не желая смущать Борю перед товарищами.

В принципе, Ицхак Голдмейер поведал ему то же самое, что я слышал от Льва Адамовича. С той лишь разницей, что, напирая на национальное самосознание и оказывая на Борю немилосердное давление, израильский генерал приказал ему доложить о месте, где спрятана Золотая книга раньше, чем Кубанский сообщит об этом своему генералу. Была в этом деле еще одна странность. Боря, так же как и я, нашел в себе силы сопротивляться столь мощному давлению, хотя был абсолютно уверен, что еще вчера не смог бы этого сделать и Голдмейер при желании мог заставить его ползать у себя в ногах. А сегодня он не только сопротивлялся, но и ясно осознавал в течение всего разговора, что пришлый генерал морочит ему голову. Главный вывод, который он сделал по дороге от синагоги к дому: в верхах Службы идет подковерная борьба за Золотую книгу.

— Получается, — выслушав нас, мрачно сказал Павел, — что мы всю жизнь служили подлецам, которые сознательно обманывают нас? И кто может поручиться, что не обманывали раньше?

— Положим, что служим мы не генералам, — возразил я. — Вспомни, до сегодняшнего дня мы их знать не знали...

— А кому тогда? — поддержал друга Мишка.

— Не знаю... может быть, будущему! — Я не стал произносить слово «человечество», посчитав, что в

этой ситуации оно будет звучать слишком высокопарно.

— Не занимайтесь ерундой! — вернул нас Боря к неприглядной действительности. — Нашли время выяснять, кто кому служил! Есть вопросы поважнее. Надо выяснить, что происходит в верхах Службы, кто такой этот загадочный дезертир, действительно ли он украл Золотую книгу и что в ней есть такого, что генералы готовы биться за нее до последней капли нашей крови? Не думаю, что они гоняются за ней как за реликвией, представляющей только лишь историческую ценность. Нет, тут просматривается какой-то другой интерес... Вот только не могу решить для себя, нахожусь ли я все еще на Службе или уже ушел с нее по собственному желанию?

— Давайте лучше считать, что мы взяли бессрочный отпуск без содержания, — предложил я. — Нельзя ведь так сразу рвать по живому! Что ни говори, а Служба — это наша жизнь...

И снова все согласились со мной. Но вопросы все равно оставались.

— Какой тогда смысл во всех этих прятках? — спросил Митя-Мустафа. — Если Служба или дезертир не смогут найти нас в пещерах, то мы можем сидеть в них до бесконечности, так ничего и не узнав. А если найдут, то зачем прятаться?

— Во-первых, — сказал Боря, почесав затылок, — нам нужно время, чтобы хорошенько все обдумать. А во-вторых, когда кто-то к нам проникнет, мы сможем без помех взять его в оборот...

— И кем бы он ни был, — подхватил я, — мы вытрясем из него все! Мне надоело быть безмозглой игрушкой в чьих-то руках.

Объехав Симферополь с севера, Вася взял курс на Алушту, от нее свернул на Судак и, проехав километров двадцать пять — тридцать, остановил машину в дорожном кармане. Слева от дороги высились горы, а справа слышался плеск волн, но самого моря в темноте не было видно.

— Все, приехали! — сообщил Василий. — Дальше пешком.

Он приказал своему человеку, лица которого мы так и не увидели в темноте, стеречь машины, и мы тронулись в путь, лежащий вверх, в горы. Наш проводник выдал всем по электрическому фонарю, но все равно мы, чертыхаясь вполголоса, поминутно спотыкались на наклонной горной тропинке. Один Вася шел спокойно, ни разу не оступившись. Думаю, что от переломов и вывихов нас спасла только наша развитая интуиция.

Слава богу, скоро начало светать, идти стало значительно легче, и к финишу мы каким-то чудом подошли целыми и невредимыми. Нашей целью оказалась щель в скале, под которой плескалось море. Щель была узкой, в ней с трудом разошлись бы два человека. Пройдя по ней метров двадцать, мы оказались в тупике, на небольшой площадке, окруженной трещиноватыми каменными стенами.

— Что, здесь мы будем прятаться? — с сомнением спросил Мишка.

— За кого ты меня принимаешь? — усмехнулся Вася, просунул руку в одну из трещин и извлек оттуда большой заржавленный лом. — Я знаю волшебное слово, вроде «Сим-сим, откройся!». Только надо еще и силу приложить.

Он вложил лом в широкую трещину и нажал на

него с такой силой, что на лбу вздулись жилы. Мишка первый сообразил, что Васе надо помочь, подскокил и тоже налег на лом. Неожиданно огромный камень подался вперед, и трещина расширилась сантиметров до сорока.

— Отпускай! — крикнул Вася, и Мишка послушно отпустил лом. Камень вернулся на место и даже выступил немного за стену.

— Давай враскачку! — приказал Вася, и они снова нажали. Десяток движений, и камень уже медленно раскачивался, как огромный маятник, открывая между колебаниями ведущий в глубину скалы черный проход шириной не меньше метра. Правда, открытым проход оставался не больше двух секунд.

— Успеете запрыгнуть? — продолжая орудовать ломом и оттого тяжело дыша, спросил Вася. — Главное, не бояться... Но кто замешкается — раздавит!

Как старший группы, я прыгнул первым, и камень даже не коснулся моей одежды. За мной последовали остальные, и последним в пещеру запрыгнул Вася. Изнутри я увидел, что запирающий проход камень имеет форму матрешки, поэтому-то он и раскачивался, не падая. Колебания быстро затихли, и проход закрылся.

— Вот это дверца! — уважительно сказал Мишка. — Сплошная акробатика! Как вы только нашли такой проход?

— Да уж нашли, — хмыкнул Вася, не вдаваясь в объяснения.

Мы включили фонари и, выстроившись в колонну по одному, двинулись вслед за нашим проводником в глубину нависавшей над морем горы. Довольно долго мы шли по узкому коридору явно при-

родного происхождения. Потом на стенах стали встречаться следы обработки инструментом, а еще через несколько десятков метров впереди забрезжил свет, и мы оказались перед сводчатой аркой, без всякого сомнения, высеченной в камне человеческими руками. По периметру арку окружала искусная резьба, а венчал ее барельеф в виде четырехконечного креста, тоже изукрашенного каменным орнаментом.

Мы прошли через арку и оказались в прямоугольном сводчатом помещении с внушительными, вытесанными из монолитной скалы колоннами и каменным алтарем. Свет в храм проникал через небольшой проем в стене напротив алтаря. Мы стояли как замороженные, разглядывая покрытые великолепной резьбой стены. Сколько поколений неизвестных мастеров трудились над ними?

— Самая красота здесь ровно в полдень, — пояснил Вася. — В двенадцать часов солнечные лучи падают прямо на алтарь. А само окно совершенно неразличимо снаружи. В крайнем случае им можно воспользоваться как запасным выходом. Для этого имеется длинная веревка и альпинистское снаряжение для спуска. И еще — это единственное место во всей пещере, где работает телефон. Так что если понадобится выйти на связь, то сделать это можно только отсюда. Но лучше я сам буду звонить вам. Давайте договоримся: вы каждый день три раза — в восемь утра, ровно в полдень и в двадцать ноль-ноль — будете подходить сюда и ждать моего звонка.

Согласно кивнув, я подошел к «окну» и выглянул наружу. Далеко внизу волны, пенясь, разбивались об отвесный берег. Панорама была настолько краси-

вой, что оставалось только пожалеть — почему я не художник?

— Мы будем жить в храме? — почему-то насутился Павел.

— Ну что ты! — рассмеялся Вася. — Конечно нет! Это святое место. Пошли дальше.

Он провел нас к проходу, что скрывался за одной из боковых колонн, и мы пошли по хорошо освещенному коридору. Свет проникал сюда через множество мелких отверстий и трещин в стене. Вскоре мы дошли до места, где коридор расширялся, образуя небольшой зал. Вдоль стены стоял внушительный штабель деревянных ящиков, окрашенных в темно-зеленый цвет. Насколько я знал, в таких ящиках хранится оружие. И не ошибся.

— Здесь есть все! — гордо сказал Вася. — Пистолеты, автоматы, пулеметы, гранаты, мины. Вот тут патроны. Если возникнет необходимость, используйте хоть все, мы потом пополним закладку. Дай бог, конечно, чтобы до этого не дошло, но чем черт не шутит...

Я подошел к штабелю и прочитал маркировку. Да, это вам не вооружение времен Второй мировой. Сложенное в ящиках оружие было самых современных образцов.

— Вася, — тихо спросил я. — Зачем вам все это?

— Дядя Володя, — ответил он так же тихо, — неужели ты думаешь, что мы попрячемся по углам и будем трусливо смотреть, как недобитые бандеровцы отдают натовцам наш Крым?

— Похоже, ты не слишком дружишь с законом? — спросил я, вытащив из верхнего ящика автомат с непривычно толстым стволом. Это был бес-

шумный «Вал», состоящий на вооружении у подразделений спецназа. — Я не говорю, что это плохо. Не говорю, что это хорошо. Я просто констатирую факт.

— Можно ведь поставить вопрос и по-другому, — улыбнулся Вася. — Почему закон не дружит со мной? Законы принимает государство, и делает это без моего участия. Я никогда не ставил государство выше себя и считаю, что оно должно уважать меня как личность. Так же, как любого жителя страны. А раз оно этого не делает, то я считаю себя вправе не уважать его законы. Вообще, на эту тему можно спорить до бесконечности, а у нас, ты уж извини, дядя Володя, нет для этого времени.

В его голосе звучала такая уверенность в своей правоте, что я не стал больше задавать вопросов. Тем более что сам далеко не всегда действовал строго по закону. Зато вопросы возникли у Мишки.

— Вася, — спросил он, — и вы все это сюда затащили втроем?

— Да, — ответил мой крестник так спокойно, будто проделать такую работу было легко и просто.

— А как же вы протаскивали ящики через проход? — не унимался Мишка. — Там хотя бы самому успеть проскочить!

— Ломиком мы пользуемся, когда быстро надо пройти, — ответил Вася, посмотрев на Мишку с некоторым даже сожалением. — А ведь можно и домкратом подпереть...

Мишке стало стыдно, и он надолго замолчал.

Продemonстрировав арсенал, Вася показал нам жилые кельи. Это были темные помещения без окон, но в каждой стояла заправленная керосиновая лампа «летучая мышь». На каменных помостах лежали мат-

расы, подушки и одеяла. Воздух был свежим — в пещере чувствовалась хорошая естественная вентиляция.

— В помещениях, где есть окна, лампы по ночам не зажигайте, — предупредил Вася. — Свет далеко виден с моря. А здесь — сколько уютно.

Потом он провел нас по камерам, где хранился запас продовольствия, корейские керосиновые печки, к ним запас керосина в канистрах и много других полезных вещей, необходимых для длительной жизни в подземелье. В одном из коридоров журчала вода — вытекая тонкой струйкой из желоба в стене, она убежала в небольшую трещину в полу. Воды было немного, но вполне достаточно для удовлетворения всех наших жизненных потребностей.

Из рукотворных коридоров расходилось множество узких лазов и щелей. В некоторые из них с трудом пролезла бы и кошка, но были и такие, в которые свободно прошел бы человек.

— В эти ходы лучше не соваться, — заметив мой взгляд, сказал Вася. — Ни один из них не выходит на поверхность, проверено. Зато все они запутаны в такой лабиринт, что, если заплутаешь, долго искать придется.

Опасность заблудиться нам никогда не грозила. Во всяком случае, я, один раз пройдя любой лабиринт, навсегда запомнил бы все повороты и легко нашел выход. Каким бы запутанным этот лабиринт ни был. Но все-таки я прислушался к Васиным словам.

Еще он показал нам простую, но надежную систему тревожной сигнализации. От входного камня-маятника к жилым кельям была протянута тонкая, но прочная стальная проволока, на конце кото-

рой висели несколько пустых консервных банок. Как только камень начинал раскачиваться, в нашем жилище раздавался такой грохот, что проснулся бы и мертвый.

Проведя с нами больше трех часов, Вася стал собираться.

— Что делать с вашим «Фольксвагеном»? — спросил он, когда мы проводили его до входа.

— Лучше всего разобрать и продать по запчастям, — ответил я. — Чтобы концов не нашли.

— Жалко! — покачал головой Вася. — У меня есть другой вариант. Имеются специально обученные люди, которые за одну ночь перебьют все номера и сделают новые документы. Машина-то хорошая, может еще послужить.

— Хорошо, — согласился я. — Делай, как тебе удобнее.

— Потом еще спасибо скажете! — улыбнулся он и взялся за лом.

Но Мишка не позволил ему самому открывать «дверь». Забрав лом, он несколькими мощными движениями раскачал камень, и Василий выпрыгнул наружу. Мы остались одни.

ГЛАВА 13

Бой

Шли вторые сутки нашего добровольного заточения, и за все это время абсолютно ничего не случилось. Но мы не сидели сложа руки. Разобрали ящики с оружием, набили патронами калибра десять миллиметров магазины к «Валу», вставили запалы в гра-

наты и сложили все это в пещере за старинным храмом. Там каждый из нас, натаскав камней, оборудовал себе стрелковую позицию по всем правилам усвоенной еще в Школе воинской науки. Если дело дойдет до стрельбы, решили мы, то творение древних мастеров не должно пострадать. Я никогда раньше не обращался с таким оружием, поэтому предпочел бы «Валу» старый надежный «АКМ». Но Боря резонно заметил, что в бою в условиях подземелья бесшумное оружие будет иметь свои преимущества, и я вынужден был с ним согласиться. Мы предусмотрели, кажется, все, вплоть до противогазов. На тот случай, если гипотетический агрессор вздумает травливать нас газом.

Почему мы занялись этими приготовлениями? Сразу после того, как мы перешагнули порог пещеры, меня стали преследовать какие-то смутные видения. Стоило закрыть глаза, как пространство вокруг наполнялось мельтешением теней, вспышками выстрелов и беззвучными разрывами. Все происходило в полной тишине, и почему-то именно от этого на душе становилось особенно тревожно. Кроме меня, больше никто не чувствовал опасности, но, учитывая мою особую чувствительность, мы решили подготовиться к обороне.

Вася уже два раза выходил на связь. Его доклады ограничивались двумя словами: «Все тихо!» Я отвечал так же коротко, после чего он сразу отключался. Но последний вечерний сеанс сильно отличался от предыдущих.

— Дядя Володя! — Мне показалось, что голос крестника звучит как-то неуверенно, и я сразу насторожился. — Тут один человек хочет поговорить с

★ тобой. Ты не подумай, это надежный человек, ему можно верить...

— Давай! — оборвал я его оправдания. Кто бы ни стоял рядом с Васей, отказываться от разговора было бы просто глупо.

— Здравствуйте, Кубанский! — услышал я из трубки голос, показавшийся мне знакомым. Может быть, не сам голос, а только интонация... — Я не буду представляться вам, скажу только, что мы уже встречались.

— И кто же вы? — спросил я, уже догадываясь, с кем разговариваю.

— Мы с вами вместе совершили путешествие из Харькова в Центр, — подтвердил он мою догадку. — А еще кое-кто называет меня дезертиром.

— А почему я должен верить, что этот «кое-кто» не прав? — недоверчиво спросил я.

— Вы не доверяете своему крестнику?

— Я много раз видел, что делает с людьми внушение.

— Хорошо! — согласился «дезертир». — Я знаю человека, которому вы поверите.

— Кто это? — насторожился я.

— Катерина.

— Но вы же знаете, что это невозможно! — сказал я, обреченно вздохнув. Все! Меня опять водят за нос. Рухнула наша последняя надежда превратиться из пешек в чужой игре во сколько-нибудь значимые фигуры.

— Для меня возможно, — спокойно ответил мой собеседник, и по его голосу я вдруг понял, что он говорит правду. Мое сердце учащенно забилося.

— Ну что, договорились? — он прервал затянувшееся молчание.

— Где и когда я смогу ее увидеть? — спросил я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Завтра в семь часов утра я приду за вами. Будьте вместе со своими людьми там, где вы сейчас находитесь, в храме. Что бы ни случилось, дождитесь нас.

— А что может случиться?

— Не один я ищу вас, — туманно ответил он. — Предупреждаю, мы с вашим крестником придем не с той стороны, откуда вы попали в храм. Постарайтесь не открыть по нам огонь с перепугу.

— Не волнуйтесь! — усмехнулся я. — Но вы можете хотя бы намекнуть, для чего мы вам нужны? — полюбопытствовал я.

— Только при личной встрече! — отрезал он и отключился.

Время до вечера ползло со скоростью улитки. Даже хлопоты по хозяйству, которые я добровольно взял на себя, не ускорили его течения. Казалось, что день растянулся в месяц. Интуиция шептала мне, что «дезертир» не соврал насчет встречи с Катей, и я не мог дожждаться наступления утра. Я даже лег пораньше спать, чтобы приблизить счастливый миг. Но проснуться нам было суждено раньше времени, на которое у нас была назначена побудка.

Со стороны входа в пещеру прогремел оглушительный взрыв, а вслед за этим зазвенели привязанные к сигнальной проволоке консервные банки. Мы мгновенно проснулись и помчались на позиции. Бежать к ним нам было гораздо ближе, чем нападающим от входа, поэтому нам хватило времени залечь и приготовиться к бою. Через несколько минут в кори-

доре раздался топот множества ног, и мои надежды на бескровный исход сражения сразу растаяли. Противник был слишком многочислен, чтобы пытаться обернуть его в бегство с помощью внушения. Значит, придется применять оружие. Меня охватил легкий озноб — ни разу в жизни мне не приходилось не то что стрелять в живых людей, но даже направлять ствол в их сторону.

Я прислушался к своим ощущениям и сразу определил — врагом тут и не пахнет. Похоже, за нами пришли как за рядовыми уголовными преступниками. Убивать обыкновенных людей, кем бы они ни были, совсем не хотелось, и я негромко, но так, чтобы парни услышали, сказал:

— Стрелять только после моей команды! Сначала попробую их пугнуть!

Я не стал ждать, когда наступающий отряд подойдет на расстояние броска гранаты, и выпустил из «Вала» короткую очередь поверх голов. Странно было чувствовать, как автомат дергается в руках, и слышать вместо выстрелов только металлический лязг затвора. Пули высекли искры из каменного потолка, но, похоже, бесшумная стрельба не произвела должного впечатления на противника. Все-таки надо было взять «АКМ» — мелькнула запоздалая мысль.

Противник моментально залег и открыл в нашу сторону такой плотный огонь, что мы не могли поднять головы. Пули свистели вокруг нас, рикошетили от стен, и на головы нам сыпалась каменная крошка. Хорошо, что мы не поленились оборудовать ячейки по всем правилам!

Ну что же, подумал я, спрятав лицо от секущих

каменных осколков, не мы первые начали! Воевать так воевать!

Дождавшись, когда стрельба стихла — надо полагать, нападающие поняли, что патроны имеют скверное свойство кончаться в самый неподходящий момент, — я просунул ствол автомата в щель, крикнул: «Огонь!» — и нажал на спусковой крючок.

Нападающим некуда было прятаться от наших пуль, потому что для засады мы выбрали длинный прямой отрезок коридора, без выступов и поворотов. Послышались крики раненых и топот ног бегущих людей. Я бросил взгляд на часы, но в темноте не смог рассмотреть стрелки. Пришлось доставать мобильный телефон.

До назначенного срока оставалось чуть больше тридцати минут, и к этому времени мы должны были разделаться с противником или хотя бы надолго отогнать его. Некоторое время в пещере царила полная тишина. Потом раздался тихий шорох, слышимый на самом пределе обостренного восприятия. Я выпустил короткую очередь, но тот, кто крался по коридору, успел раньше. Он метнул гранату, и взрыв прогремел метрах в десяти от нашей линии обороны. Скорее всего, нас спасло то, что у бросавшего не выдержали нервы и он не смог правильно определить в темноте расстояние. Осколки гранаты, как перед этим пули из автоматов противника, рикошетом отскочили от камней, а часть их просвистела над нашими головами.

Следующая пауза в наступлении затянулась надолго. Я снова сверился со временем и увидел, что через пять минут мне придется, оставив ребят, отступать в храм. Но тут сзади раздался знакомый голос:

— Дядя Володя, это я! Не стреляйте!

Вася сказал это очень вовремя. Еще мгновение — и мы открыли бы огонь в его сторону.

— Откуда ты взялся? — изумленно спросил я.

— Потом! — ответил он. — Все потом. Вам надо уходить. Вас уже ждут.

— А ты?

— За меня не беспокойся, — беспечно ответил он. — Я тут растяжечку организую, чтобы выиграть время, и тоже уйду.

В смутном свете, доходящем до нас от входа в храм, я увидел у него на плече ящик с гранатами.

— Идите! — повторил Вася. — Я сразу следом за вами...

— Вася, не рискуй! — попытался я образумить крестника. — Ты один не справишься с такой оравой!

— Еще как справлюсь! — громко хмыкнул он. — Ну что вы как маленькие? Вам же сказано — идите! Время уходит!

Вспомнив, кто меня ждет, я сделал знак своей команде, и мы отступили к украшенной каменной резьбой арке. Обернувшись, я увидел, как Вася разматывает поперек коридора проволоку.

...Человек стоял, облокотившись об алтарь. На его изрезанном морщинами лице, как мне показалось, навсегда застыло выражение терпеливого ожидания. На вид, если судить по общепринятым меркам, ему можно было дать лет шестьдесят — шестьдесят пять, и я сразу мысленно окрестил его стариком. Но густые черные волосы, постриженные ежиком, и небольшая бородка того же цвета, без малейшего намека на седину, заставляли сомневаться в

таком выводе. Впрочем, там, где дело касалось Службы, гадать о возрасте было делом неблагодарным. Лицо его показалось мне смутно знакомым, будто я видел его на какой-то старой, плохого качества фотографии. Но, как ни старался, не мог вспомнить ни того, где и при каких обстоятельствах это было, ни кто он такой.

Я огляделся по сторонам и, убедившись, что, кроме старика в большом зале храма, больше никого нет, спросил, сжимая в руках автомат:

— Кто вы такой? И где Катя? Предупреждаю, без нее я с вами разговаривать не стану!

Он провел рукой ото лба к подбородку, и его лицо преобразилось. Морщины разгладились, и предомной оказался двойник харьковского резидента Виктора Слободенюка, отличающийся от оригинала только черной бородкой. Еще миг — и лицо приняло первоначальный облик.

— А Катя? — Безмолвный ответ на первый вопрос удовлетворил меня, но это было не главное.

Мои ребята плотно обступили нас и, не опуская оружия, ждали продолжения. Вчера, после сеанса связи, я передал им содержание нашего разговора, и они целый день гадали, чего можно ожидать от предстоящей встречи. Во всяком случае, никто пока не собирался хватать его и под пытками выведывать тайну Золотой книги.

— Катя? — переспросил старик. — Ты ведь прекрасно знаешь, что она не может здесь находиться.

— Но вы же обещали! — Во мне стала закипать ярость.

— Зато есть место, где вы можете встретиться. —

★ Старик не обратил на это внимания. — Идемте за мной.

— А Вася? — спросил я.

— Не беспокойтесь за него, — спокойно сказал старик. — Сейчас он закончит свои дела и уйдет через запасной выход. Внизу его ждет катер.

Он повернулся и направился к темной нише за алтарем, ничуть, казалось, не сомневаясь, что мы подчинимся ему. И оказался прав. Какая-то неведомая сила притягивала нас, и все мы, побросав автоматы на пол, последовали за ним. Когда мы зашли за алтарь, из коридора, где оставался Вася, прогремел оглушительный взрыв. Кто-то из напавших на наше укрытие людей напоролся на Васину растяжку, и я очень надеялся, что он успел покинуть к этому времени пещеру...

За два прошедших дня мы добрый десяток раз облазили все помещения подземного монастыря. Я сам неоднократно осматривал большую нишу за алтарем и убедился, что она заканчивается тупиком. Теперь мы шли по ней, а она все тянулась и тянулась, превратившись в длинный коридор. С подобными необъяснимыми явлениями нам приходилось сталкиваться в Центре. А еще в самом начале пути у меня на долю секунды помутилось в глазах и слегка закружилась голова. Точно как при пересечении границы Центра.

Потом впереди забрезжил желтоватый свет, и вскоре мы очутились в большом круглом помещении, обставленном старинной мебелью. Стены в нем до высоты человеческого роста были обшиты панелями из красного дерева, а выше обтянуты китайским шелком с изображениями цветов и драконов.

Источником света служила стоящая на столе стеклянная лампа в форме шара. На широкой деревянной скамье, покрытой пятнистой шкурой какой-то огромной кошки, сидели Катя и очень похожий на нее парень лет двадцати. При нашем появлении они встали и поклонились старику.

— Здравствуйте, маршал! — сказала Катя почтительно и только потом повернулась к нам. — Здравствуйте, ребята!

Я понимал, что давно уже должен держать ее в объятиях, но не мог сдвинуться с места, словно меня внезапно парализовало. Маршалом в Службе называли единственного человека — ее создателя падре Франциска...

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. СЕМЕРО

Никогда прежде встречи семерых не разделял такой короткий промежуток времени. Сегодняшнее собрание было экстренным, созванным по требованию Иеремии, которого поддержал Аббас. Проходила встреча в резиденции американца на юге штата Юта. С хайвея, проложенного совсем рядом с Центром американской Службы, открывался фантастический вид на красные скалы самых невероятных форм. Пейзаж в этом районе больше напоминал марсианский, нежели земной. Но только человек, знавший нужное место и формулу проникновения, мог попасть на ответвление дороги, мощенное камнем того же цвета, что и скалы. Движение на хайвее было не слишком оживленным, и никто не видел, как шесть лимузинов, свернув с дороги в сторону скалы, похожей на средневековую башню, исчезли, будто растворившись в грожащем мареве.

Комната для тайных встреч казалась намного уютней той, которую устроил Лев в Подмосковье. Семеро разместились на мягких диванах, перед каж-

дым из присутствующих стоял маленький столик с напитками. Но, несмотря на внешние удобства, в помещении царил такая наэлектризованная атмосфера, что казалось — произнеси кто-то неосторожное слово, и из потолка ударит молния.

Назначить внеочередную встречу имел право каждый из семерых. Но тем самым он брал на себя ответственность за причиненное коллегам беспокойство и, прежде чем открыть встречу, должен был выложить достаточно важную причину ее созыва. Теперь все присутствующие ждали, что скажут Иеремия и Аббас.

— Господа! — начал Иеремия, сохраняя свой обычный постный вид мормонского проповедника. — Я попросил вас о встрече потому, что нарушен главный принцип нашей организации, без которого невозможна ее нормальная деятельность, — принцип полного доверия друг к другу.

Никто из присутствующих не проронил ни слова, даже не шевельнулся, но напряженность в комнате усилилась, насколько это вообще было возможно. Под потолком проскочили едва заметные голубые всполохи.

— Мне стало известно, что двое из нас втайне от остальных ведут собственную игру, — продолжил Иеремия. — Каждому из них очень хочется получить Золотую книгу в единоличное пользование.

— Это серьезное обвинение! — прогремыхал швед Ингмар. — Очень серьезное, и требует веских доказательств!

— Доказательства будут! — угрюмо произнес Иеремия. — И достаточно веские! Но я не хотел бы вводить дело до настоящего разбирательства, со

следствием и судом. Для нас всех будет лучше, если нарушители правил сами признают свой умысел. Может быть, им даже удастся оправдаться перед нами. Что же, в таком случае я повинюсь перед ними и с радостью приму заслуженную кару.

— Я полностью согласен с почтенным Иеремией! — сказал Аббас, зло сверкнув глазами в сторону израильянина. — И тоже буду рад, если те, на кого пало наше подозрение, смогут опровергнуть его.

— Думаю, что пяти минут на раздумья будет достаточно, — добавил Иеремия.

Пять минут прошли в полной тишине, нарушаемой лишь звуками беспокойного дыхания. Когда они закончились, Иеремия вздохнул и сказал с язвительным сожалением в голосе:

— Тогда, господа, посмотрим маленький фильм.

Он взял со своего столика черный пульт дистанционного управления и нажал на кнопку. На стене напротив него разъехались шторы, открыв огромный экран, не меньше четырех метров в ширину. Еще одно нажатие — и на экране появился сидящий за накрытым столом Лев, снятый через калитку.

— Здравствуй, подполковник! — Без всякого сомнения, это был его голос.

— Простите, но я вас не знаю! — ответил человек, к которому обращался Лев. Он не попал в кадр. — Кроме того, я никакой не подполковник...

— Брось, Кубанский. — Лев улыбнулся. — Ты ведь уже все понял. Набери-ка лучше номер экстренной связи. Давай, не бойся, никто тебя не собирается отлучать от Службы...

Через несколько секунд запиликал сигнал вызова. Лев вытащил трубку и протянул собеседнику.

— Убедился?

— Так точно! — Камера переехала, и на экране появился невидимый до сих пор собеседник. Его лицо было хорошо знакомо всем присутствующим.

— Садись, — снова усмехнулся Лев. — Можешь называть меня Лев Агамович. Или, если хочешь, генерал. И не надо демонстрировать мне армейскую выучку. Я пришел не для того, чтобы тешить самолюбие проявлением верноподданности. У меня совсем другая задача. Вы совершили большую ошибку, когда решили скрыться от Службы. Я назвал бы это преступлением, но есть одно-единственное обстоятельство, которое вас оправдывает. Не хочешь узнать какое?

— Так точно, хочу!

— Сядь! Я не привык повторять дважды. А оправдывает вас лишь то, что, принимая решение, вы находились под чужим влиянием.

— Неужели враг?

— Можно сказать и так! И враг очень непростой. Дезертировавший сотрудник Службы. Он и без того обладал колоссальными знаниями и умениями, а теперь его способности умножены врагом. Он стал невероятно силен. Я знаю, что ты обладаешь редкостной интуицией, но даже у тебя не было ни одного шанса устоять перед ним. Ты и твоя пятерка, вы не ожидали нападения с этой стороны, и дезертир сумел заглушить у вас всех чувство предвидения, а потом на расстоянии внушил вам мысль о преступности руководства Службы и заставил поверить, что ее подсказала вам интуиция. Ты, наверное, спросишь: а для чего это ему нужно? Отвечу. Потому что только ваша пятерка во всей Службе спо-

собна справиться с ним. Не буду объяснять тебе причины столь странного факта, но это так. Надеюсь, ты понимаешь, какая ответственность на тебе лежит?

Его собеседник кивнул, но все присутствующие рассмотрели на его лице недоверчивое выражение.

— Поэтому никуда не уезжайте из города. — Лев, кажется, не заметил этого. — Скоро дезертир сам выйдет на вас. Да, должен предупредить — у него появилось новое качество, которое никогда раньше не встречалось у подобных гибридов. Он может скрывать свой симбиоз с врагом даже от агентов Службы. Вы будете смотреть ему в глаза, и у вас даже мысли не возникнет, что враг овладел душой этого человека. Дезертир обязательно попытается ввести вас в заблуждение, заставить принять свои слова за чистую монету, но вы не обманывайтесь. Как только он откроется перед вами, а он обязательно это сделает, бейте изо всех сил. Работайте на поражение, иначе погибнете сами. Но, прежде чем нанести последний удар, заставьте его ответить: где он спрятал Золотую книгу? Разрешаю использовать любые способы, вплоть до запрещенных, вплоть до применения пыток, но вы должны узнать, где он ее спрятал, и немедленно сообщить это мне.

— Золотая книга... у него? — спросил Кубанский. — Откуда?

— Службе удалось вычислить место, где маршал спрятал реликвию. Но дезертир обманом выкрал ее и пропал. Непонятно только, зачем она ему понадобилась, ведь он был хорошо знаком с текстом. Если, конечно, падре Франциск не пропустил какие-то мес-

та в своем переводе. Но тебе в общем-то знать это не обязательно. Задачу уяснил?

— Уяснил.

— А вот теперь мог бы ответить «так точно!» — холодно улыбнулся генерал и встал со скамьи, давая понять, что разговор закончен.

Иеремия нажал на кнопку, и экран погас. Все присутствующие смотрели на Льва. Он совершенно не изменился в лице и сохранял полное спокойствие. Разве что скулы у него слегка порозовели, но этого вполне хватило для представителей верхушки Службы, не привыкших проявлять свои эмоции, чтобы понять — Лев по-настоящему взбешен. Помолчав немного, он медленно произнес:

— Ну и что? Каких объяснений потребует от меня почтенный Иеремия? Он ухитрился снять мой рядовой разговор с агентом, пусть даже и выполняющим ответственное задание, и теперь старается раздуть из него нарушение принципов Службы! А не является ли непростительным нарушением наших правил сам факт слежки за коллегой, равным ему по положению? Откуда взялся этот видеоматериал? Неужели со спутника снимали?

— Оставьте, Лев! — поморщился китаец. — Только не говорите, что ваши люди не делают то же самое при первом удобном случае! Давайте не будем изображать друг перед другом невинных младенцев. Значит, вы уверяете, что, давая Кубанскому задание найти Золотую книгу, вы вовсе не собирались овладеть ей единолично?

— Конечно! — Лев успокоился, с его скул сошла краснота. — Я вообще не понимаю, как вам могла прийти в голову такая мысль!

— Тогда объясните нам, — спросил китаец, не глядя на Льва, — почему вы скрыли от нас провал расследования, порученного группе Кубанского, и их фактическое дезертирство? И даже зная об этом, вы поручили подполковнику поиски Золотой книги! Как вы прикажете это понимать?

— Никак! — Лев оправился после первого удара, и в голосе у него прорезались высокомерные нотки. — Разве я обязан отчитываться перед кем-то, даже перед вашим высоким собранием, о своих отношениях с агентами?

— Нет, конечно. — Чан понял, что перебрал, и постарался сгладить ситуацию. — Но в нашем случае речь идет о маршале и Золотой книге! Так что дезертирство целой пятерки агентов никак нельзя назвать рядовым случаем.

— Тише, уважаемый Чан! — перебил китайца Арджун. — Не надо упоминать его лишний раз!

Похоже, одно только слово «маршал» внушало присутствующим мистический ужас.

Лев, уверенный, что одержал победу в словесной баталии, высокомерно осмотрел присутствующих, но тут в разговор вмешался Аббас, который все это время порывался что-то сказать:

— Иеремия, попрошу вас продемонстрировать мой ролик. Может быть, этот фильм поможет прояснить ситуацию.

На экране появилась освещенная заходящим солнцем улица. Потом объектив камеры переместился на каменную ограду и стену здания с большой шестиконечной звездой над входом. Около входа стояли двое. Один — совсем молодой, черноволосый

и кудрявый, с характерным носом. Во втором с трудом угадывался Ицхак.

— Что за маскарад? — гулко рассмеялся Ингмар.

— Это наш Ицик соблюдает конспирацию! — издевательски сказал Лев, довольный, что внимание присутствующих отвлеклось от него на Ицхака.

Но когда он услышал, что говорит израильтянин своему собеседнику, ехидная улыбка сползла с его лица.

— Предупреждал меня отец — не связывайся с евреями, — пробормотал он, с ненавистью глядя на Ицхака. — Обязательно нагуют!

— Попрошу без намеков! — Глава израильской Службы подскочил с дивана.

— Какие уж тут намеки! — Лев не отводил от него яростного взгляда. — Решил хапнуть книгу, чтобы потом торговать информацией? Захотел держать всех нас на коротком поводке?

— А сам? — Сейчас в Ицхаке трудно было узнать всегда выдержанного всесильного генерала Службы. — Сам ты чем лучше?

— Господа! — попытался урезонить их Иеремия, который был уже не рад, что заварил такую кашу. — Успокойтесь! Лучше будет, если вы признаете свою вину, и мы продолжим обсуждение главного вопроса! Мы столько лет шли к этому! И теперь вы хотите, чтобы из-за разногласий между нами сорвалось наше общее дело?

— Общее дело? — засмеялся Ицхак. — Не наголицемерить! Как будто я не знаю, что все вы тайком по нескольку раз обшарили все места, где маршал мог спрятать книгу. Только не говорите мне, что вы хотели принести ее в клювике на общее обозрение!

Все остальные тоже вскочили со своих мест. Семеро злобно смотрели друг на друга и были похожи в этот момент не на всесильных властителей мира, а на кучку шпаны, не поделившей между собой добычу с последнего грабежа...

ГЛАВА 1

Солнечная феерия

Я сидел между Катей и Антоном, переводил взгляд с одного родного лица на другое и не мог насмотреться. Кате не пришлось представлять мне сына — я узнал его, как только увидел. В нем ясно угадывались материнские черты, но одновременно, глядя на него, я будто смотрелся в зеркало.

Как только мы вошли в круглый зал и Катя открыла нам тайну нашего провожатого, маршал сказал, обращаясь к моим друзьям:

— Господа, давайте оставим их. Этим людям есть о чем поговорить.

Он оказался не совсем прав. Это было трудно назвать разговором. Куда-то пропали все слова, но нам хватало и взглядов. А те слова, которые мы смогли вспомнить... Посторонний ничего не разобрал бы в наших бессвязных репликах, но мы — мы отлично понимали друг друга практически без слов! И, как ни удивительно, через полчаса такого общения я знал о сыне больше, чем мог бы узнать за целый день обычной, спокойной беседы.

Мой сын оказался незаурядным человеком, уж в этом-то я знал толк, и оставалось только удивляться, почему в свое время он был забракован Службой.

Или, если точнее, будет забракован... Черт, я стал путаться в цифрах и датах! Катя говорила, что Антону исполнилось двадцать два года. В каком же году он родился? Вычислить дату я не мог, потому что не знал ни настоящего возраста его нестареющей матери, ни какой год идет сейчас в их реальном времени. В голове у меня все перепуталось. Получалось, что Антон был зачат в восьмидесятих годах двадцатого века, а родился в конце двадцать первого? Мой бедный разум отказывался переваривать эти чудеса. Когда-то мне приходилось читать о временных парадоксах, но все рассуждения о них казались мне досужими умствованиями, не имеющими никакого отношения к реальной жизни. И напрасно. Вот он, один парадокс, сидит прямо передо мной...

Наверное, Катя услышала, как натужно скрипят мои мозги, и сказала, улыбнувшись:

— Не напрягайся. Чтобы понять все это, нужно потратить много времени, а сейчас у нас его нет. Мы с Антоном не можем задерживаться здесь надолго. Почему — узнаешь позже. Маршал все вам объяснит.

Как она поняла, о чем я думаю? Еще одна тайна... И эту женщину генерал пытался оклеветать?

— Что имеет против тебя генерал Лев? — спросил я, решив не вдаваться в подробности нашего с ним разговора.

— Он просто бесится от бессилия. — Она беспечно махнула рукой. — Потому что я оказалась вне пределов его досягаемости и он не смог через меня воздействовать на тебя. Вот и решил хотя бы гадостей про меня наговорить.

— Ты знаешь, о чем мы с ним разговаривали? — удивился я.

— А ты забыл, кто меня сюда привел? — передразнила она.

— Тогда последний вопрос, — сказал я. — Ты говорила, что Антона не приняли в Службу. Как же он оказался здесь?

— Не приняли! — согласилась она. — Зато его заметил маршал, а это, поверь мне, важнее. А еще он заметил тебя и всю вашу пятерку. Причем с первых ваших шагов в Школе.

— Маршал! — повторил я заворуженно. — Не могу поверить! Ведь ему сейчас должно быть чуть ли не четыреста лет!

— Да, без малого! — подтвердила Катя.

— Но почему...

— Ты все узнаешь. — Она оборвала еще не заданный вопрос. — Прошу тебя, Володя, верь маршалу, это очень важно для всех нас. Антон может подтвердить.

— Да! — Сын немного поколебался, не зная, как меня назвать, и наконец решился: — Да, отец. Если ты ему не поверишь, может рухнуть все наше будущее.

Открылась незаметная дверь, и в комнату вошел падре Франциск.

— Простите, — вежливо сказал он, — но Катерине с Антоном пора возвращаться. У вас осталось не больше трех минут.

Увидел мое вытянувшееся лицо и добавил:

— Не расстраивайся, подполковник, это не последняя ваша встреча.

Не решившись спросить у маршала, чем ограничено наше время, я поцеловал Катю, крепко обнял сына и проследил печальным взглядом, как мои родные исчезают в еще одной открывшейся в стене двери.

— Пойдем скорее, — поторопил маршал. — Энергия на пределе.

Я не понял, что он имел в виду, но не стал мешкать и следом за ним вышел из круглого помещения, вновь почувствовав при этом легкий приступ головокружения. Теперь я окончательно убедился, что эта комната — нечто вроде нашего Центра, только в миниатюре. Место вне времени, служащее убежищем таинственному маршалу.

Несколько шагов по узкому темному проходу, и мы снова оказались в пещере, но совсем не в той, из которой недавно уходили с боем. Эта выглядела обжитым жилищем, со светильниками на стенах и горящим в углу камином, от которого тянуло живым теплом. Вдоль стен тянулся каменный стеллаж, уставленный золотыми изделиями великолепной работы. Тут были вазы, чаши, кубки, статуэтки и множество других предметов тончайшей выделки, украшенные драгоценными камнями. Четверо моих друзей расхаживали вдоль стеллажа, как в музее, любуясь экспонатами. У меня в голове забрезжила смутная мысль, постепенно оформляющаяся в догадку.

— Да, Владимир, ты прав! Мы действительно в Андах, и именно в этой пещере я когда-то нашел Золотую книгу.

Услышав произнесенные маршалом слова, я вздрогнул. Он что, мысли читает?

— Не совсем. — Он положил руку мне на плечо. — Но ты не представляешь, как много всего написано на человеческих лицах!

Мои друзья отвлеклись от разглядывания сокровищ и обступили нас. Маршал посмотрел на них, улыбнулся и сказал:

— Я понимаю, господа, что вы ждете объяснений. К сожалению, сейчас я не могу этим заняться. Я вынужден на два-три дня покинуть вас, потому что меня зовут неотложные дела. А вот когда вернусь, постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Надеюсь, вы не будете скучать в мое отсутствие. Здесь есть на что посмотреть. Пройдите по галерее, и вы увидите еще несколько залов, экспозиция в которых ничуть не хуже, чем в этом. В кладовой имеется запас продуктов и вина. Пусть не разносолы, но сыра, ветчины и сухарей вам хватит. Есть родник с отличной водой. Как сейчас говорят, экологически чистой. С местами для отдыха тоже нет проблем. Если захотите полюбоваться окрестностями, то там, — он показал на один из проходов, — вы найдете что-то вроде смотровой площадки. Очень удобное место, его не видно ни снизу, из долины, ни сверху, с самолетов и вертолетов. Даже со спутника невозможно его засечь. И еще хочу добавить: не пытайтесь искать здесь Золотую книгу. Она хранится в другом месте, куда вы не сможете попасть при всем желании.

Покончив с инструкциями, маршал сказал как-то по-старомодному:

— А теперь, господа, позвольте откланяться!

Склонил в знак прощания голову и, сделав не-

сколько шагов, исчез в незаметном узком проеме. Любопытство погнало меня следом, но через несколько метров проем закончился, и я уткнулся в глухую монолитную стену...

Первым молчание нарушил Мишка.

— И как вам все это? — Его синие глазища выражали такое недоумение, что я не мог сдержать улыбки. — Вы что-нибудь понимаете?

— С тех пор, как мы вышли из Школы, — задумчиво сказал Павел, — я был уверен, что навсегда потерял способность удивляться...

— Значит, сейчас ты удивлен? — спросил Боря.

Мне показалось, что в его голосе прозвучала ирония.

— А то нет? — вступился за друга Миша. — Если это на самом деле маршал...

— Маршал! — твердо сказал я. В Катиных словах я был уверен на все сто процентов. — Можете в этом не сомневаться. Ручаюсь. Это настоящий маршал, и ему на самом деле почти четыреста лет.

Я внимательно посмотрел на них, пытаюсь разобраться по лицам, как они относятся к моему заявлению. В глазах Бори отражалась напряженная работа мысли, будто он решал сложную математическую задачу. Павел еще ничего не решил для себя. На Мишкином лице расплывалась улыбка, говорящая о полном доверии ко мне. А по черным глазам Мити-Мустафы, как всегда, невозможно было понять, о чем он думает.

— Я не слишком удивлен, — наконец высказался Боря, — что маршал прожил так долго. Где сто двадцать лет, там и четыреста. Скорее всего, продолжительность жизни зависит от методики коррекции.

— Так почему тогда нам Служба отмерила всего сто двадцать лет? — искренне возмутился Мишка.

— А ты много знаешь о руководстве? — спросил Павел. — Для генералов — один срок, для штабистов — другой, а для нас, простых оперативников, — и ста двадцати лет хватит. Взять того же нашего генерала, мы ведь не знаем его возраста!

— Не о том говорите! — осадил их Боря. — Ты, Миша, не забывай, что сто двадцать лет — это тоже не семьдесят, будь доволен и этим. А то губу раскатал! Меня другое интересует: почему маршал почти три века скрывается от им же созданной Службы? Почему вступил с ней в противостояние? Можно сказать, в открытую фазу войны? Убийства, погони, перестрелки, прямо как в крутом боевике!

— И непонятно, кто за кого! — подхватил Павел. — Одно ясно — тут замешан враг. В Харькове и я, и Володя ясно чувствовали его присутствие, но все-таки, кто воюет на его стороне? Маршал или наш генерал?

— Генерал уже сказал свое слово, — сказал я. — И слово оказалось лживым. Теперь надо как минимум выслушать маршала. До этого мы можем лишь строить гипотезы. Давайте дождемся его и тогда уж будем решать.

Все согласились со мной, а Боря добавил:

— Не думаю, что нам легко будет сделать выбор. Ты, Володя, недавно сказал, что Служба — это вся наша жизнь. Это правда, но наш генерал здорово подставил нас, мы оказались для него пешками, которых не жалко смахнуть с доски. И насчет маршала он обманул нас. Будто бы он не знал, представляя его нам как дезертира, с кем нам придется иметь дело!

Но и маршалу предстоит найти очень веские аргументы, чтобы мы стали на его сторону. И в первую очередь объяснить, что вокруг нас происходит, во что нас втянули.

Устав от разговоров, мы приступили к осмотру нового убежища. Мишка, имевший привычку на каждом новом месте прежде всего обустраивать тылы, безошибочно вышел на продовольственную кладовую и остался доволен ее содержимым. На стенах висели укутанные холстиной окорока, на полке лежали головки сыра, хлебцы в полиэтиленовой упаковке. Тут же нашлось множество банок с консервированными фруктами и целый мешок картошки. Маршал неплохо подготовился к приему гостей.

Пещера хорошо вентилировалась, и воздух в ней был довольно прохладный. Нагревался он только в зале с камином и в помещении, предназначенном для ночлега. Камин оказался ненастоящим, но поняли мы это далеко не сразу. Желтые языки огня плясали на дровах, давая полную иллюзию настоящего пламени, но декоративные дрова горели, не сгорая, а тепло излучали сами стены камина и его декоративное обрамление, изукрашенное тончайшей резьбой по камню. Потом неугомонный Мишка заинтересовался, откуда в пещере берется электричество, и принялся изучать висевшие на стенах светильники. Тут нас ждал еще один сюрприз. Стекланные шары, испускавшие свет, похожий по спектру на солнечный, оказались совершенно холодными. Не было никаких проводов, они просто висели на вбитых в стену крючьях, никуда не подключенные. Такого мы не видели даже в наполненном чудесами Центре. Технологии далекого прошлого, понял я...

...Потом начался осмотр сокровищ, которыми были битком набиты залы пещеры. Не буду останавливаться на их описании. Возьмись я за это, мне пришлось бы исписать сотни листов бумаги. Скажу только, что стань они известны миру, произвели бы настоящий фурор, и не только в научном сообществе или среди искусствоведов.

Когда от всего этого великолепия у нас стали плыть перед глазами радужные пятна, мы вспомнили, что маршал упоминал какую-то смотровую площадку, и отправились в указанном им направлении. Извилистый коридор с блестящими в лучах фонарей стенами то спускался, то поднимался в гору. Кое-где в подошве были вырублены ступени, без которых спуск и подъем был бы затруднен. В одних местах нам приходилось идти гуськом, потому что расстояние от стены до стены не превышало метра, зато в других могли бы пройти, выстроившись в шеренгу и даже не касаясь плечами соседей. Идти пришлось долго, и Мишка уже стал бурчать, стоит ли глоток наружного воздуха таких усилий. Но через несколько минут он полностью забыл о своих сомнениях.

Мы вышли на закрытую с трех сторон площадку, над которой нависал, выдаваясь далеко вперед, выступ скалы. Кто-то сложил из больших камней парапет, превратив площадку в настоящий смотровой балкон. В Андах только наступало утро, солнце еще не взошло, но света хватало, и с площадки открывалась великолепная панорама. Далеко внизу под нами расстилалась широкая зеленая долина, по которой, извиваясь, текла река. Кое-где к ее берегам прижались скопления домов, а сама долина была изрезана прямоугольниками полей с проложенными между

ними дорогами. Напротив нас, на другой стороне долины, высились высокие остроконечные горы с покрытыми снегом вершинами. Все это было затянуто легкой утренней дымкой.

И тут картина стала стремительно меняться. На востоке, за нашими спинами, поднималось солнце. Снежные шапки, накрывавшие горные пики на другой стороне долины, зарозовели. С минуту они все ярче наливались румянцем и вдруг...

Это был настоящий световой взрыв. Снег на вершинах вспыхнул нестерпимым для глаз пламенем, из которого протянулись к небу сотни, тысячи разноцветных протуберанцев. Извиваясь, они плясали в небе, образуя фантастические узоры самых невероятных расцветок. Их танец был великолепен, и мне даже показалось, что я слышу звуки сопровождающей его божественной музыки.

К сожалению, световая феерия длилась недолго. Солнце поднялось выше, музыка внутри меня смолкла, и гибкие лучи втянулись в белизну снега. Еще несколько минут то здесь, то там вспыхивали на снегу яркие разноцветные пятна, но вскоре кончилось и это. Мы долго молчали, боясь разрушить то праздничное, что поднялось в душе при виде волшебного зрелища.

Когда мы вернулись в пещеру, Митя-Мустафа тихо сказал, глядя не на нас, а куда-то в пространство:

— Наверное, тот, кто не видел этого восхода, никогда не смог бы создать такого! — и обвел рукой стоящие на каменном стеллаже драгоценные изделия...

Исповедь маршала

Маршал не вернулся ни на второй, ни на третий день. Ждать его пришлось целую неделю, и каждое утро мы ходили встречать рассвет, всякий раз замечая новые подробности феерического зрелища. Лишь на восьмой день, вернувшись со смотровой площадки, мы увидели маршала, с утомленным видом сидящего на скамье за столом возле камина. Кивнув в ответ на наши приветствия, он жестом предложил нам сесть. Мы устроились напротив него и приготовились слушать. С минуту он молчал, не сводя с нас оценивающего взгляда, от которого, честно признаюсь, лично у меня душа ушла в пятки. Хотя я с детства не считаю себя робким человеком.

— Я позвал вас к себе потому, — начал он наконец, — что мне нужна ваша помощь. Настал момент, когда мне не обойтись без вас.

Он на секунду замолчал, и этим сразу воспользовался Боря.

— Сначала вы должны многое нам рассказать, — сказал он.

Было видно, что Боря с трудом выдержал взгляд маршала, но нашел в себе силы продолжить.

— И так, чтобы мы поверили, — добавил он через силу, запинаясь и бледнея. — Не забывайте, что мы офицеры Службы и в отставку пока не подавали.

— Все правильно, — кивнул маршал. — Я и не забываю. Ты умный человек, подполковник, быть тебе генералом. Но пока еще ты не дослужился до этого звания, поэтому должен соблюдать субординацию и

не перебивать старшего по званию. И по возрасту тоже. Надеюсь, ты понял меня? Амнон Ховарский...

Ребята удивленно смотрели на бедного Борю. Они-то не знали, что Амнон Ховарский — это псевдоним, под которым Кацнельсон запускал в Сеть свои ученые статьи! Сам он медленно покрывался красными пятнами.

— Не понял... — сказал он сквозь зубы.

— Это я так, — спокойно ответил маршал. — Просто к слову пришлось. Не обращай внимания.

— Теперь понял! — Боря взял себя в руки, но только я видел, каких усилий ему это стоило. — Прошу прощения, маршал, больше не повторится!

Все это время я внимательно наблюдал не только за Борей, но и за падре и видел, что в глазах у него пляшут веселые искорки. Но, готов поклясться, про ожидающее Кацнельсона генеральское звание он сказал совершенно серьезно!

— Я ничего не собираюсь скрывать от вас, — заверил маршал. — Конечно, невозможно за один день описать все, что случилось за три с половиной века, но основные моменты постараюсь передать без искажений. Не так, как это преподносили вам в Школе. Да-да, на уроках по истории Службы вам преподносили сильно урезанный ее вариант. Это еще мягко говоря... Поэтому начну рассказ с того дня, когда я перевел последнюю страницу Золотой книги.

Маршал говорил негромко, но его звучный голос наполнял всю пещеру, и каждое произнесенное им слово навсегда осталось в моей памяти. Я передам лишь основное содержание его рассказа, потому что далеко не все, услышанное нами в тот день, позволе-

но знать непосвященным. Слишком опасны для них эти знания.

...Закрыв последнюю страницу Золотой книги, падре Франциск понял, что со старой жизнью покончено навсегда. Первое, что он сделал, — ушел из редуции в пещеру, где обрел книгу два года назад, и в полном уединении, используя инструкцию из книги, самостоятельно провел над собой обряд, который сейчас называют коррекцией организма. На самом деле это перестройка всех органов, после которой полностью прекращается процесс старения клеток. В принципе, человек может стать практически бессмертным.

На этом месте маршал жестом остановил надвигающийся шквал вопросов и продолжил рассказ.

Да, люди могли бы жить вечно. Но наши далекие предки, владевшие непредставимыми для нас знаниями, никогда не пользовались возможностью бесконечного существования в телесной оболочке. Со временем, кто раньше, кто позже, но все они начинали понимать, что земная жизнь служит лишь преддверием к жизни в единении с Творцом, истинно вечной и счастливой, и с радостью уходили в нее навсегда. Хотя никто не отнимал у них возможности свободного выбора и они могли продолжать земное существование.

Но падре Франциску рано было задумываться о жизни небесной. Слишком многое предстояло ему сделать для исполнения завещания великого Автора. В первую очередь нужно было освоить хотя бы небольшую часть из хранившихся в Золотой книге древних знаний. Так, одна из ее страниц открыла будущему маршалу способ, как, используя пронизы-

вавшие земную поверхность невидимые линии, мгновенно перемещаться на огромные расстояния. Другая — создавать объемы, существующие отдельно от окружающего пространства и текущего времени. Третья — добывать из любого вещества, и даже из пустоты, любые количества энергии. А всего в Золотой книге насчитывалось больше тысячи страниц, на каждой из которых описывались не менее удивительные вещи...

Используя полученные знания, маршал замкнул пещеру во временную складку и спрятал там Золотую книгу, сделав ее недоступной для Службы. Полное ее содержание сохранилось лишь в его ставшей бездонной памяти. Письменный перевод, на который ушло два года, сгорел в костре. Падре понимал, что люди его века вряд ли способны понять и использовать изложенные в книге знания, но рисковать не хотел. Использованные во благо, эти знания могли существенно облегчить человеческую жизнь, но одновременно представляли для нее страшную опасность. Когда-то люди золотого века даже не задумывались над этим, такая проблема просто не вставала перед ними. А потом, когда зло разодрало их мир на куски, задумываться стало поздно.

Теперь такие знания стыдливо называют технологиями двойного назначения.

Как ни горько было маршалу сознавать это, но он вынужден был согласиться с Автором, который предупреждал, что передавать знания людям, не достигшим высочайшего духовного уровня, смертельно опасно. Еще горше было видеть, как этот уровень, вместо того чтобы повышаться в стремлении достичь недостижимого, но оттого притягательного

божественного развития, из года в год неуклонно снижается.

Создав Службу, падре Франциск передал ей сильно урезанный перевод Золотой книги. Даже проверенным соратникам, лучшим людям своего времени, он не решился открыть всю содержащуюся в ней информацию. Он учил их главному — бороться с врагом. Научил создавать надежные укрытия, куда не мог проникнуть никто из посторонних, благодаря чему Служба существует до нынешнего времени. Научил проводить коррекцию, но тут-то и прозвучал первый тревожный сигнал.

Оказалось, что даже лучшие из лучших, самые нравственно чистые люди были далеки от духовного уровня предков, и поэтому большинство новобранцев не могли рассчитывать больше чем на триста лет жизни. Бессмертие каким-то непостижимо сложным образом оказалось связано с состоянием духа. А возможно, по сравнению с современными людьми предки имели совсем другой, заложенный от бога, жизненный ресурс. Обладая недостижимым для других даром предвидения, Орловский заглядывал далеко вперед и не видел среди своих подопечных ни одного кандидата на бессмертие...

За исключением этого, сначала все шло хорошо. В течение короткого времени ему удалось обучить достаточное количество новобранцев и создать Службу, способную не только противостоять врагу, но и, как он надеялся, существенно сократить его присутствие на Земле. Но вскоре Орловский, ставший к этому времени маршалом, стал замечать, что чем успешнее идет борьба, тем чаще, в нарушение первоначальных законов Мироздания, возникают

прорывы из другого измерения, и присутствие темной силы в нашем мире быстро восстанавливается. Хуже того, враг научился проникать в души сотрудников Службы, и, что казалось невероятным, эти существа, по сути переставшие быть людьми, могли долгое время скрывать затаившегося в них врага не только от рядовых офицеров, но даже от самого маршала. Прошло много времени, пока он разобрался, что к чему. А враг выбирал для захвата людей из высшего руководства...

Заглянув в будущее и поняв, что ему не по пути с той организацией, в которую медленно, но верно превращалась созданная им Служба, маршал принял единственное верное решение. К этому времени захваченные врагом генералы стали подозревать, что маршал утаивает от них многие секреты Золотой книги, главным из которых они считали секрет вечной жизни. Где-то он случайно проговорился, и генералами завладела маниакальная идея продлить свою жизнь в бесконечность. Приставив к нему охрану, они фактически превратили маршала в своего пленника. Но ему удалось перехитрить их. Придумав безобидный повод, он сумел войти в пещеру без сопровождающих, тех самых, которых на уроках истории Службы называли соратниками. На самом деле это был отряд охраны, готовый через несколько минут после маршала ворваться в пещеру. Жаждающие бессмертия генералы были уверены, что он прячет там Золотую книгу...

Но конвоиры опоздали. К тому моменту, когда они решились последовать за маршалом, он был уже на другом континенте, а проход к залам с сокровищами оказался так плотно и на таком протяжении

закупорен обвалившейся породой, что генералы до сих пор не придумали способа разобрать завал. Для этого им пришлось бы разнести по камешку огромный горный массив. Но и тогда они ничего бы не нашли...

Долгие годы ушли у маршала на то, чтобы обеспечить себя разбросанными по всем континентам надежными убежищами. Он устраивал их в пещерах и старинных каменоломнях. Восстанавливал из руин старинные здания и прятал их от постороннего взгляда, по тому же принципу, которому он когда-то обучал строителей из Службы. Одновременно он наблюдал за деятельностью генералов, бывших своих учеников, и со временем сделал поразительное открытие. Руководители семи основных отделений Службы, даже войдя в тесный контакт с врагом, не препятствовали подчиненным исполнять их основные обязанности. Больше того, каждый из них лично провел чистку в своем отделении, безжалостно изгоняя врага. Орловский не мог ничего понять, пока не вспомнил слова святых отцов о том, что дьявол стремится к самоуничтожению.

Теперь все стало на свои места, и одновременно все оказалось значительно сложнее, чем он представлял себе раньше. Вышибая врага из Службы, генералы убирали конкурентов, расчищая себе жизненное пространство. Орловский сам подбирал их когда-то, и семеро руководителей были незаурядными личностями с сильной волей. Только не в меру загордившимися, чем и воспользовался враг. Но они сумели сделать то, чего никак не ожидал маршал, — каждый научился контролировать внедрившегося в

его сознание врага и если не доминировать, то, во всяком случае, оставаться с ним на равных.

В других случаях, когда враг овладевал душами обычных, не прошедших коррекцию людей, возникали существа, смысл существования которых заключался в том, чтобы нанести людям как можно больше вреда. В идеале — полностью уничтожить жизнь на Земле, превратив ее в мир, подобный своему. Пустой, темный и холодный. Но недаром люди говорят про бодливую корову, которой бог не дал рогов. Чаще всего зловещая деятельность одержимых ограничивалась сатанистскими плясками и ритуальными убийствами. На большее их не хватало. Но бывало и по-другому. Иногда некоторые из них забирались так высоко, что получали возможность развязывать войны и проливать реки крови.

Однако в случае с генералами Службы все выглядело несколько иначе. Им вовсе не улыбалось превратиться в частичку не осознающей себя нематериальной, но злобной тьмы, без разума, но с бесконечной ненавистью к жизни, теплу и свету. Да, эти люди, бывшие когда-то лучшими представителями своего времени, но не выдержавшие искушения, превратились в безжалостные, злобные, эгоистичные создания. Практически они перестали быть людьми, но уничтожать мир вместе с собой вовсе не спешили. Им нравилась жизнь, нравилась власть, которую они подгребали под себя обеими руками. Они считали себя сверхлюдьми и сбились всемером в стоящую над миром и людьми стаю. Они презирали человечество, которое когда-то поклялись защищать от невидимого врага, а самого врага смертельно боялись и оттого ненавидели. Будучи сами его порожде-

нием, они опасались, что хаос однажды поглотит наш мир заодно с ними, навсегда оборвав их драгоценные жизни, которые были тем единственным святым, что существовало для них. Семеро ненавидели мир не меньше, чем одержимые, но слишком любили себя в нем, чтобы допустить такое развитие событий. Поэтому борьба Службы с врагом продолжалась по всему фронту.

Но в груди каждого из семерых горел яростный, всепожирающий огонь. Им не хватало того, что отобрал у них ненавистный маршал, — вечной жизни. Поэтому семеро не прекращали его поиски с того самого момента, как он скрылся в недрах Анд. Искали, хотя отчаянно боялись. Только найдя маршала, можно было обрести Золотую книгу, и эта надежда пересиливала все страхи...

Орловский не ошибся, определив когда-то срок земной жизни генералов. К нашему времени во главе ничего не подозревавшей Службы стояло уже их третье поколение. Генералы сделали свои посты наследственными и передавали власть своим сыновьям. А вместе с властью к ним переходил обузданный и прирученный враг. Ручной дьявол...

Сейчас Службой командовали внуки тех, первых генералов. Только в китайском отделении все еще сидел Чан, генерал во втором поколении. Маршал часто с горечью вспоминал отца Чана, шустрого парнишку, которого он, подбирая кандидатов в будущую Службу, спас от голода и долгие годы возился с ним, делая из него достойного борца с врагом.

Когда приходил срок, генералы умирали в страшных душевных муках, изо всех сил цепляясь за жизнь, но ни один из них так и не признал своего по-

ражения и не покаялся. Маршал часто задумывался: почему все случилось именно так? Почему светлый замысел обернулся черной действительностью? Ответа он так и не нашел.

Годы шли, но ничего не менялось. Генералов устраивал сложившийся паритет между добром и злом, и они прикладывали все усилия для его поддержания. Офицеры Службы не подозревали о действительном положении и считали выполнение своих обязанностей делом чести. Маршал считал положение, когда Службу возглавляет враг, катастрофическим, но долгое время не видел возможности вмешаться в ход событий и продолжал отслеживать ситуацию. Иногда он заглядывал в будущее, правда эти экскурсии ничего не подсказывали ему. И вот однажды он напряг все силы и заглянул вперед так далеко, как никогда не удавалось раньше. Именно тогда, в семидесятых годах прошлого века, было положено начало истории, которая сейчас, в две тысячи девятом году, привела нас в укрытие в Андах.

ГЛАВА 3

Горькие воспоминания

Мы так увлеклись рассказом маршала, что не заметили, как подкрался вечер. Он предложил перенести беседу на завтра, но мы шумно запротестовали. Он согласился. По его предложению мы принесли из кладовой несколько бутылок вина, окорок, другие закуски, расставили на столе тарелки и приготовились слушать дальше.

— Я вдруг заметил, — маршал поднял налитый

★

стакан, посмотрел через темно-красную жидкость на яркий светильник и сделал маленький глоток, — что поведение генералов изменилось.

Я тоже отхлебнул из своего стакана. Вино оказалось очень приличным. Не такое, как у Семена Полу бояринова, но с оригинальным освежающим вкусом и бесподобным ароматом. Сразу видно, падре знал толк в напитках. Да и немудрено, было время научиться...

— Началось все с вас, — продолжил он. — С вашей пятерки. У меня были свои способы контролировать происходившие в Службе события. Однажды я подслушал разговор семи генералов и понял, что на вас сделана крупная ставка. Они сами признавали, что из вас может получиться нечто большее, чем простые оперативники. Но что — мне только предстояло выяснить. Я копнул чуть в прошлое и узнал, что с вашим зачислением в Школу связано несколько очень неприглядных событий. Такого я не ожидал даже от циничного, привыкшего относиться к людям, как к пыли под ногами, Льва. Приготовьтесь, сейчас я открою секреты, которые вам будет тяжело слушать. Но узнать их вам просто необходимо.

Маршал сделал паузу, глотнул еще вина, тяжело вздохнул и продолжил:

— Вспомните, вашему попаданию в Школу сопутствовали некоторые обстоятельства, иногда трагические. Начну с Бориса. Он слишком любил родителей и никогда не ушел бы из семьи, чтобы оказаться в каком-то секретном учебном заведении. Все, что было связано с секретностью, прочно ассоциировалось в семье Кацнельсонов с ненавистным КГБ. Тем более они были уже готовы к отъезду. Лев решил во-

прос радикальным способом. Конечно, Борис, он не убивал лично твоих родителей. Но у него имелись плотные связи с чинами из МВД, и ему ничего не стоило вывести из-под тяжелой статьи нескольких уголовников. В обмен на это они согласились вырезать еврейскую семью. Как им сказали, расхитителей народного добра, изменников, решивших продать Родину и уехать во вражеский Израиль...

Я впервые видел Борю таким. По его лицу разлилась мертвенная бледность, и только на скулах пылали пунцовые пятна, так крепко он сжал зубы. Но он не произнес ни слова и, кажется, даже не дышал.

— Перейдем к Мустафе, — безжалостно продолжил маршал, вперив в Митю пронизывающий взгляд. — Вспомни свою мать. Отпустила бы она тебя куда-то?

Митя-Мустафа нерешительно покачал головой.

— Я тоже так думаю, — кивнул маршал. — Она любила тебя, своего единственного сына, и имела на тебя большое влияние. Но для Льва это не имело ровным счетом никакого значения. Надо ли объяснять, что врач, которого обвинили в ее смерти, был не виноват? Что он действовал, повинаясь внушению, которому не мог противиться?

Митя стал такого же цвета, как и Боря. А маршал не унимался.

— Теперь Павел. Ты хорошо помнишь, что предшествовало твоему поступлению в Школу?

— Еще бы! — мрачно ответил Павел. — Разве такое забудешь?

...Далеко не сразу, где-то уже на втором году обучения, Павел нехотя рассказал нам свою историю. Он был одним из лучших молодых офицеров танко-

вой дивизии. Уже через два года после училища его досрочно повысили в звании и дали в подчинение роту, которую он за полгода вывел в отличные. Даже при отсутствии высокопоставленных покровителей все предсказывали Павлу блестящую военную карьеру. Но однажды в его полку появился новый командир, и все пошло наперекосяк. У подполковника была, как говорят, волосатая лапа в штабе округа, и он позволял себе такое, чего никогда не простили бы другим офицерам. Павел не стал описывать нам все его художества, но, даже судя по отдельным замечаниям, командир полка был тот еще самодур.

Каким-то образом подполковнику удалось пристроить в полк, себе под крыло, своего племянника, когда тому подошло время служить в армии. Всего через четыре месяца, в нарушение всех правил, тот стал сержантом и заместителем командира взвода. На беду Павла, это был взвод его роты. Парнишка оказался достойным племянником своего дяди. Вел себя развязно, хамил офицерам, и все сходило ему с рук. Однажды Павел на построении роты увидел, что тот стоит на правом фланге взвода с расстегнутой на две пуговицы гимнастеркой и спущенным до самой мошонки ремнем.

— Застегнитесь, сержант! — приказал Павел, проходя вдоль строя. — И подтяните ремень!

— Так ведь не сходится! — с ухмылочкой сказал племянник, делая вид, что не может застегнуть крючок на цыплячьей шее.

Павел, пряча вспыхнувшую ярость, тихо повторил:

— Застегнитесь!

Сержант бросил на него презрительный взгляд и пробормотал вполголоса:

— Да пошел ты!

Будь «племянничек» рядовым, то драить бы ему целый месяц туалеты в казарме. Но поступать так с сержантом Павел не имел права. Он сделал все строго по уставу. Распустив роту, оставил только сержантов и старшин, объявил перед их строем зарвавшегося замкомвзвода трое суток ареста, и того сразу препроводили на гауптвахту.

Командир полка узнал об аресте племянника завтра, как только появился в штабе, — доложили услужливые доброхоты. На утреннем разводе полка он подошел к Павлу и, не стесняясь ни солдат, ни офицеров, сказал ему презрительно:

— Ты что творишь, молокосос? Ты хоть понимаешь, на кого катишь?

Павел молчал, но не опускал взгляда.

— Значит, так, — продолжил подполковник, принимая молчание командира роты за испуг. — Сейчас ты лично — понял меня? — лично бежишь на гауптвахту и приводишь сержанта ко мне. Ты понял меня, мудак? Бегом — марш!

Но Павел не только никуда не побежал, но и, оставшись на месте, спокойно, скрывая охватившее его бешенство, ответил:

— Никак нет, товарищ подполковник! Я действовал по уставу и отменять взыскание не намерен. Сержант нарушил дисциплину и наказан по заслугам.

— Что? — Подполковник не поверил своим ушам. — Ты? Мне? Какое-то говно...

Он подошел вплотную к Павлу и цепко схватил

его за лацканы кителя. Но где ему было тягаться с Павлом, который легко клал на стол руки всех офицеров полка!

— Я не говно! — прошептал Паша командиру. — Попрошу извиниться!

Взяв подполковника за руки, он оторвал их от своего кителя и слегка оттолкнул его от себя. Командир полка споткнулся о мелкую выбоину в асфальте, не удержался на ногах и упал. На беду, ночью прошел дождь, и на плацу, где происходил развод, еще не высохли лужи, в одну из которых и угодил на глазах всего полка лощеный подполковник...

...Если бы не куча свидетелей, командиру полка, возможно, удалось бы довести дело об оскорблении действием старшего офицера до суда. Но позор командира видел весь полк, и его высокие покровители не решились на крайние меры. Павел остался в армии, хотя по одной звездочке с его погон все-таки сняли. Но хуже было то, что оба продолжали служить в одном полку. Хорошо, хоть племянника перевели писарем в штаб, и больше Павел с ним не сталкивался. Зато подполковник устроил разжалованному в лейтенанта командиру роты веселую жизнь, доводя его мелочными придирками до белого каления. В итоге через два месяца Паша набил ему морду и, получив волчий билет, навсегда расстался с армией. Потеряв при этом не только веру в справедливость, но и жизненную цель — ведь армия была для него всем.

Я вспомнил эту историю и с удивлением посмотрел на маршала. Откуда он все про нас знает?

— Конечно, тот подполковник был дрянным человеком, — не унимался падре. — Но руководил его

действиями опять же генерал Лев. Твой командир действовал под его внушением. А вот то, что ты не выдержал удара и стал заглядывать в бутылку, — только твоя вина. Генерал не имел к этому отношения.

В отличие от Бори и Мити, лицо Павла залила красная краска.

— А я? — напомнил я о себе. — Мне генерал тоже устроил какую-то каверзу?

— С тобой дело обстоит не так трагически, — улыбнулся маршал. — Но все равно подло.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Тебя просто целенаправленно завалили при поступлении в институт, чтобы ты оказался в армии. Поняв твой характер, Лев был уверен, что оттуда ты сбежишь не то что в Школу, но и к черту на рога. И оказался прав.

Я смущенно опустил голову, а Мишка закашлял в кулак, привлекая к себе внимание.

— А с тобой, Михаил, — маршал повернулся к нему, — все было совсем просто. Хлебнув жизни в детском доме, ты был счастлив оказаться от него подальше.

— И на все это генерал пошел, чтобы заполучить нас, — едва слышно спросил Боря. — Но почему?

— Потому что все вы были ему позарез нужны. Поисками подходящих кандидатур он занимался больше двадцати лет, искать других у него не было ни времени, ни желания. Отобрав вас, он опрокидывал любые препятствия, не обращая внимания на такие мелочи, как жизнь ваших близких.

— Но почему? — снова спросил, почти простонал Боря.

— С единственной целью — создать из вас подразделение, способное справиться со мной и отобрать у меня Золотую книгу.

— Значит, мы достигли такого уровня, что можем справиться с самим маршалом? И вы настолько доверяете нам, что говорите это, не опасаясь...

— Опасения всегда остаются, — прервал меня маршал. — Спокоен я лишь потому, что знаю: Лев не достиг своей цели. Он был уверен, что Петр Станиславович Радзивилл, ваш командир, которого он обработал соответствующим образом, сможет сделать из вас нерассуждающих исполнителей генеральских приказов. Непобедимых, хорошо выдрессированных цепных псов. Но вы оказались ему не по зубам. Слишком самостоятельные и упрямые. А кроме того, он не догадывался, что Радзивилл давно находится под моим влиянием. Я неплохо изучил всю вашу пятерку и надеюсь, что вы сейчас не наброситесь на меня и не приставите нож к горлу, требуя отдать Золотую книгу.

— Но, если мы так уж нужны вам, — спросил Боря, — почему бы вам просто не подчинить нас своей воле, используя внушение? Как, например, Радзивилла. Ведь вы проделали с ним именно это?

— Есть целый ряд обстоятельств, — ответил маршал, нахмурясь, — почему вы должны действовать, подчиняясь лишь собственной воле и совести. А еще... ну что же, признаюсь — вы достигли того уровня, когда не очень подчинитесь постороннему внушению!

Мы переглянулись — все-таки слышать такое о себе довольно приятно.

— А дальше? — спросил Мишка. — Что будет дальше? И что значит вся эта харьковская история?

— Давайте продолжим завтра, — предложил маршал. — Уже полночь, а я устал за последние дни, и мне надо отдохнуть. Не забывайте о моем почтенном возрасте.

Он посмотрел на нас, и я заметил в его глазах лукавые искорки.

ГЛАВА 4

Змеиный клубок

Я почти не спал этой ночью и слышал, как тяжело дышал и всхлипывал во сне Мустафа Рахимов, как несколько раз вставал и куда-то выходил Боря Кацнельсон, как ворочался Павел. Только Мишка спокойно спал, слегка посвистывая носом.

К шести часам утра я окончательно понял, что вымучить сон не получится, встал и отправился к роднику умываться. За мной потянулись все остальные. Освежившись, мы вернулись в зал, где вчера расстались с маршалом, и застали его на том же месте. Даже в той же позе, будто никуда не уходил со вчерашнего дня, а просидел всю ночь, подперев голову кулаком. При виде нас он улыбнулся, прогнав с лица озабоченное выражение.

— Даже рассветом не пошли любоваться?

— Вы вчера столько всякого наговорили, — ответил Мишка, самый непосредственный среди нас, — что нам стало как-то не до рассветов. Всю жизнь, оказывается, не так прожили! Надо же узнать, что к чему.

— Не обвиняйте себя понапрасну! — возразил маршал. — Вы прожили достойную жизнь и честно делали свое дело. Не ваша вина, что ваш генерал оказался подлецом. Но сейчас пришло время, когда вам придется выбирать. Хотите вы этого или нет...

Он повернулся так, что на его лицо попал свет от висевшей на стене лампы, и я вздрогнул. Ко мне вдруг с отчетливой ясностью пришло понимание, что этот человек в самом деле прожил на свете почти четыре века. Какие проблемы пришлось ему решать за невообразимо долгую жизнь, какой груз лежит сейчас на его плечах? Наверное, я никогда не смогу даже представить этого...

— Садитесь, — произнес маршал. — Пора завтракать, заодно и продолжим.

Мы нарезали ветчины, открыли банки с консервированными компотами и приготовились слушать. Вина с утра не хотелось.

— Однажды я нашел способ незаметно проникать в помещения, где собирались генералы, — буднично продолжил маршал, как будто мы не расставались на ночь. — В Золотой книге об этом способе ничего не сказано. Скорее всего, ее Автору даже не приходило в голову, что его наследнику придется когда-нибудь тайно следить за своими же соратниками. Поэтому пришлось изобретать его самому. Зато теперь я знаю многое об их дьявольских планах. То, что Лев готовил вашу пятерку для моего уничтожения, — еще не все. С некоторых пор генералами овладела мысль, что людей на планете стало слишком много, и пора проредить их поголовье. Эти их слова я слышал собственными ушами. Возможно, уменьшив население, они намеревались открыто прийти к вла-

сти. Может быть, придумали что-то другое. Точно не знаю, потому что вслух об этом они никогда не заговаривали. Еще в середине прошлого века они стали перебирать способ за способом в надежде провести избивание (сами они называли это сокращением популяции) чисто и аккуратно. И отвергали их один за другим. Генералов не устраивало ни ядерное оружие, ни химическое, ни бактериологическое. Любое из них было слишком грязным и представляло опасность для них самих. А им хотелось заполучить средство, способное уничтожать людей избирательно, по указанным ими признакам. Надежда на успех появилась у них с развитием нанотехнологий...

— Вот оно! — понял я. — Боря был совершенно прав, догадавшись, что с этими нанотехнологиями что-то нечисто!

— Совершенно верно! — кивнул маршал. Опять читает мысли! — Трудно найти какую-нибудь отрасль знаний, даже самую гуманную, которая не может быть применена для уничтожения жизни. Так вышло и с исследованиями покойного Назарова. Он на самом деле создал средство от рака, а генералам и политикам удалось превратить его в средство массового уничтожения. Сначала ученый ни о чем не догадывался, но потом узнал, что другие специалисты разрабатывают для созданных им нанороботов совсем другие программы. В частности, направленные на внесение в женскую яйцеклетку необратимых изменений, после чего женщина навсегда теряет способность рожать. Поняв, что к чему, Назаров ужаснулся и отправился проконсультироваться к профессору Нечипоренко, видному специалисту по

репродукции человека и передаче наследственных качеств. Но не доехал.

— Кто же все-таки его убил?

— Организовал все генерал Лев, — пояснил маршал. — С помощью службы безопасности «Нано-Рус». Назаров сделал свое дело, и надобность в его услугах отпала.

— Я же говорил, что без «Нано-Рус» не обошлось! — довольно вставил Мишка.

— Зачем же он послал меня расследовать это дело? — удивился я.

— Чтобы пустить пыль в глаза остальным генералам, — объяснил падре. — Отправив в Харьков одного из лучших своих офицеров, он тем самым показывал, какое значение придает всей этой истории.

Я сделал вид, будто что-то понял, и задал следующий вопрос:

— А кто и зачем застрелил Нечипоренко?

— Человек генерала Ицхака. Честный, но недалекий офицер Службы, убежденный, что уничтожает захваченного врагом злодея. И хорошо тренированный, раз смог справиться с Мустафой...

— Это от неожиданности так вышло, — попытался оправдаться Митя. — Откуда я мог знать, что он из Службы?

— Выполняя задание, офицер Службы обязан предусматривать все! — наставительно сказал маршал.

— Но с какого боку здесь генерал Голдмейер? — удивился Боря. — Вы ведь имеете в виду его?

— Да, это был он. Ицхак Голдмейер, с которым ты познакомился в Евпатории. И ваш захват украинской службой безопасности организовал тоже он.

Вы тогда почувствовали врага, но увидеть его не смогли. Поняв, что засветился, Ицхак прикрылся, исчез, так сказать, с экранов ваших радаров. Я уже говорил вам, что генералы умеют это делать.

— Но зачем? Для чего все это было ему нужно?

— Знаешь, Борис, — задумчиво произнес маршал, — казалось бы, у меня достаточно информации, чтобы сложилась ясная картина, но — увы... Помнишь, ты как-то выдвинул версию, что более-менее реальная картина складывается, только если допустить в этом деле противостояние нескольких враждебных друг другу сил? Так вот, ты был прав. Генералы, улыбаясь друг другу в лицо, на самом деле сплелись в невидимой схватке, стараясь сожрать друг друга. Даже я, при всем своем опыте, не могу до конца разобраться в этом клубке ненависти и интриг. Например, нападение на квартиру харьковского резидента организовал шеф американской Службы Иеремия. В его интересах было прекратить или хотя бы притормозить расследование убийства доктора Назарова, потому что одна из его лабораторий, разрабатывавшая сходную тематику, была близка к успеху. А твой захват, Владимир, был подготовлен генералом Аббасом. Незадолго до убийства Назарова он просчитал вероятности — в этом он большой мастер — и, наняв краснодарских бандитов, вооружив и снабдив спецсредствами, организовал твое похищение. Он и на самом деле собирался, вытащив всю информацию, убить тебя.

— Я понял это еще тогда, — мрачно сказал я. — Значит, своим спасением я обязан вам... Скажите, а зачем вы сопровождали меня до самого Центра?

И проникли туда вместе со мной? Только потому, что не знали пароля?

— Ошибаешься. Для меня нет в Службе таких мест, куда бы я не мог проникнуть. И пароль для этого мне не нужен. Просто я хотел, чтобы ты добрался до Центра живым, а без меня у тебя было мало шансов. За тобой охотились люди всех Служб мира... Кроме того, я знал, что в Центре тебя ждет Катерина, а мне позарез нужно было увидеться с ней.

— Катя, — прошептал я, вдруг вспомнив все, о чем мы говорили во время нашей последней встречи в Центре. То, о чем я потом начисто забыл, но все равно исполнил до мелочей. Разговор тогда шел о моей встрече с сыном.

— Да, — улыбнулся маршал какой-то очень доброй улыбкой. — Катерина сотрудничает со мной давно. Практически с того дня, как прошла коррекцию.

Я постарался спрятать охватившее меня при упоминании Кати чувство нежности и спросил:

— Но почему генералы вдруг воспылали ко мне такой ненавистью, что решили уничтожить? Ведь мы еще не выполнили своего предназначения — не ликвидировали вас и не добыли для них Золотую книгу.

— Все просто! — ответил маршал. — Они поняли, что Лев в случае успеха не собирается ничем с ними делиться, и приняли свои меры. Каждый из них создал при себе пятерку нерассуждающих, абсолютно уверенных в правоте начальства офицеров, готовых беспрекословно исполнить любой приказ, и каждый надеется заполучить Золотую книгу в единоличное владение.

— Вы еще говорили о нанороботах, способных сделать женщину бесплодной, — напомнил Боря.

— Да, — сказал маршал. — Льву не удалось скрыть от остальных разработки Назарова, и теперь любой из них способен совершенно бескровно сократить население планеты на столько миллиардов, на сколько посчитает нужным. Для них не составит труда внести нужные ингредиенты в препараты, которыми пользуются миллиарды женщин. Сделать это можно еще на стадии фармакологического производства. Потом останется только нажать кнопку, чтобы запустить нужную программу, и на свет не появится целое поколение. Но в своей ненависти к людям и друг к другу генералы пошли еще дальше. Мне стало известно, что Иеремия требует от своих специалистов создать наноробота, способного по ДНК отличать китайских женщин и делать бесплодными именно их. По сути, создать этническое оружие. Этим он собирается выбить почву из-под ног набирающего все большую силу генерала Чана. То же самое генерал Лев намерен проделать с еврейскими женщинами. По другим генералам у меня пока нет таких данных, но, уверен, они тоже не сидят сложа руки.

— Ничего себе! — округлив глаза, воскликнул Мишка.

Остальные молчали. Посмотрев на них, я увидел, что все безоговорочно поверили словам маршала. А он завершил рассказ словами:

— Теперь вы поняли, для чего я собрал вас?

— Так точно! — по-военному ответил я за всех. — Но что мы можем сделать?

— А вот это мы сейчас и обсудим, — улыбнулся маршал и разлил по стаканам вино.

Львиная охота

Остаток этого дня и три последующих мы провели в тренировках. Маршал отвел нас в большой и пустой зал, который мы, обследуя пещеру, почему-то миновали, не заметив. Каменные стены местами были закопчены, а кое-где даже оплавлены под воздействием огромной температуры. Ровная и гладкая подошва зала была покрыта толстыми матами, плетеными из тростника, и он походил на помещение для схваток единоборцев. Впрочем, так оно и оказалось. Маршал усадил нас на камни вдоль стены и, расхаживая перед нами, начал:

— Когда-то у наших предков был широко развит спорт, особенно его соревновательные дисциплины. В том числе и спортивные единоборства. Но совсем не те, которые сейчас так развиты в нашем мире. Даже бесконтактная борьба, которой вас обучали в Школе, лишь жалкий отголосок древнего спорта. Тогда для победы доставало одной лишь физической силы и ловкости. Нужно было еще и особое состояние духа. Маленький, тщедушный спортсмен мог одержать победу над отлично тренированным великаном. Для этого надо научиться черпать разлитую вокруг нас энергию и правильно использовать ее.

В отличие от современного спорта, наши предки на соревнованиях никогда не травмировали соперников. Главное было одержать победу на уровне духа, а физически лишь обозначить ее. Даже случайное нанесение противнику вреда считалось величайшим позором, и такого практически никогда не случалось.

Так продолжалось, пока в мир не проник враг и не началась война всех со всеми. Отчаявшиеся люди вспомнили про спортивные единоборства и превратили их в универсальное средство уничтожения. Достаточно было овладеть определенным набором приемов, извлечь из окружающего пространства и накопить внутри себя достаточное количество энергии, и человек превращался в смертельное оружие.

Мне очень не хотелось бы воскрешать и вносить в наш мир ту страшную систему борьбы. Но придется, потому что иначе вы не сможете справиться с генералами. Чтобы вы имели представление, что это такое, сейчас я кое-что продемонстрирую.

Маршал вытянул руку, и вдруг с его ладони сорвался ослепительный вихрь пламени. Камень на стене, куда попал огонь, раскалился добела и поплыл густыми потеками, будто воск с горящей свечи. В лицо пахнуло таким жаром, что я закрылся ладонями.

— Я объясню вам, как это делается, — сказал он, глядя на нас. — Конечно, освоить этот прием вы не успеете, у вас не хватит на это времени. Я просто продемонстрировал вам, на что были способны древние бойцы. Но кое-чему я вас все-таки научу. Итак, господа, приступим...

Убежище в горах Южной Америки мы покинули через три дня. Из пещеры уходили через узкий проем, тот самый, который недавно заканчивался тупиком. Теперь монолитная стена снова исчезла, и мы оказались в прямом, как стрела, узком коридоре. Мы уже знали, что маршал открыл проход вдоль одной из силовых линий, которые во множестве пронизывали земную поверхность. На мой вопрос, сможем

ли мы когда-нибудь научиться делать это самостоятельно, он коротко ответил:

— Когда-нибудь — да. Но не сейчас. Этому надо долго учиться. Прочитать и понять Золотую книгу.

Силовых линий было достаточно, чтобы попасть по ним практически в любую точку планеты. Единственный недостаток такого способа перемещения — выходы из пространственных туннелей нужно устраивать в тех местах, где исключалось присутствие посторонних свидетелей. Представьте себе — вдруг прямо из воздуха, как чертик из коробочки, появляется человек. Или даже шестеро, как сейчас. Поэтому маршал пользовался истоптанными тропами, в конце которых он давно обустроил безопасные выходы. В Москве и Подмоскowie у него было несколько таких мест.

Перемещение сквозь пространство стало входить у меня в привычку. Мгновенное головокружение, сотня шагов по коридору, свет впереди, и мы вышли в маленькое, примерно три на три метра, бревенчатое помещение, свет в которое попадал через щели между бревнами. Я не сразу обернулся назад, а когда сделал это, увидел — чудеса продолжаются. Вместо прохода, через который мы вошли сюда, за спиной оказались нетронутые старые бревна...

Маршал по очереди приник к щелям во всех четырех стенах и облегченно сказал:

— Можно идти!

Пройдя через сделанную из неошкуренных березовых жердей дверь, подвешенную вместо петель на двух кусках толстой прорезиненной ткани, мы оказались в сосновом лесу. Сосны тут росли корабельные — высоченные и прямые, как свечи. Строение,

из которого мы вышли, оказалось то ли сараем, то ли лабазом — сложенный из бревен и крытый жердями домик без окон. Пройдя еще несколько метров, я снова обернулся и увидел вместо него покрытый травой холм...

С полчаса мы шли за маршалом, ступая по устилавшему землю под деревьями коври из желтой сосновой хвои, пока не вышли на ухабистую лесную дорогу. Там нас дожидалась пассажирская «Газель» с неразговорчивым водителем за рулем, которого маршал представил своим помощником Федором. Я ничуть не удивился присутствию постороннего человека. Маршал рассказал нам, что он нередко пользуется услугами не имеющих отношения к Службе надежных людей, которым абсолютно доверяет. Например, убежище в Андах обеспечивали продуктами и всем необходимым жители лежащей в долине деревни. В Крыму на него уже десять лет работал Вася Полубояринов. Были и другие помощники. Разумеется, маршал не оставался перед ними в долгу. Рассчитывался он не только деньгами. При случае он не отказывал помощникам в медицинской помощи, избавляя их от болезней, часто неизлечимых. А Васе помогал оружием.

Проковыляв какое-то время по ямам, ухабам и кажущимся непролазными лужам, наш автобус свернул сначала на более-менее приличный грунтовый проселок, потом на узкую асфальтированную дорогу и наконец выехал на трассу, в которой я по указателям узнал Ярославское шоссе.

Еще километров пятнадцать, и мы въехали в Сергиев Посад, без остановки миновали центр, оставив с левой стороны Лавру. На выезде из города свернули

налево и вскоре въехали через поднятый шлагбаум на территорию большого дачного массива. Попетляв по узким улочкам, остановились около высокого забора с широкими воротами и маленькой калиткой.

Пройдя следом за маршалом, мы оказались на обширном участке, посреди которого стоял приличных размеров двухэтажный деревянный дом. Не коттедж, а именно дом, построенный в старом дачном стиле, обшитый потемневшими досками, с застекленной верандой и большими окнами. Пока мы осматривались, Федор открыл ворота, загнал автобус под навес в углу двора, коротко попрощался с маршалом и ушел.

По привычке проводить рекогносцировку на каждом новом месте мы обошли участок. Спереди и слева от входа он был огорожен забором высотой не меньше трех метров, а с тыла и справа оградой служили высокие кусты, такие густые, что через них не смогла бы прорваться и кошка. С тыльной стороны кусты прорезала тропинка, пройдя по которой я оказался на берегу узкого чистого ручья. Оба его берега были покрыты непроходимыми зарослями.

За забором и кустами не было видно соседних строений. Похоже, заросли задерживали и звуки, и на участке царила полная тишина, нарушаемая лишь щебетом сновавших в листве птиц. Я прислушался к своим ощущениям и определил, что мы попали в безопасное место. Во всяком случае, в ближайшие два-три дня нам ничего не грозило. Если, конечно, мы сами не займемся поисками приключений.

Маршал позвал нас в дом. Тут чувствовалась хозяйская рука. Идеальная чистота, нигде ни пылинки, никаких излишеств в обстановке, но мебель прак-

тичная и удобная. На двух этажах — пять жилых комнат и шесть спальных мест. Судя по архитектуре и планировке, дом был построен в пятидесятых годах прошлого века, но я не увидел признаков ветхости. Сразу видно, за домом хорошо следили и вовремя ремонтировали.

— Это бывшая дача секретаря горкома партии, — уловил маршал мою мысль. — Я купил ее пять лет назад и оформил на имя Федора. Он с семьей следит за ней, а когда появляюсь я — уступает мне место.

— А вы не боитесь, что он когда-нибудь привыкнет к собственности, его обуяет жадность, и...

— Исключено! — Он не дал мне договорить.

— Ладно, — упрямо не сдавался я. — Пусть ему самому это не придет в голову. Но у Федора есть жена, дети. Однажды они начнут пилить его, скажут — надоел этот наглец, гони его вон! В жизни бывает всякое...

— Конечно, никогда нельзя исключать худший вариант, — флегматично ответил маршал. — Но, во-первых, со мной это не пройдет, а во-вторых, сегодня вечером Федор с семьей улетают на Кипр. Двухнедельная путевка и билеты уже у него в кармане. А за две недели, я надеюсь, мы справимся с московскими делами.

Обойдя дом, мы собрались на большой светлой веранде, служившей летней столовой. Маршал уже ждал нас. Протянув мне черную «Нокia»-раскладушку, он сказал:

— Я на разведку. На связь выходите в случае крайней необходимости и только с этого телефона. Тут в памяти всего один номер, мой, другие набирать

даже не пытайтесь, не получится. Впрочем, зачем я вам это говорю, вы ведь офицеры и все понимаете сами... На чердаке есть наблюдательный пункт, с которого хорошо просматриваются окрестности. Нужно организовать круглосуточное наблюдение. Вопросы есть?

— Есть! — ответил я. — Почему вы отправляетесь на разведку в одиночку? Не до конца доверяете нам? Ведь бывают ситуации, когда без помощи не обойтись!

— Справлюсь, — усмехнулся маршал. — Я давным-давно действую в одиночку и как-то справляюсь. Не одну сотню лет.

Мне нечего было на это ответить.

— А вам лучше не высовываться из дома даже за калитку, — добавил он. — Лев объявил вас дезертирами и предателями, и теперь вы в розыске.

— И ему поверили? — спросил я, похолодев. Не от страха. Было больно и невозможно представить, что боевые товарищи, с которыми приходилось проворачивать сложнейшие операции, могли вот так взять и поверить в наше предательство.

— Может быть, не все. — Маршал понял меня и постарался успокоить. — Но ищут вас активно. Конечно, агенты Службы не смогут прочесать все дачные поселки, да у них и нет основания это делать. Но они подключили к поискам милицию, и сейчас у каждого участкового есть ваши фотографии. Вы значитесь опасными преступниками, скрывающимися от правосудия. Надеюсь, с милицией вы справитесь легко, но все равно не теряйте бдительность. И вот еще что: вам лучше прямо сейчас изменить внеш-

ность, чтобы не терять на это время, если придется срочно уходить.

Маршал сел в «Газель» и выехал со двора, а я поднялся на чердак. Там, как и в доме, было на удивление чисто. Как только мы вошли во двор, я сразу приметил на доме надстройку непонятного назначения — возвышающийся на метр над коньком крыши застекленный шестиугольный выступ, похожий на граненый стакан. Под ним на чердаке был устроен помост с крутящимся стулом. Дом стоял на пригорке, и с этого наблюдательного пункта открывался отличный вид практически на весь поселок. Первым на пост заступил Митя-Мустафа.

ГЛАВА 6

Львиная охота (продолжение)

Маршал вернулся к вечеру. К его приезду мы все изменили внешность, и падре некоторое время путался, не зная, как кого называть. Я, например, превратился в блондина с неприметным лицом. Нос картошкой, уши-лопухи, невыразительные бледно-серые глаза... Конечно, цвет глаз не поддается изменению, но тут пошли в ход контактные линзы.

Маршал вытащил из машины пять огромных полиэтиленовых пакетов с надписями на английском языке.

— Переодевайтесь! — сказал он. — А то вид у вас, прямо скажем...

Вид у нас был действительно не очень. Приключения последних дней, заключение в тюрьме, бой,

беготня по пещерам, тренировки — все это не способствовало сохранности одежды. Маршал вручил каждому из нас по пакету. Мне достался отличный джинсовый костюм, не китайский, а фирменный, и несколько разноцветных футболок. Одежда на мне, как и на других, сидела как влитая. У маршала оказался глаз-алмаз.

— Пойдет на первое время, — осмотрев нас, довольно сказал он. — А теперь садитесь, будем совещаться.

Совещание совместили с обедом, который приготовил к этому времени Павел. Готовил он великолепно и, главное, любил это занятие, поэтому мы единодушно доверили ему кухню, освободив от дежурства на чердаке.

— Ничего утешительного сказать не могу. — Маршал ответил на наш молчаливый вопрос, с удовольствием отправив в рот ложку огненного борща. — Лев не высовывает носа из Центра. Взять его там вы не сможете, вас просто сметут.

Я удивленно посмотрел на него. Почему — «вы», «вас»? У нас не заходило разговора о том, что брат генерала Льва мы будем впятером, но похоже, маршал не собирался лично участвовать в операции. Или за долгие годы он настолько полюбил жизнь, что не допускает для себя даже минимального риска?

Маршал бросил на меня быстрый, но внимательный взгляд и добавил:

— По некоторым причинам я не могу лично принимать участие в операции, но вовсе не потому, что не хочу подвергать свою жизнь опасности. Почему, узнаете позже.

Я почувствовал, что краснею, но маршал пощадил меня и ничего не сказал.

— Неужели придется откладывать дело? — тревожно спросил Боря, превратившийся из еврея в узбека средних лет, загорелого и круглолицего. Как же ему не терпелось встретиться с организатором убийства своих родителей!

— А я и не говорил, что мы справимся за день-другой! — строго посмотрел на него маршал. — Имейте терпение! Завтра съезжу опять, прощупаю еще один вариант.

— Какой? — любопытствовал Мишка.

— Вот завтра и узнаете.

Мишка отправился на чердак менять на посту Митю-Мустафу. Спустившись, тот доложил, что за время дежурства не заметил ничего подозрительного, кроме того, что по улице два раза прошел милиционер в капитанских погонах.

— Это местный участковый, — успокоил маршал. — У наших соседей дочка — красавица, вот он и захаживает к ним по поводу и без повода.

Мое дежурство начиналось с полуночи. Ровно в двенадцать часов в дачном поселке погасло уличное освещение, но у запасливого Федора в кладовке отыскался прибор ночного видения с двумя аккумуляторами к нему. За день все вокруг нагрелось, и теперь улица светилась в окулярах мертвенным зеленым светом. Время от времени я делал оборот на стуле с винтовой ножкой и внимательно ловил любое шевеление в кустах. Часов до двух по улице тусовалась молодежь, компаниями и по парам. Один раз невдалеке вспыхнула быстротечная драка, но драчунов

быстро растащили. На спрятанных в кустах лавочках долго и самозабвенно целовались влюбленные.

Но постепенно движение на улице затихло, и лишь иногда проскакивал зеленый силуэт бегущей по своим делам собаки или кошки. Над дачным поселком повисла сонная тишина. Но я не расслаблялся. Богатый жизненный опыт говорил, что тишина часто бывает обманчива. Я оказался прав. Около трех часов пополудни в конце улицы скользнула неясная тень. Человек осторожно шел вдоль заборов, старательно избегая мест, освещенных бледным светом ущербной луны. Люди, не таящие злого умысла, так не ходят, подумал я. Конечно, это мог быть уходящий тайком от чужой жены любовник или обычный вор, не подозревавший о нашем существовании. Но не исключал я и того, что это вышедший на охоту агент Службы.

Чтобы усилить остроту зрения, я использовал знакомый со времен Школы прием — сильными нажатиями помассировал в нужных точках виски. Теперь я мог рассмотреть человека во всех подробностях. Им оказался офицер милиции, я даже увидел количество звездочек на его погонах. Это был капитан, скорее всего, тот самый участковый, которого еще днем видел Митя. Но от кого может прятаться милиционер на поселковой улице? Может быть, у него назначено здесь свидание с той самой соседской красавицей? Нет, не похоже, время слишком уж позднее.

Я нажал кнопку тревожного звонка, и через минуту около меня беззвучно возникли Павел и Боря. Я показал им на милиционера, стоявшего в тени дерева на противоположной стороне улицы, объяснил

задачу, и они так же беззвучно исчезли. В этот момент милиционер вышел из тени, и я увидел у него на лице такой же прибор ночного видения, как у меня. Он поднял голову, и наши взгляды встретились. Поняв, что обнаружен, милиционер отпрянул в тень и будто растворился в ней. Как я ни вглядывался, как ни фокусировал резкость в глазах, но так больше и не увидел его.

Павел и Боря вернулись через полчаса злые и обескураженные. С чердака они ясно видели милиционера, но когда спустились вниз и осторожно вышли на улицу, оказалось, что его и след простыл. Они прочесали весь поселок, но никого, кроме храпящего на скамейке алкаша, не обнаружили.

Своей возней мы перебудили всех в доме, и вскоре на чердаке собралось короткое совещание.

— Может быть, он пришел на свидание? — высказал Мишка ту же мысль, что возникла недавно у меня. — А потом увидел тебя и испугался.

— На свидание в очках ночного видения? — усмехнулся Боря.

— Точно! — смутился Мишка. — Я и не подумал! Но что тогда он здесь делал?

— Может быть, он получил ориентировку и выслеживал какого-нибудь преступника? — сделал предположение Митя.

— Может, — согласился я. — Но эта ориентировка могла быть и на нас. Есть золотое правило: если при проведении операции ты заметил что-то подозрительное или не поддающееся объяснению, то в первую очередь принимай это что-то как грозящую тебе опасность. Другое дело, что интуиция ничего

мне не говорит. Ну не чувствую я опасности, и все тут!

— И я... и я... — перебивая друг друга, заговорили мои ребята.

— Вы правы, — задумчиво сказал маршал. — Я тоже ничего не чувствую. Странно. Ты, Владимир, говоришь, что он смотрел на тебя?

— Да, — ответил я. — Прямо в глаза! Уверен, он следил именно за нашим домом. Но не пойму, с какой целью?

— Ладно, — заключил маршал. — Даст Бог день, даст Бог и пищу. Думаю, завтрашний день расставит все по своим местам. Планы менять не будем, я с утра снова поеду на разведку. А вы на всякий случай должны подготовиться к эвакуации. Когда рассветет, я покажу вам пути отхода.

Когда первые лучи солнца отразились от стекол моего наблюдательного пункта, меня сменил на посту Боря, а маршал повел нас по тропе через заросли.

— Вы предлагаете нам уходить по ручью? — скептически спросил Мишка. — Но здесь же и кошка не пролезет!

— Опять спешишь! — укоризненно посмотрел на него маршал, перешел по полусгнившему бревнышку на другой берег, отодвинул несколько ветвей в сплошной стене кустов, протиснулся боком в образовавшийся проход и исчез из вида.

— Давайте сюда! — услышали мы его голос.

Мы последовали за ним по узкой тропинке, проложенной сквозь заросли. Кусты кончились, и мы оказались на дорожке, идущей вдоль картофельного поля.

— Если пойдете в ту сторону, — маршал показал

на север, — то выйдете к железнодорожной станции, откуда можно уехать на электричке. Но если охотники организуют серьезную облаву, то на станции вас будут ждать. Лучше, если вы свяжетесь со мной и пойдете на юг, к шоссе, где я подхватчу вас. Но надеюсь, до этого не дойдет.

Маршал уехал, а через полчаса я почувствовал первый тревожный сигнал. А еще через пять минут интуиция завопила во весь голос, что опасность совсем рядом. Одновременно прозвучал поданный Борей с наблюдательного пункта звонок, а сам он скатился по лестнице вниз.

— Кто? — спросил я.

— ОМОН! — ответил Боря. — Человек десять. Может...

— Нет! — отрезал я. В другой раз я и сам не отказался бы повоевать с милицией. Впятером мы могли нагнать страха и обратить в паническое бегство вдвое большее их количество. Но сейчас мне вовсе не улыбалось устраивать балаган посреди проснувшегося дачного поселка. Кроме того, среди омовцев могли быть офицеры Службы, и тогда исход схватки был бы вовсе не ясен.

Мы успели скрыться в зарослях раньше, чем во дворе раздались злые голоса разочарованных преследователей, обнаруживших вместо вожденной добычи пустой дом и начавшие поджаривать на сковороде котлеты.

На бегу я нажал кнопку телефона и после двух гудков услышал встревоженный голос маршала.

— Далеко уехали? — спросил я.

— Не очень. Что случилось?

— Возвращайтесь, — ответил я, слегка задыхаясь на бегу. — Встречаемся на шоссе.

Я в двух словах обрисовал ему ситуацию и захлопнул трубку.

— Котлет жалко! — жалобно сказал Мишка. — Какой был запах!

Пока бежали к шоссе, он повторил это раза четыре.

ГЛАВА 7

Охота на Льва

— Ничего не понимаю! — сказал я в сердцах. — Я снова не чувствовал опасности! Неужели моя хваленая интуиция дала сбой? И еще одна странность: как люди генерала постоянно выходят на нас? Сначала в Крыму, теперь здесь... Такое чувство, что они видят нас каждую минуту!

— Ты думаешь, что Льву удалось посадить кому-то из нас маячок? — не поворачиваясь, спросил Мишка, которому маршал уступил место за рулем «Газели».

— Ерунда! — отрезал я. — Мы ведь полностью сменили одежду! Куда еще можно было его посадить?

— А я знаю? — огрызнулся Мишка, обгоняя попутные машины. — Да хоть под кожу!

— Ну-ка, ну-ка! — встрепнулся сидевший рядом с ним на переднем сиденье маршал. — Останови!

Мишка прижался к обочине. Маршал достал мобильный телефон и нажал несколько кнопок. Потом, вместо того чтобы приложить трубку к уху, принялся водить ей вдоль Мишкиного тела.

— Вот оно! — воскликнул он, когда аппарат оказался рядом с головой. — Как я раньше не догадался? Ну-ка, выходите все из машины!

Он проверил нас своим аппаратом, оказавшимся еще и пеленгатором радиоизлучений, и спросил:

— Когда последний раз были у зубного?

— Я — не так давно, — ответил я. — С полгода примерно. А остальные — не знаю.

Оказалось, что остальные побывали в зубном кабинете Центра примерно в то же время. С расхождением в день-два, достаточным для того, чтобы помешать нам встретиться.

— И что вам там делали? — не унимался маршал.

— Да вроде ничего, — пожал я плечами. — Сказали, профилактический осмотр.

— Во время посещения кабинета не заметили ничего странного?

— Не знаю, можно ли это назвать странностью, — ответил я, подумав. — Я еще тогда удивился, для чего делать анестезию при обыкновенном осмотре, но врач зачем-то всадил мне обезболивающий укол и что-то сверлил в верхней челюсти. Сказал, что снимал зубной камень.

Остальные вспомнили, что с ними произошло то же самое.

— Этот врач и поставил каждому из вас по пломбе с маячком, — заключил маршал.

— Что будем делать? — Я вопросительно посмотрел на него.

— А ничего! — ответил он и показал на свой телефон. — У меня универсальный аппарат. Он может не только засечь сигнал от маячка, но и заглушить его.

Маршал набрал новую комбинацию цифр и удовлетворенно сказал:

— Теперь они нас потеряли! А выключим глушилку тогда, когда это нам понадобится.

Вскоре мы въехали в Мытищи. По просьбе маршала Мишка остановил машину и принес из киоска толстую рекламную газету «Из рук в руки». Открыв объявления о сдающихся квартирах, маршал позвонил по нескольким номерам, назвавшись руководителем группы командированных, и сговорился с хозяевами четырехкомнатной квартиры. Потом нашел на карте Москвы нужное место и стал показывать Мишке дорогу.

Через полчаса, оставив автобус на платной стоянке, мы были уже на месте. Хозяйка, чопорная женщина лет пятидесяти с недовольно поджатыми губами, переписала под мою диктовку наши «паспорта» (что только мы не подсунули ей вместо них!), долго и нудно давала необходимые наставления, вроде «не звонить по межгороду, восьмерка все равно отключена» (?) или «не жечь напрасно электричество». Вечером мы убедились, что во всех светильниках квартиры вкручены тусклые лампы-сороковки, отчего в комнатах царил полумрак, так что ее предупреждение выглядело по меньшей мере странно. Хотя за те деньги, что она содрала с нас, можно было снять виллу на Лазурном Берегу. Расплачивался за все маршал — наши счета оказались заблокированы, а наличные, снятые в Харькове, остались в крымской пещере.

— Не был богачом, нечего и начинать! — философски сказал Мишка, узнав, что превратился в нищего.

Наконец хозяйка ушла. Мы расположились на диване и в креслах и продолжили начавшийся в дороге разговор.

— С маячками мы разобрались, — сказал я. — Но как быть с потерей интуиции? Будто нарочно она пропадает в самый неподходящий момент.

— Или, наоборот, слишком подходящий! — возразил Боря. — Только не для нас...

Маршал сидел, откинувшись в кресле, уставившись в какую-то невидимую точку на стене, и, казалось, о чем-то напряженно размышлял. Мы все с ожиданием смотрели на него.

— Правильно говорят — одна голова хорошо, а шесть — лучше! — Он встряхнулся и обвел нас взглядом. — Ты, Борис, абсолютно правильно заметил насчет подходящего момента.

— Неужели кто-то может влиять со стороны на способность предвидения? — уловил я его мысль.

— Я не совсем уверен, — маршал будто не услышал меня, — но однажды я подслушал, как Лев уронил странную фразу. Что-то вроде: «Я могу заставить их предвидеть то, что нужно мне». Тогда я не обратил на эти слова внимания, но теперь...

— И что, он действительно умеет это делать? — спросил Боря.

— Не знаю, — признался маршал. — У Льва от рождения уникальные экстрасенсорные способности. По-моему, он даже сам не подозревает, на что способен. Так что я вполне допускаю...

— Раз уж появилось такое предположение, — сказал я, — причем вполне обоснованное, то следует принять его как свершившийся факт. Будем считать, что это Лев лишил нас интуиции. И значит, наша

оборона сильно ослаблена. Но это не смертельно. Просто увеличивается риск. Разве нам привыкать к этому?

Я посмотрел на своих бойцов и не заметил на их лицах даже тени сомнения.

— Смелое заявление! — сказал маршал, улыбувшись. — Но как ты предполагаешь выманить Льва из Центра? Раньше он регулярно выезжал в массажный салон — он ведь большой охотник до женского пола, был завсегдатаем других ночных заведений, — но теперь безвылазно сидит в Центре. А там нам его не достать.

— Почему? — спросил Мишка. — Вы ведь говорили, что можете проникнуть в любое помещение Службы.

— Я — да! — ответил маршал. — Но не вы. И вести вас туда я не могу.

— Не хотите рисковать? — напряженно спросил Павел.

— Не могу! — поправил его маршал. — Точнее — не имею права. Перед богом и людьми я не имею сейчас права рисковать своей жизнью. Скоро вы узнаете почему.

— Отставить разговоры! — скомандовал я, поняв, что он недоговаривает что-то о чрезвычайно важном, то, что действительно не может сейчас нам открыть. — Думайте лучше, как нам ущучить генерала!

— А чего тут думать? — как-то совсем буднично произнес Боря, и все посмотрели на него. — Я уже все придумал. Володя, надеюсь, ты не забыл телефон экстренной связи?

ГЛАВА 8

Охота на Льва
(продолжение)

— Слушаю! — Несмотря на позднее время, трубку взяли после третьего гудка. Я сразу узнал этот властный голос.

— Здравствуйте, генерал! — произнес я, слегка волнуясь. — Это Кубанский. Подполковник Владимир Кубанский.

— А, бывший подполковник! — Он слегка повысил голос. — И что ты хочешь от меня?

— Господин генерал, — продолжил я, никак не отреагировав на подковырку, — наша пятерка попала в безвыходную ситуацию, и мы решили воспользоваться правом последнего звонка...

— Вы дезертировали и потому потеряли это право, — перебил он меня и добавил снисходительно: — Но я могу тебя выслушать, если у тебя найдутся веские аргументы в свою пользу.

— Найдутся! — торжественно сказал я. — Еще какие веские! Господин генерал, мы выполнили ваше задание. Маршал вместе с Золотой книгой у нас!

— Да ну? — недоверчиво произнес он после долгой паузы.

— Представьте себе! — подтвердил я. — Он пытался перевербовать нас, но у него ничего не вышло. Сейчас он обезврежен и находится в надежном месте под охраной двух моих людей. Можно сказать, мы вырвали у него ядовитое жало.

— А Золотая книга? — тревожно спросил Лев.

— У меня.

— Когда я смогу ее увидеть?

— Хоть сейчас. Если хотите, я могу передать через Сеть ее изображение.

— Не надо, — сказал Лев после непродолжительной паузы. — Я верю. Когда передашь мне маршала?

— Простите, генерал, но его я пока придержу у себя. Как гарантию нашей безопасности. Всему свое время. Я отдам вам его, но только после того, как мы снова обретем в ваших глазах полное доверие и будем восстановлены в Службе.

— Хорошо! — ответил он после некоторого раздумья. — Когда и где?

— Вы знаете парк на улице Шота Руставели?

— Да, — коротко ответил он.

— Я буду ждать вас на скамейке около фонтана.

— Через час, — сказал он и отключился.

Я закрыл купленный несколько часов назад телефон и спросил у маршала:

— Думаете, поверил?

— Поверил или нет, но как к противнику стал относиться к тебе гораздо серьезнее, — ответил он. — Это факт. Чтобы добраться сюда за час, ему придется гнать с сиренами и мигалками, иначе не успеть. А это о чем-то говорит. За Золотую книгу он готов второй раз продать душу дьяволу! А сейчас он гадает, куда вы пропали с экранов его компьютеров...

...Сегодня мы побывали в стоматологическом кабинете, где врач заменил нам пломбы-шпионы на обычные, но такие дорогие, будто они были сделаны из ограненных бриллиантов. Даже маршал недовольно поморщился при расчете. Выйдя на улицу, я раскидал пломбы по кузовам грузовиков, стараясь

выбирать машины с номерами других городов. Пусть поезжают за ними...

Я еще раз прислушался к внутреннему голосу, но он по-прежнему молчал. Или генералу на самом деле удалось наглухо заблокировать мне интуицию, или с нами просто не должно было случиться сегодня ничего страшного. Однако рассчитывать на это было бы глупо.

«Ладно, где наше не пропадало!» — постарался прибодрить я себя, но все равно на душе было пусто и тоскливо, будто я потерял что-то очень дорогое.

— Ну что, тронулись? — сказал я, посмотрев на часы. — Пора занимать позиции.

— Давайте, сынки, — тихо произнес падре. — Вы должны победить. И возьмите его живым. Избавленный от врага, он может еще пригодиться Службе...

Падре прошептал короткую молитву и благословил нас крестным знамением.

Наша «Газель» стояла на улице Добролюбова, недалеко от общежития Литературного института. Маршал остался в ней, а мы впятером вышли и отправились в парк пешком. По позднему времени фонари там уже не горели, и на дорожках нам не встретилось ни одного человека. Еще днем мы побывали здесь и определили диспозицию. Мест, где можно было спрятаться, в парке хватало. Я занял место на скамейке около выключенного на ночь фонтана, а ребята рассредоточились по кустам. У каждого из нас в ухо был вставлен миниатюрный телефон, а на шее закреплен такой же маленький микрофон. Я прижимал к боку портфель, в котором лежал обыкновенный кирпич. И тут я почувствовал первый укол тревоги...

★

Перед выездом на операцию мы занимались тем, что Мишка в шутку назвал заправкой. Проинструктированные маршалом и под его руководством, мы под макушку накачались невесть откуда извлеченной энергией. Процедура оказалась несложной. Главное — знать, как это делается. Это было странное состояние. Тело наливалось свинцовой тяжестью и приобретало каменную крепость. Казалось, что сможешь ударом кулака проломить толстую кирпичную стену или голыми руками завязать узлами стальной лом. И одновременно ощущение необыкновенной легкости, когда одним прыжком можно запрыгнуть на крышу пятиэтажного дома. А еще до предела обострились все пять чувств. В этом состоянии мы видели в полной темноте и слышали, о чем говорят люди в квартале от нас...

...Тревога нарастала с каждой минутой, и когда прямо на аллею парка нагло въехал огромный черный джип, мое сердце билось вдвое чаще обычного. Вышедшего из машины великана трудно было с кем-то перепутать. Он направился прямо ко мне, но я остановил его в нескольких шагах от себя.

— Стойте там, генерал! — сказал я негромко. Больше из машины никто не выходил, но я видел, как скользят по парку неясные тени, замыкая нас в кольцо.

— Не забывайся, подполковник! — Генерал постарался вложить в свой тон максимум презрения, но оно показалось мне каким-то неуверенным. — Это ты позвонил мне, а не наоборот!

«Зато это ты примчался ко мне, а не я к тебе! И уже не называешь меня «бывшим подполковни-

ком», — подумал я, но, конечно, не сказал этого вслух.

— Вы не правы, генерал! — Я постарался произнести это как можно спокойнее. — Я вовсе не забываюсь, а просто соблюдаю осторожность. Видите ли, мне очень хочется сохранить свою жизнь. Поэтому попросите своих людей держаться подальше.

Все это я говорил с единственной целью — усыпить его подозрительность. Скорее всего, у меня ничего бы не вышло, мне сложно было тягаться с поднаторевшим в интригах генералом, но мне на руку сыграло его маниакальное желание получить Золотую книгу.

— А ты наглец! — прорычал он и нетерпеливо протянул руку. — Где книга?

Я показал ему портфель.

— Давай! — Голос генерала напряженно звенел.

— Сначала пообещайте, что после этого дадите мне спокойно уйти! — заявил я строптиво. — Тогда я завтра отдам вам маршала, а вы восстановите всех нас в Службе.

— Обещаю! — чуть не закричал он, и я увидел, что терпение его на исходе. А еще я понял, что он все не собирался никуда меня отпускать. Как только Золотая книга окажется у него в руках, меня будут убивать...

Именно в таком состоянии мне и нужен был генерал.

— Ловите! — выкрикнул я и швырнул ему портфель.

От неожиданности он чуть не уронил его на асфальт, но все-таки удержал в руках. Рванул клапан и увидел содержимое...

★ Реакция у генерала оказалась молниеносной. Он отшвырнул портфель, крикнул в темноту: «Взять их!» — и одновременно нанес мне сильнейший телепатический удар из арсенала бесконтактного боя. Еще месяц назад такой удар неминуемо убил бы меня. Но не теперь. Я отшатнулся, но устоял на ногах. Со всех сторон к нам бежали люди. Мои ребята вышли из укрытий и подтянулись ко мне. Людей генерала было много, в несколько раз больше, чем нас, и он торжествующе улыбался, уверенный, что через секунду нас растерзают в клочья.

Не зря маршал три дня гонял нас до седьмого пота. Кое-чему мы у него научились. Соединенными усилиями мы окружили место схватки невидимым барьером, налетев на который люди генерала падали, как сбитые кегли, и оставались лежать. Потом они придут в себя, но будет это не скоро. Только несколько человек поняли, что дело неладно, и остановились, не добежав до барьера. Выхватив пистолеты, они приготовились открыть по нам огонь, но не успели. Мы одновременно взмахнули руками, и с наших пальцев сорвались светящиеся сгустки энергии. Свободно пройдя сквозь барьер, каждый из них нашел свою цель, и наши противники попадали на землю, уронив пистолеты.

Раньше офицеры Службы оружия не носили...

Генерал был очень силен, и справиться с ним оказалось совсем не так просто, как с его подчиненными. Этот бой ничем не напоминал наши прежние схватки с врагом. Не было ни крыс, ни драконов, никаких экзотических хищников. Никто не менял обличья. Только генерал, и без того огромный, неожиданно раздался ввысь и вширь, став вдвое больше

любого из нас. Взревев, он протянул вперед руки и двинулся в нашу сторону, гоня перед собой упругую волну, которая должна была прижать нас к своему же барьеру и расплющить об него в лепешку. Соединив усилия, мы остановили его на полпути и одновременно забросали сгустками энергии и потрескивающими голубыми молниями, которые вызывали у генерала нестерпимый зуд. Он отбивался руками и даже стал шаг за шагом отступать.

Воодушевленные маленькой победой, мы усилили натиск, но оказалось, что со стороны генерала это был обманный шаг. В его арсенале имелось немало неизвестных нам приемов. Материализовавшись из воздуха, в его руках оказалось длинное копьё, с кончика которого свисала вязкая мутная капля.

— Осторожно! — крикнул я, сразу поняв, что это такое. — Яд!

Ребята услышали меня и отпрыгнули назад, выходя из зоны поражения. Бой вступил в критическую фазу. Приближаться к генералу было смертельно опасно, и он постарался использовать свое преимущество, водя копьём из стороны в сторону и делая иногда резкие выпады, метя в кого-нибудь из нас. Мы, со своей стороны, отвлекая его внимание вылетающими из наших рук снарядами, сами в это время пытались свернуть окружавший нас невидимый барьер в тугой кокон и спеленать в него генерала. Нам почти уже удалось это сделать. Еще чуть-чуть, и он не смог бы даже шевельнуться.

На нашу беду, генерал почувствовал грозящую опасность и, сделав обманное движение, метнул копьё. Ближе всех к нему оказался Павел, и генерал направил смертоносный снаряд в его сторону. Но

Мишка оказался быстрее. Он крикнул: «Паша!» — и, закрывая собой Павла, бросился наперерез копыю. Отравленного оружия, конечно, не существовало на самом деле, копые было продуктом внушения, но убойная сила у него была не меньше, чем у настоящего. Широкий и длинный наконечник вошел Мишке в бок. Может быть, сама по себе рана не была смертельной, но яд сделал свое дело. Мишка выдернул копые из своего тела, недоуменно посмотрел на него и, покрывшись смертельной бледностью, во весь рост растянулся на асфальте.

Воспользовавшись нашим замешательством, генерал выхватил из воздуха новое оружие, на этот раз огромный, устрашающего вида меч, и пошел в наступление. Но дойти до нас не успел. Боря вдруг закричал страшно: «Миша-а-а!» — вытянул вперед руки и застыл в страшном напряжении. Генерал был уже совсем рядом. Еще миг — и меч рассечет Борю надвое. Но тут с его рук сорвался вихрь пламени, и генерал вспыхнул, как пропитанная бензином тряпка. Визжа и корчась, он упал и стал кататься по асфальту. Потом крики затихли, но Боря все жег и жег тело, пока оно не рассыпалось в прах. Только тогда он перестал извергать пламя и, обессиленный, опустился прямо на асфальт рядом с бездыханным Мишкой.

Павел не дал никому прикоснуться к погибшему другу. Он поднял его и нес до самой машины на руках. Слезы из его глаз капали на бледное Мишкино лицо. Мы с Митей подхватили под руки Борю, который, потеряв все силы, не мог сам подняться, и повели его, едва переставлявшего ноги, следом за Павлом.

Черный джип, в котором приехал генерал, вдруг

взревел двигателем и быстро-быстро стал пятиться задним ходом. Я не знаю, кто там сидел, но мы не стали препятствовать их бегству.

Когда мы свернули с Добролюбова на Шота Руставели, небо расколола молния, и через несколько секунд грянул гром такой силы, что у меня заложило уши. На ветровое стекло упали крупные капли дождя, быстро перешедшего в ливень. Потоки воды остудили на месте сражения прогоревший до земли асфальт и смыли то, что осталось от генерала Льва.

ГЛАВА 9

Снова в Службе

На территорию Центра мы въехали рано утром. Перед крыльцом дворца нас ждала мрачная толпа, горящая жаждой мести за своего генерала — люди из черного джипа успели рассказать о том, что произошло в безлюдном парке. Впервые я увидел в Центре столько людей сразу. Некоторые из офицеров, наши преподаватели и тренеры, были знакомы мне, но большинство я видел впервые.

Появись мы здесь одни, нас ждала бы незавидная участь. Противостоять такому количеству разозленных офицеров Службы, пусть даже не оперативников, а штабистов, мы бы, конечно, не смогли. Тем более что с нами не было больше Мишки, а Боря даже не мог самостоятельно подняться с сиденья машины. Но, слава богу, с нами приехал маршал. Он обладал невероятным даром убеждения и за несколько минут сумел превратить разъяренную толпу в команду дисциплинированных офицеров. А к концу дня, уз-

нав правду, российское отделение Службы принесло присягу на верность старому маршалу.

На холме за зданием Центра пряталось под огромными дубами скромное кладбище, самым старым захоронением которого была могила с витиеватой надписью: «Здесь покоится полковник Службы граф Алексей Соловьев». Увидев эту фамилию, я сразу вспомнил, что ближайшее село называется Соловьево.

Тут же похоронили и Мишку, поставив на могиле огромный беломраморный крест с надписью: «Майор Службы Михаил Иванов. Он был достойным офицером и умер героем».

Боря, который в схватке с генералом полностью растратил не только полученную из пространства энергию, но и почти всю собственную жизненную силу, восстановился за неделю. А ведь маршал говорил — дай бог, чтобы он оправился хотя бы через три месяца! На вопрос маршала, как он сумел воспользоваться приемом с огненным вихрем, на освоение которого у него самого ушло немало времени, Боря ответил:

— Сам не знаю. Тогда я не чувствовал ничего, кроме ненависти. Ну не мог я оставить в живых эту тварь!

— Ненависть редко указывает правильные пути, — задумчиво сказал маршал. — Но в этом случае ты был прав. Тем более у тебя не оставалось другого выхода.

Глядя на них, я начал подозревать, что скоро Боря заменит меня на посту старшего нашей пятерки, временно превратившейся в четверку. Случись такое, я совсем бы не расстроился. Как я уже упоминал,

нал, Радзивилл назначил меня на эту должность, не спросив моего согласия, и я тяготился ею.

Через несколько дней маршал, временно возглавивший российское отделение Службы, представил нам нового члена пятерки. Им оказался хорошо знакомый мне Виктор Слободенюк, бывший харьковский резидент. После нескольких совместных тренировок мы убедились, что хотя ему и далеко пока до Мишки, но хороший оперативник из него получится. Единогласно принятый в наши ряды, Витя относился к нам с восторженным почтением и долго обращался к нам по званию и на «вы», пока Митя-Мустафа не пообещал дать ему в лоб.

Мы отлично понимали, что бой с генералом Львом был не последним. Узнав о смерти российского коллеги, в своих резиденциях затаились еще шесть «повелителей мира», глав Служб, опасных и злобных существ. Каждый из них сидел в своей вотчине, как в неприступной крепости, и мы не видели никакой возможности выковырять их оттуда. Собрав своих офицеров до единого человека в Центрах, генералы запретили им все личные контакты, отрезали от всех источников информации, и мы лишились последнего способа донести до людей правду — через служебную Сеть.

Время шло, маршал часто исчезал куда-то, иногда на несколько дней, но никаких подвижек не было. Мы не знали, как добраться до генералов. Все чаще я задумывался о том, что единственный способ встретиться с ними лицом к лицу — если маршал приведет нас в их убежище. Почему он отказывается это делать? Какая причина заставляет его так оберегать собственную жизнь? Даже в мыслях я не позволял

себе обвинять его в трусости, но червячок сомнения копошился в моей душе. Похоже, остальные тоже мучились этой мыслью.

И снова выход нашел Боря. Однажды, уже в сентябре, когда маршал вернулся после очередной отлучки, расстроенный и молчаливый, Боря пригласил его для разговора. Собралась вся наша пятерка, позвали и Радзивилла, чей богатый опыт был совсем не лишним.

— Один раз у нас уже прошел номер с экстренной связью, — начал Боря. — Почему бы не попробовать еще раз?

Радзивилл посмотрел на маршала, как бы испрашивая у него разрешения высказаться. Тот согласно кивнул.

— Вообще-то у оперативников не принято использовать дважды один и тот же прием. — Он был знаком с подробностями нашего последнего дела.

— Я надеюсь, остальные генералы не знают, как мы выманили Льва, — возразил Боря.

— Что ты хочешь предложить? — заинтересовался маршал.

— Сейчас расскажу, — ответил Кацнельсон. — Но сначала надо выяснить, знает ли кто-нибудь в нашей Службе номера экстренной связи генералов?

— Сейчас выясню.

Маршал набрал на телефоне внутренней связи номер, задал вопрос, послушал, положил трубку и сказал:

— Есть! У начальника оперативного отдела.

— Отлично! — обрадовался Боря. — Предлагаю начать с американского генерала.

— Почему? — спросил я.

— В принципе, разницы нет, но он устроил свою резиденцию в пустыне, а нам это на руку. Будет меньше лишних свидетелей.

Боря был прав. После нашего сражения в ночном парке московские газеты долго изощрялись в остроумии. В зависимости от направленности издания диапазон мнений о выжженном до земли асфальте простирался от игрищ пироманов до посадки НЛО.

— Хорошо, — согласился я. — Излагай дальше.

— Нам ведь что нужно? Выманить генерала наружу. Пусть он окажется хотя бы в двух метрах от границы Центра, большего нам не надо. Предлагаю сделать так...

ГЛАВА 10

Очищение

Предложение Радзивилла задействовать в операции начальника оперативного отдела мы отвергли сразу. Все-таки он не был полевым офицером. Заменить его выпало мне. В точную его копию я превратил себя за два часа. Еще сутки ушли на отработку голоса. Я тренировался до тех пор, пока даже ближайшие сотрудники полковника не перестали отличать нас друг от друга. Тянуть с началом операции не было причин, и мы приступили к делу в тот же день.

Я набрал номер и, дождавшись ответа, сказал на плохом английском языке:

— Хэлло, господин генерал. Я полковник Мирзоян, начальник оперативного отдела российской Службы.

Ломать язык мне пришлось потому, что полков-

ник плохо говорил по-английски, и генералу это могло быть известно.

— Слушаю вас, полковник! — ответил Иеремия, стараясь за бесстрастным тоном скрыть заинтересованность. Это получилось у него плохо. — И давайте говорить по-русски.

Последние слова он произнес на чистейшем русском языке со старомосковским выговором.

— Хорошо! — Я на самом деле обрадовался. Скрывать отличное знание английского оказалось совсем не легко. — У меня есть к вам деловое предложение.

— Говорите!

— Генерал, надеюсь, вы знаете, что у нас произошли большие перемены...

— Наслышан, — хмуро ответил он.

— Меня совсем не устраивают вводимые маршальские нововведения. — Я постарался подпустить в голос озабоченности. — Поэтому я и обращаюсь к вам...

— Полковник, что вы ходите вокруг да около? — не выдержал Иеремия. — Если у вас есть что сказать — говорите, а нет — закончим разговор.

— Дело в том, — я испугался, что генерал и правда может отключиться, — что падре Франциск передал мне на хранение Золотую книгу. В моем отделе есть бронированное хранилище для самых секретных документов, и книга сейчас находится там.

По наступившей паузе стал понятно: я сделал генерала!

— На что вы намекаете? — наконец выдавил он.

— Я не хочу служить под началом маршала! — жалобно сказал я. — И вообще, мне надоела Служба!

Хорошо, что полковник Мирзоян сейчас не слышит меня! Иначе он вызвал бы меня на дуэль!

— Что вы предлагаете? — осторожно, боясь спугнуть удачу, спросил Иеремия.

— Обмен!

— Кажется, я вас понимаю. С вашей стороны Золотая книга. Что с моей?

— Гражданство Соединенных Штатов. Думаю, вам несложно будет это устроить. Защита от маршала. И — пятьдесят миллионов долларов. Думаю, это не слишком большая плата за книгу...

— Согласен! — Иеремия не раздумывал ни секунды. — Когда мы сможем совершить обмен?

— Я могу вылететь хоть завтра. Но, кроме времени встречи, надо определить и место. Итак, где?

— Разумеется, в моей резиденции! Где же еще?

— Не согласен! — решительно возразил я. — Я отдам книгу только на нейтральной территории. Можно встретиться в Нью-Йорке, в крайнем случае — в Солт-Лейк-Сити.

— Ни в коем случае! — испугался он. Даже возможность получить Золотую книгу не могла победить его страх перед маршалом. — В моем Центре или нигде!

— Воля ваша! — сказал я, изображая равнодушие. — У меня есть еще пять запасных вариантов. Думаю, тот же генерал Голдмейер с радостью согласится на мои условия. Израиль — тоже неплохая страна. И в Китае нашлось бы где спрятаться от маршала. Так что подумайте хорошенько.

Снова наступила пауза, продолжавшаяся не меньше минуты. Я даже стал опасаться, что оборвалась связь.

— Хорошо. — По голосу генерала было слышно, что решение далось ему нелегко. — Мы встретимся не в самом Центре, но рядом с ним. Надеюсь, это можно считать нейтральной территорией?

— Можно, — милостиво согласился я. — Кстати, запишите номер моего счета в «Бэнк оф Америка».

— Тогда я объясню вам, где и когда вы будете меня ждать. — Он перешел на деловой тон. — Запоминайте...

Теперь можно было не спешить. До назначенной встречи оставалось еще двое суток, одни из которых мы потратили на последние приготовления к операции. Перед выходом накачались энергией так, что мне показалось: еще чуть-чуть — и я взорвусь. В рассчитанное время следом за маршалом мы спустились в подвал, в одной из комнат которого он оборудовал вход в пространственный туннель. Мы уже стали привыкать к таким путешествиям, но Виктор... Надо было видеть его глаза, когда, войдя в коридор в Подмосковье, где уже третий день за окном сеял мелкий, нудный дождь, он вышел под палящее солнце из расщелины похожей на огромный гриб одинокой скалы на красном плоскогорье штата Юта!

Еще до разговора с Иеремией мы дотошно изучили по спутниковым фотографиям, статьям из Сети и служебным материалам место предстоящей операции. Четверо моих парней заняли заранее присмотренные позиции неподалеку от точки назначенного на завтра randevu, а меня маршал забросил в пригород Солт-Лейк-Сити. Любуясь по дороге окруженным горами городом, я прогулялся пешком до ближайшей фирмы по прокату автомобилей, где взял в аренду почти новую «Хонду». Все должно было вы-

глядеть натурально. Не мог же российский полковник Мирзоян появиться пешком посреди пустынного плато в штате Юта!

Время у меня еще оставалось, и я с удовольствием потратил его на знакомство с городом, так не похожим на наши российские областные центры. Полубовался своеобразной архитектурой мормонских церквей, посидел в прохладном баре, в котором, к моему удивлению, не предлагали напитков крепче пива. Да и то почему-то оказалось разбавленным. Может быть, поэтому люди вокруг, как на подбор, были румяными и здоровыми?

...На место я приехал за пять минут до назначенного срока. Съехав с дороги, вышел из машины и осмотрелся по сторонам. Я знал, где прятался каждый из моих парней, но, как ни старался, не увидел никого из них. На занятиях в Школе маскировке на местности было отпущено немало учебного времени.

Огромный армейский «Хаммер», раскрашенный в камуфляжную расцветку красноватых тонов, под стать окружающей местности, вынырнул из горячего марева совершенно неожиданно, появившись будто ниоткуда. Следом за автомобилем так же ниоткуда возникла цепь вооруженных автоматическими винтовками людей. «Хаммер» остановился метрах в двадцати от моей малолитражной «Хонды», кажущейся по сравнению с ним игрушкой. Оттуда вышел начинающий лысеть крепкий мужчина с навеки застывшей на лице постной миной и вопросительно посмотрел на меня.

— Пусть ваши люди остаются на месте! — крикнул я.

— Книгу! — тихо, так, чтобы его не слышали ос-

тавившиеся в трех десятках метров за его спиной офицеры, потребовал Иеремию.

— Сначала документы! — возразил я. — И у меня до сих пор нет подтверждения перевода!

Я достал телефон и сделал вид, что набираю СМС. На самом деле я просто без всякого смысла тыкал в кнопки пальцем — меня совершенно не интересовали его миллионы.

— Ну конечно! — сказал я обиженно. — Ничего на счет не поступало!

— Деньги будут сразу после обмена! — сказал генерал оскорбленно. — Неужели вы думаете, что я буду мелочиться? А документы — вот они. Давайте книгу!

Он, не глядя, протянул руку, и из машины кто-то подал ему зеленую пластиковую папку.

— Давайте, давайте! — повторил генерал.

Я взял с заднего сиденья «Хонды» портфель. Тот самый, что однажды уже побывал в руках генерала Льва.

— Идите сюда! — предложил я.

— Лучше вы! — не согласился он.

— Тогда давайте посередине!

— Давайте! — И он сделал осторожный шаг в мою сторону.

Все это выглядело настолько по-детски, что мне стало смешно. Я представил себе, что Иеремию, один из всемогущих «властителей мира», выхватывает у меня портфель и, показав язык, убегает сломя голову, и едва удержался от смеха.

На этот раз мы хорошо подготовились, гораздо лучше, чем к встрече с генералом Львом. Иеремию шел ко мне, и непреодолимое желание скорее при-

коснуться к Золотой книге притупило его осторожность до такой степени, что он не видел, как люди за его спиной опустили к земле стволы своих «М-16» и окаменели, не в силах шевельнуться.

Дальнейшее даже нельзя было назвать боем. Иеремия вдруг почувствовал, что каждый новый шаг дается ему все с большим трудом, будто он шел по груди в воде против быстрого течения. Поняв, что дело неладно, он уронил на землю папку с документами и приготовился защищаться.

Американец оказался не слабее покойного Льва, и преодолеть его сопротивление оказалось нелегко даже впятером. Но я недаром упомянул, что в этот раз мы хорошо подготовились. В том числе и технически. Из-за камней появился Виктор, держащий в руке похожую на ручной гранатомет трубу. Но это был не гранатомет. Лейтенант нажал на спуск, из трубы вылетела развернувшаяся в воздухе сплетенная из серебряных нитей сеть и накрыла генерала. Некоторое время он отчаянно метался, как попавшая в невод акула, и мне показалось, что сеть может не выдержать. Но Слободенюк сильно дернул шнур, будто подсекая рыбу, сеть затянулась на теле Иеремии, и он затих, не в силах пошевелиться. Лишь иногда издавал приглушенное рычание — прикосновение серебряных нитей причиняло ему сильную боль.

Я прислушался к внутреннему голосу и понял — все! Больше нам ничто не грозило. Обездвиженные, но не потерявшие способность соображать офицеры хорошо знали, кого ловят серебряной сетью...

...В ближайшие три месяца невидимый миру ураган пронесся по планете, выметая из убежищ генералов-изменников. Создав вокруг себя информацион-

★

ный вакуум, они ничего не знали о происходящих в Службе событиях и тем самым загнали себя в ловушку. Даже получая предложение насчет Золотой книги, они ничего не сообщали коллегам, не желая ни с кем делиться вожделенным сокровищем. С каждой новой операцией мы набирались опыта, и захват проходил легче, чем в прошлый раз. А в Китай нам даже не пришлось ехать. На прием к маршалу попросился заместитель главы тамошней Службы кореец Хо и принес удивительное известие. Оказалось, что китайские оперативники, давно заметившие странности в поведении генерала Чана, разоблачили его, и сейчас генерал заключен в серебряную клетку.

Умом я мог понять гуманизм маршала, стремившегося после изгнания врага сохранить изменникам жизнь. Или он все еще надеялся на спасение их душ, или просто не мог забыть их дедов, которых помнил только-только пришедшими в Службу молодыми, чистыми душой ребятами... Но, зная, в кого они превратились и какие планы вынашивали, я всем сердцем был против этого, хотя ничего не говорил падре. И немало злорадствовал, когда после проведения обряда «экзорцизма» оказалось, что спасти уже некогда. Покидая тела генералов, враг сумел произвести в их душах такие изменения, после которых они могли лишь пополнить ряды обитателей психиатрических клиник. Маршал объяснял происшедшее какими-то учеными словами, которых я не понял. У меня было свое мнение насчет случившегося. Думаю, враг инстинктивно отомстил бывшим хозяевам за долгие годы, проведенные в симбиозе с генералами в униженном подчиненном состоянии.

К Новому году с изменой в рядах Службы было

покончено. Во всех отделениях вместо отстраненных генералов появились новые руководители. Маршал занимался этим лично, разрушив практику наследования должностей. Конечно, «детки» генералов, рассчитывающие на высокие посты, остались недовольны, но падре легко усмирил их.

Маршал сложил с себя полномочия главы российской Службы и, к общему удивлению, назначил вместо себя... Борю Кацнельсона. Моя надежда передать ему старшинство в нашей пятерке накрылась медным тазом.

ГЛАВА 11

А вас, подполковник, я попрошу остаться...

Прошел Новый год, за ним Рождество. Приближались крещенские праздники. Ни Боря, перепрыгнувший сразу через два звания и несколько должностных ступеней и взлетевший на горные вершины власти, ни Радзивилл, оставшийся моим командиром, не спешили воссоздавать нашу пятерку, второй раз за короткое время ставшую четверкой. Практически как боевая единица она перестала существовать. За все это время я выполнил всего одно простенькое сольное задание — обезвредил злокозненного одержимого, недалекого умом, но хитрого и изворотливого, который наводил по ночам ужас на жителей одного подмосковного городка. Остальные дни я проводил в праздном созерцании потолка в своей одинцовской квартире, куда вернулся еще до Нового года. После нашего «дезертирства» Служба

перестала перечислять квартирную плату, и почтовый ящик оказался полон неоплаченными квитанциями и грозными предупреждениями о выселении. Теперь, слава Богу, справедливость восторжествовала, и бухгалтерия полностью погасила мою задолженность.

Во время моего отсутствия кто-то даже умудрился взломать замок и проникнуть в мое холостяцкое жилище, но дальше прихожей грабителю пройти не удалось. Вместо тревожной сигнализации жилье каждого офицера Службы снабжено специальным устройством, разработанным нашими умельцами. Не буду объяснять, как оно действует, но после его срабатывания любой непрошенный гость бежит от охраняемого объекта с такой скоростью, будто за ним гонится легион завывающих и клацающих зубами чертей. Многим после этого приходится отстирывать штаны...

Итак, я томился бездельем и тосковал по Катерине и Антону. Несколько раз я спрашивал маршала, когда смогу их увидеть, и каждый раз слышал один и тот же ответ: позже. Сейчас они заняты в своем времени чрезвычайно важным делом, но уже скоро мы все получим длительный отпуск, который сможем провести вместе.

Сам маршал, уступив власть Кацнельсону, занял скромный пост Бориного советника и теперь обучал его премудростям управления такой сложной системой, как наша Служба. Начали они с устранения несправедливости, допущенной по отношению к полевым офицерам. Все мы прошли новую коррекцию, полную, а не в том урезанном виде, что ограничивал продолжительность нашей жизни ста двадцатью го-

дами. Теперь этот срок зависел исключительно от личных качеств каждого из нас. И только Петр Станиславович Радзивилл, легендарный оперативник, чьи вошедшие в историю Службы операции сохранили жизни даже не тысячам, а миллионам не подозревавших об этом людей, категорически отказался что-то менять в своей жизни.

— Я слишком свыкся с тем, что скоро для меня все кончится, и готов к этому, — заявил он. — После новой коррекции мне пришлось бы жить, не зная сроков, а этого я, хоть ты тресни, никак не могу принять. Нет, я уже привел свои дела в порядок, написал завещание, и не надо больше ко мне приставать. Я ведь не атеист и знаю, что со смертью ничего не кончается. И надеюсь, заслужил для себя там, — он показал пальцем вверх, — не самое плохое местечко.

Я чувствовал, что командир что-то не договаривает, и пытался переубедить его. Но тщетно. Сам я отнесся к коррекции спокойно, никакого восторга не испытывал и, прислушиваясь к себе, не замечал никаких изменений.

Ранним утром накануне праздника Крещения мой телефон заиграл бодрую мелодию футбольного марша и незнакомый голос сообщил, что Франц Витольдович Орловский к четырнадцати часам собирает сотрудников на совещание. Я забрал со стоянки свой успевший запылиться «БМВ» — уже две недели Служба не трогала меня — и отправился в Центр. Приехав туда за два часа до назначенного срока, я по привычке поднялся в буфет и увидел там Павла, Митю и Виктора. Они сидели за столом и с аппетитом уплетали щи с нежнейшими телячьими ребрышками. Я присоединился к ним, и минут десять за сто-

лом не раздавалось ни звука, кроме хруста разгрызаемых косточек.

Мы уже убрали со стола посуду и расслабленно откинулись на спинки стульев, сытые и довольные, когда в буфет вошел Боря Кацнельсон, придвинул от соседнего стола стул и присоединился к нашей компании. Первое время после его неожиданного повышения, соблюдая субординацию, мы пытались относиться к нему так, как положено рядовым оперативникам относиться к генералу Службы. Сначала Боря недовольно морщился, а потом заявил, что перестанет с нами разговаривать, если мы будем тянуться перед ним. Мы с удовольствием согласились, а Виктор — тот и вовсе стал смотреть на Кацнельсона как на божество.

— По какому поводу собираемся? — поздоровавшись, спросил я у Бори. — Можешь хоть намекнуть?

— Да я и сам точно не знаю, — ответил он. — Похоже на то, что затишье кончается. И правильно, что-то мы засиделись без дела. Маршал уже две недели сидит запершись в кабинете, порученцы едва успевают таскать ему документы. Весь аналитический отдел только на него и работает. Что-то он задумал. Но не будем гадать, через час все узнаем.

Без десяти два мы сидели в огромном зале на первом этаже, размерами и великолепной отделкой напоминающем зал Большого театра. Я оказался здесь впервые и удивленно крутил головой. Зал был так велик, что никак не должен был влезать в левом крыле здания, а огромные золоченые люстры висели на такой высоте, что даже конек крыши Центра не достал бы до них. Такого никак не могло быть. Но ведь было! По поведению сидевших в обтянутых

бархатом креслах офицеров было сразу видно, кто попал сюда впервые, а кто давно привык к этому великолепию. Одни, как я, изумленно крутили головами, другие сидели спокойно и вполголоса переговаривались между собой. Всего здесь собралось несколько сот человек.

Мои размышления прервало появление на сцене маршала. Усевшись за приготовленный для него стол, он заговорил, и сразу стало тихо. Не было никаких микрофонов, но голос маршала разносился по всему огромному залу, хорошо слышный в самых дальних его углах.

— Здравствуйте, господа! — сказал он. — Я попросил вас собраться здесь по важному поводу. Скоро я покину вас...

Тут ему пришлось жестом успокоить начавшееся в зале волнение. Когда ропот стих, он продолжил:

— Да, нам придется расстаться. Но об этом позже. А сейчас мы вместе с вами должны определить цели Службы на ближайшее время и на отдаленную перспективу. Измена генералов привела к тому, что враг изменил тактику. Мы должны оперативно находить новые методы борьбы и от обороны переходить в наступление. Я не отрицаю, что все вы честно и бесстрашно исполняли свои обязанности, как могли искореняли проникавший в наш мир хаос. Но генералы вели вас не туда, указывали неверное направление. Вы, наверное, заметили, что число настоящих одержимых уменьшается с каждым годом? Конечно, в этом есть и ваша заслуга. Но все обстоит гораздо сложнее. Враг набирается опыта и меняет тактику. Он не стремится теперь к простому физическому уничтожению людей, хоть и не гнушается насилия и

терроризма. Важнее для него оказалось уничтожение духовной составляющей человека. Последние пятьдесят лет я посвятил исследованиям, результаты которых хочу вам доложить. Не сомневаюсь, они заставят вас задуматься.

Наблюдая огромные массы людей, я поразился, как широко распространился враг в нашем мире. Трудно найти человека, не носящего в себе хотя бы маленькую его частичку. Как правило, чем выше положение человека в обществе, тем большая часть его души захвачена врагом. Но страшнее всего то, что люди, стоящие во главе стран и народов, имеющие власть и определяющие ход событий в мире, поражены им **все без исключения**. А если вдруг где-нибудь и существует это исключение, то оно только подтверждает общее правило. Не буду объяснять прописных истин, вы и сами отлично знаете, что происходит в мире, в том числе и в России, народ которой стремительно теряет лучшие свои качества, всегда отличавшие его от других народов. А сейчас мне иногда кажется, что власть в стране исподтишка захватила шайка клептоманов. И беда в том, что люди постепенно привыкли к такому положению и даже не понимают, что все может и должно быть иначе. Тех же немногих, кто видит истинное положение вещей и готов бороться с наступающим хаосом, враг ловко разворачивает в нужном себе направлении, и те уходят в революционный терроризм, заменяя созидание разрушением и еще больше увеличивая количество страданий на земле.

Не менее ловко враг использует людей талантливых и просто способных к искусству и литературе. Подсказывает, нашептывает, подталкивает под

руку... А когда на свет появляется очередной «Черный квадрат», провозглашает его высшим достижением человеческого гения. Примеров много. Если уж богомерзкий «Код да Винчи» объявили образцом интеллектуальной литературы и разнесли по всему миру... Может показаться, что все это мелочи, недостойные нашего внимания, но по воздействию на человеческие души их можно сравнить с эпидемией холеры в Средние века. Сказано ведь, что дьявол ныне прячется в типографской краске. И это вовсе не шутка. Можно еще добавить, что он затаился в экране телевизора.

А церковь? С момента своего возникновения христианская церковь противостояла врагу, называя его дьяволом и борясь с ним за человеческие души. Но и туда враг протянул свои щупальца. Он проник даже в Ватикан, и Святой престол оказался во вражеском окружении. Русская православная церковь пока еще держится, хотя и в ней некоторые иерархи путаются с дьяволом. И все-таки, оболганная и униженная, церковь держит заслон перед наступлением сатаны. Незаметный деревенский батюшка иногда способен оградить от влияния врага больше душ, чем опытный офицер Службы. Поэтому мы не только не должны пренебрегать помощью церкви, но и сами всеми силами должны помогать ей.

Число прорывов из адского измерения резко уменьшилось в последние годы, но присутствие врага не сокращается, а, наоборот, увеличивается. В этом нет никакого парадокса. Враг незаметно, но непрерывно просачивается в наш мир. Я сделал кое-какие расчеты, с которыми познакомлю вас в конце совещания. Может быть, они покажутся вам

слишком приблизительными, оторванными от реальности. Пожалуйста, любой из сомневающихся может проверить их, используя всю мощь информационно-аналитического отдела Службы. Скажу сразу: лично я проделал это дважды, потому что, увидев результаты вычислений в первый раз, не поверил своим глазам. Вывод был краток и страшен: если ничего не предпринимать, наш мир исчезнет еще до конца нынешнего века. Пустота, из которой приходит враг, попросту поглотит его. Но до этого он пройдет через все беды и страдания, описанные в Откровении...

...Я знал маршала лучше остальных и не сомневался, что он говорит правду. У меня внутри все похолодело. Ведь конец нынешнего века — это время, в котором живут Катерина и сын. Неужели для них уже наступил Апокалипсис и я никогда больше не увижу своих любимых? Успокаивали лишь слова маршала: «если ничего не менять». Не для этого ли он собрал нас?

— Неужели Господь создал наш мир для того, чтобы его проглотила какая-то безмозглая пустота? — Голос маршала зазвучал громче. — Можем ли мы это допустить? Лишить будущего наших детей и внуков?

По залу прокатилась волна ропота, и на этот раз маршал не стал ее останавливать. Продолжил, когда все выговорились и шум утих сам собой.

— Я молился Всевышнему, чтобы он помиловал наш мир, как готов был когда-то помиловать погрязшие в грехах Содом и Гоморру ради нескольких праведников. Просил его дать мне силы перекрыть дьяволу все лазейки, ведущие в наш мир. И Господь ус-

лышал меня, дал понять, что я должен сделать для этого. Потому я и сказал вам, что скоро мы расстанемся. Я уйду, а вы останетесь здесь и будете продолжать борьбу. Наш мир полон зла, и пройдет не одно столетие, чтобы искоренить его. Даже если мне удастся оградить мир от нового проникновения врага.

Я скосил глаза на сидевшего рядом Павла. Он всегда отличался прохладным отношением к церкви и религии, и сейчас я ожидал увидеть на его лице скептическое выражение. Но оказался не прав. Глаза Павла горели, он заворуженно слушал маршала.

— Сейчас я в общих чертах познакомлю вас с планом, который мы разработали вместе с генералом Кацнельсоном, — сказал падре, и мне показалось, что он посмотрел прямо мне в глаза. Ну и Боря! И молчал! — Если вы поддержите нас, то с завтрашнего дня каждому из вас будет поставлена конкретная задача...

Совещание продолжалось до позднего вечера. Когда оно закончилось и офицеры, возбужденно переговариваясь, потянулись к выходу, ко мне подошел молоденький порученец и сказал:

— А вас, господин подполковник, маршал просит остаться.

ГЛАВА 12

Рай

Я умышленно не считал дни и потому не знал, сколько времени мы уже провели на острове. Может быть, три недели, а может — четыре. Ночи мы с Катериной проводили вдвоем, а по утрам, не каждый

★ день, но часто, приходил Антон. Иногда один, иногда с Ингой, брюнеткой с матово-смуглой кожей лица и загадочным взглядом голубых глаз. Сын назвал ее своей невестой, а Катя по секрету шепнула мне, что месяцев через восемь мне предстоит стать дедом.

Я по-прежнему не знал, из какого года они приходят и какие события происходят в их мире. Не знал, чем занимаются там Антон и Катя. Нет, маршал не запрещал мне расспрашивать их. Гипотезы о временных парадоксах — ерунда, объяснил он. Время обладает огромной инерцией, и любая попытка изменить будущее таким экзотическим путем, как, например, не раз описанное в литературе убийство собственного дедушки или устранение родителей злодея мирового масштаба, не даст ровно ничего. Всплеск скоро затихнет, круги на поверхности времени успокоятся. Вместо не родившейся важной исторической личности на свет появится другая, не менее значительная, и развитие истории пойдет прежним путем.

Я не задавал жене и сыну лишних вопросов по другой причине. Просто я боялся раскиснуть. Ни разу в жизни я не менял уже принятого решения, а теперь боялся не выдержать. Случись такое, никто не смог бы меня упрекнуть, в том числе и маршал, но я сам не смог бы жить с таким грузом на душе.

Но — по порядку. После разговора с маршалом я наконец получил долгожданный отпуск вместе с возможностью провести его с Катей не в Центре, хотя я был бы счастлив и этим, а на райском острове посреди океана, где, кроме нас, никого не было. Падре Франциск был настолько щедр, что не стал ограничивать меня сроками.

— Оставайся здесь, сколько сочтешь нужным, — сказал он, выведя меня из пространственного туннеля через расщелину в поросшей диким виноградом скале. — Конечно, в разумных пределах. Когда почувствуешь, что пора, вернешься тем же путем. А передумаешь — живи здесь хоть вечно. Все в твоей воле. Вот тропинка, по которой ты придешь к дому.

Он повернулся и, не прощаясь, исчез в темноте расщелины.

Дом оказался деревянным строением, при взгляде на которое так и напрашивалось название «бунгало». Катя ждала меня на большой веранде у входа, сидя в плетеном кресле-качалке. Не хочу описывать нашу встречу. Эти подробности касаются только нас двоих. Но остров достоин того, чтобы рассказать о нем подробнее. Я не знаю, воды какого океана плещутся о его берега. Честно говоря, это меня не слишком и интересует. Может быть, этого безымянного клочка суши и вовсе нет на Земле, а существует он лишь в искусственной, отделенной от нашего мира пространственно-временной нише, где только и могли встретиться люди из разных времен, я и моя Катерина. Если это так, то неведомым мастерам удалось создать настоящий райский уголок.

Остров был невелик, в первый же день мы с Катей обошли его по периметру и вернулись домой еще засветло. Я быстро убедился, что такого места просто не могло существовать в природе. На острове имелись все климатические зоны, начиная от тропиков по берегам и заканчивая заснеженными склонами невысоких в общем-то гор, возвышающихся в его центре. Тут можно было найти местечко на любой вкус — наполненные жизнью тропические джунгли

и сосновые леса с огромным количеством грибов и ягод, горные речки со звенящими водопадами, небольшую степную зону и альпийские луга. Мне даже показалось, что, пожелай я прогуляться по пустыне, в тот же день за ближайшей горой обнаружился бы небольшой кусочек Сахары.

Наше «бунгало» оказалось оборудовано полным набором чудес. Без всяких видимых источников электроэнергии в доме горели светильники и работал холодильник, запас продуктов в котором регулярно пополнял Антон. Даже в знойный тропический полдень во всех четырех комнатах и на большой кухне было прохладно, хотя я не обнаружил и следа кондиционера.

Около дома росли деревья с тропическими плодами, а поднявшись по ведущей в горы тропинке, можно было нарвать сладких груш и любимой мною ароматной антоновки. Тут же росли усыпанные ягодами кусты малины и смородины. Невозможно было сойти с тропинки, не оставляя после себя следы раздавленных ягод земляники и черники. Чуть ли не под каждым деревом целыми семьями росли грибы — белые, подосиновики, маслята... Конечно, я не специалист, но у меня было стойкое убеждение, что все это великолепие ну никак не могло произрастать одновременно и в таком тесном соседстве.

Целыми днями мы с Катей не вылезали из моря и покрылись таким загаром, что издали, наверное, нас можно было принять за темнокожих аборигенов. Экипировавшись обнаруженными в доме ластами, масками и дыхательными трубками, мы ныряли в чудесные коралловые леса, играли с любопытными, доверчивыми, почти ручными дельфинами. А однаж-

ды, открыв приглянувшуюся мне двустворчатую раковину, я обнаружил в ней огромную матовую жемчужину, которую тут же подарил Кате.

Иногда по вечерам над островом проносился быстротечный тропический ливень, и мы с Катей прямо в одежде выскакивали под сплошную стену падающей с неба теплой воды. Хотя какая там одежда — шорты да майки...

А вчера утром Антон принес большую сумку, из которой слышалось характерное звяканье, и выставил на стол десяток запечатанных по старинке сургу-чом литровых бутылок с вином.

— Это подарок от Николая Васильевича Полу-бояринова, — ответил сын на мой незаданный во-прос. — Старик до сих пор владеет старым виноград-ником.

Вино оказалось не хуже того, которым ежегодно одаривал меня дед незнакомого мне, еще не родив-шегося Николая Васильевича, Семен Полубояринов, и я не стал уточнять, кому был предназначен пре-зент. Вряд ли внук предполагал, что я еще жив в его время. Если вообще когда-нибудь слышал про меня. Надо же, внук Семена — и вдруг старик!

Наложив на себя добровольный запрет на любые расспросы, я не имел никаких оснований скрывать от сына события собственной жизни. Потягивая гус-той темно-красный божественный напиток, я рас-сказывал о проведенных операциях, о друзьях, о по-гибшем Мишке. И с грустью думал, что для сына это уже история, дела давно минувших дней. Но слушал он внимательно, не спуская с меня горящих интере-сом глаз.

После обеда Антон, сославшись на дела, ушел по

тропинке к входу в пространственный переход, а Катя прилегла в спальне — у нас вошло в привычку устраивать послеобеденную сиесту. Я уселся в качалку на веранде и, прикрыв глаза, задумался. Вино, сначала подарившее мне блаженное ностальгическое состояние, сыграло со мной злую шутку, вернув мыслями к тому, о чем я старался не вспоминать на этом райском острове...

...После совещания маршал отвел меня в свой кабинет на первом этаже, усадил в удобное кресло и долго расхаживал из угла в угол, не начиная разговор. Я тоже молчал, понимая, что без причины старик не позвал бы меня. Наконец он уселся напротив, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Владимир, того, о чем я хочу тебе рассказать, не знает никто. Раньше я не хотел открывать правду и тебе, но потом понял, что скрывать ее от тебя я не имею права. К тому же, если ты примешь мое предложение, твоя осведомленность не будет иметь равно никакого значения.

Я понял, что маршалу непросто вести разговор, и даже не пытался как-то подтолкнуть его. Молчал и слушал. А он глубоко вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и произнес:

— Катерина — моя дочь, а ты — отец моего внука!

Мои глаза едва не выпали из глазниц. Это потом, сравнивая в памяти их лица, я искал и находил общие черты, объединявшие его с Катей и Антоном. Но тогда... тогда я был так ошеломлен, что некоторое время не понимал, о чем он говорил дальше.

— Это случилось в тысяча девятьсот двадцать четвертом году. — Голос маршала доносился до меня

как сквозь слой ваты. — Я любил ее мать, и мы день ото дня ждали появления на свет нашей девочки. Но обстоятельства тогда сложились так, что я вынужден был скрываться и не мог обеспечить их безопасность. Не буду рассказывать, как мне удалось это сделать, но я смог забросить мать Катерины в две тысячи шестьдесят пятый год, снабдив ее необходимыми инструкциями. Кроме того, я просчитал вероятности и спланировал все так, чтобы моя дочь смогла занять подобающее ей место в Службе. Но вашей с Катей встречи я просчитать не смог, и она оказалась для меня полной неожиданностью. Зато у меня появился замечательный внук.

За одни эти слова я готов был полюбить старого маршала...

... — Володя, ты что?

Я помотал головой, не сразу поняв, что это Катя стоит передо мной.

— Сидишь с открытыми глазами и ничего не видишь! Что с тобой!

— Нет-нет, ничего страшного! — Я постарался успокоить ее. — Просто уснул с открытыми глазами. Наверное, вино так подействовало.

— Так ты еще и алкоголик! — шутливо возмутилась Катя. — С кем я связалась! Ладно, давай похмеляйся и пойдем купаться!

Она налила два стакана вина из стоявшей на столе бутылки, один протянула мне, а второй с видимым удовольствием выпила сама.

Целый час мы плавали и ныряли. Потом Кате надоело, и она поплыла к берегу. Я остался в море, перевернулся на спину и лежал на воде, раскинув руки и прищурив глаза. Вот он, рай, подумал я. Только я в

нем лишний. Потому что мое пребывание в Эдеме больше похоже на исполнение последнего желания приговоренного к смертной казни. И тянуть его до последнего срока значило лишь продлевать мучение.

Вокруг, с плеском выскакивая из воды, резвилась стая дельфинов. Один из них подплыл ко мне и принялся подталкивать носом, приглашая к игре. Но я не принял заигрывания, потому что мыслями снова был там, в Центре...

... — Теперь мы в какой-то мере стали родственниками. — По губам маршала скользнула странно-беспомощная улыбка, но тут же пропала, и он снова нахмурился. — И тем тяжелее для меня делать тебе это предложение.

«Неужели хочет предложить какой-то высокий пост?» — мелькнула у меня мысль. Только не это! Служба оперативника вполне устраивала меня, больше того, нравилась, и я вовсе не рвался к властным вершинам. Обижать старика не хотелось, но придется отказываться. Я знал себе цену, но знал и предел своим возможностям. Другое дело Боря, для которого генеральское звание оказалось лишь возможностью проявить свои способности. Да и то, как я стал подозревать, далеко не все. А может быть, руководствуясь родственными чувствами, маршал хочет оградить меня от сопутствующих моей должности опасностей и предложить какую-то синекуру? Но я не угадал. Мой неожиданный тесть не предложил мне ни высокого поста, ни почетной, но спокойной должности. Сначала я вообще не мог понять, чего он от меня хочет.

— Скажи мне. — Он смотрел на меня так, что я не

смог бы отвести взгляда, даже если бы захотел. — Ты веришь в Бога?

— А как вы думаете, маршал? — сказал я и вдруг почувствовал, что мои слова звучат немного легкомысленно. — Разве можно бороться с дьяволом, не веря в Бога?

— Хорошо! — удовлетворенно сказал он, но мне показалось, что в его голосе промелькнуло сомнение. — Надеюсь, твоя вера достаточно крепка, чтобы осмыслить мое предложение. Только не надо спешить с ответом. Все слишком серьезно, чтобы играть в благородство. Твой ответ должен быть продиктован не только разумом. И, главное, решение должно быть окончательным...

...Я легонько оттолкнул дельфина — не обижайся, не до тебя сейчас! Он понял меня, отплыл в сторону и смешался с компанией. Если вдруг Создатель когда-нибудь решит, что потерпел неудачу с людьми, то обязательно обратит внимание на этих удивительных жителей моря!

Выйдя на берег, я сразу понял: Катя что-то почувствовала. Она сидела на песке, охватив руками поджатые ноги, уткнув подбородок в колени, и печально смотрела на горизонт. Присев рядом с ней, я обнял ее за чуть вздрагивающие плечи. Нужно было что-то говорить, но я не решался начать. Катя начала разговор сама.

— Ты уходишь? — спросила она таким голосом, что я замер: неужели она обо всем догадалась?

— Да, родная, — ответил я, боясь посмотреть на нее. — Пойми, иначе я не могу...

Ад

... — Не вернешься, не вернешься, не вернешься! — кричала тьма.

Я открыл глаза и посмотрел на светящееся табло электронных часов. Четыре сорок семь. Слишком рано, чтобы вставать, и слишком поздно, чтобы пытаться снова уснуть. Я протянул руку, взял стакан воды, в которой, как я и пожелал с вечера, плавали кристаллики льда, с наслаждением сделал маленький глоток и попытался вспомнить: что же мне снилось? Вроде бы ничего страшного, но почему я проснулся с таким тревожным чувством?

Я плотно сжал веки и попытался если не заснуть, то хотя бы оказаться в том блаженном состоянии между сном и явью, когда пропадают мысли и появляются неосмысленные видения. На какое-то время помогло, я плыл по теплым волнам, качался на них, но вдруг ласковая вода стала обжигающе горячей, и я, сбросив одеяло на пол, мучительно застонал. Наверное, так просыпается человек, которому вчера вечером сказали, что он болен неизлечимой болезнью и жить ему осталось не больше недели. Господи, неужели я снова уснул? Что за дурацкий сон! Толстенькая кривая карлица, выглядывающая из черного проема в стене, кричала:

— Не вернешься!

Почему я решил, что она карлица? В проеме я видел только ее лицо!

А ведь и в самом деле не вернусь! Через неделю я отправляюсь на свое последнее задание. Отправляюсь туда, откуда не возвращаются...

Я сильно потер руками лицо, чтобы прогнать видение, и сел на кровати. Все, уснуть больше не удастся. Конечно, можно себя заставить, но мне вовсе не хотелось возвращаться в ночной кошмар. Хватит с меня и тех мыслей, что неотрывно преследуют днем! Нужно сегодня же поговорить с маршалом...

Стоило вспомнить о падре, как зазвонил телефон внутренней связи. Я взял трубку и, не став больше ложиться, отправился с ней в ванную комнату.

— Ты проснулся? — Разумеется, это был он. — Тогда приходи, продолжим.

Неужели он совсем не спит? — мелькнула у меня мысль. Маршала можно было застать бодрствующим в любое время суток. Может быть, за свою долгую жизнь он научился обходиться без сна?

Через полчаса я закрыл за собой дверь с табличкой «27» — я снова жил в том самом номере, который занимал в годы обучения в Школе, — выпил в буфете чашечку кофе и отправился на первый этаж. Падре ждал меня в своем кабинете. Уже три недели он готовил меня к последнему в моей жизни заданию, и, по его словам, я был уже почти готов. Через неделю мы вместе отправимся туда, где нет ничего, кроме ледяной ненависти. В то измерение, которое в Службе между собой мы называли адом.

Тогда, на совещании, я, как и все остальные, толком не понял, что собирается делать маршал, почему прощается со Службой. Заранее в свои замыслы он посвятил одного Борю. А потом, пригласив к себе после совещания, — меня. И сообщил такое, от чего я впал в ступор, из которого вышел, только когда маршал сообщил, что с завтрашнего дня я числюсь в отпуске.

— Все наши усилия по изгнанию врага останутся тщетными, — сказал тогда маршал, глядя мне в глаза. — Победить мы сможем, лишь перекрыв ему все пути доступа в наш мир. А это можно сделать, только попав в его логово.

— Как это? — не понял я.

— Проникнуть в то измерение и закрыть все бреши, что люди наделали за тысячи лет. А в идеале — использовав стремление дьявола к самоуничтожению, взорвать его обиталище изнутри.

Я сидел и смотрел на него, не веря своим ушам. Неужели маршал на самом деле хочет по собственной воле отправиться в ад, чтобы в одиночку сражаться с целой враждебной всему живому Вселенной? Но, оказывается, он еще не все сказал.

— Но сделать это в одиночку я не смогу, — добавил он. — Мне нужен напарник, которому можно доверить свою спину. У меня были две кандидатуры, и я долго не мог сделать выбор. Но Михаил погиб, и остался только ты. Есть еще Борис, он бы справился, но ему предстоит другая миссия. Он должен объединить и возглавить все Службы. Искать другого кандидата в напарники мне некогда — на совещании я слегка покривил душой, назвав срок до конца века. Времени у нас почти не осталось. Начать мы должны максимум через полгода, из которых месяц уйдет на подготовку. Завтра я отведу тебя туда, где ты встретишься с Катериной и сыном. Там ты должен прийти к окончательному решению. Но помни: если ты согласишься идти со мной, менять решение у тебя не будет права...

На лице маршала вдруг появилось какое-то бес-

помощное выражение, как бывает у плохо видящего человека, когда он снимает очки.

— Думаешь, я бездушное чудовище? — спросил он. — Думаешь, мне легко оставлять без отца собственного внука? Но если мы с тобой не сделаем это, то у него нет больше будущего...

— Ничего подобного я не думаю! — ответил я, уже зная, какое приму решение. Маршал понял это по моим глазам и сказал:

— Не надо спешить, Володя. Решение должно быть обдуманым...

...Если бы кто-то мог наблюдать за нашими занятиями, то увидел бы странную картину. В удобных креслах сидели два человека и, не шевелясь, не мигая, смотрели друг другу в глаза. Но нечаянный свидетель никогда бы не догадался, что в этот момент два сознания, мое и маршала, были слиты в одно и в меня вливался гигантский объем информации, сохранившейся в Золотой книге. Запас знаний, накопленных нашими далекими предками, и методы уничтожения врага, разработанные ими же. А еще — созданная маршалом стратегия битвы с хаосом внутри вражеской вселенной. Мы прогоняли тысячи и тысячи ситуаций, которые могли возникнуть там, в запретности. Понимали, что если не сделаем это сейчас, то потом будет поздно.

Конечно, мы не могли проникнуть в другое измерение в своем человеческом облике. Попасть туда могла только та таинственная субстанция, которую мы называем душой. То есть, как ни горько об этом говорить, сначала мы должны были умереть. Правда, маршал, используя знания наших предшественников, приготовил в надежном месте камеру с нулевым

течением времени, где наши тела могли пролежать, не изменяясь, хоть миллиарды лет, дожидаясь нашего возвращения из ада. Но мы не тешили себя иллюзорными надеждами. Старались даже не думать об этом. Мы знали лишь одно: если мы не справимся со своей задачей, то все будет кончено. Для всех и навсегда.

Так, не шевелясь, мы просидели до обеда. А после него наступило мое время. Каждый день я проводил несколько часов за компьютером, описывая для сына историю своей жизни. Антон прочитает мои записки, когда не останется сомнений в нашей с маршалом победе. Вопрос о поражении я даже не рассматривал. Как говорили когда-то: за Волгой для нас земли нет! Мой отец выстоял в той войне. Чем я хуже его? Как жалко, что не придется увидеть внука...

Сегодня я поставил в тексте последнюю точку. Подумав, вернулся к началу и приписал: «Антон, если ты сейчас читаешь эту записку, значит...»

Я очень надеялся, что придет время, и Боря отдаст моему сыну флешку с записью...

ЭПИЛОГ

27 ИЮЛЯ 2102 ГОДА

На созданном самой природой каменном балконе, куда из недр южноамериканских Анд вел коридор обширной пещеры, сидели пять человек. Четверо мужчин и одна женщина. Кто-то принес туда грубо сработанный деревянный стол и поставил на него блюдо с фруктами и виноградом и несколько стака-

нов из тонкого стекла. Один из мужчин, черноволосый, кудрявый, с характерным носом с горбинкой, достал из принесенной с собой сумки оплетенную соломой трехлитровую стеклянную бутылку, наполнил стаканы густой темно-красной жидкостью и сказал:

— Представьте себе, даже став премьер-министром правительства Крыма, Петр Николаевич Полубояринов не забросил старый виноградник. Катя, Антон, пробуйте. Ручаюсь, вам не приходилось пить такого.

— А вот и ошибаетесь! — с улыбкой возразил самый молодой из компании, высокий парень с длинными ресницами и ярко-синими глазами. — Мы пили его с отцом незадолго до его ухода. Делал вино Николай Васильевич Полубояринов.

— Да ну! — почему-то обрадовался брюнет. — Мы с Пашей и Митей пили его сто лет назад. Вино и тогда было божественным, а с тех пор Полубояриновы научились делать его еще вкуснее. Держится династия! Знаете, я видел в газете фотографию крымского премьера — вылитый прадед Семен!

Два его спутника согласно кивнули. Один из них, коренастый и крепкий, с длинными, до плеч, темно-русыми волосами и густой окладистой бородой, сказал:

— Сегодня и мне позволительно отведать за упокой души нашего друга Владимира и нашего учителя Франца.

— Ах да, владыко! — вспомнил тот, который разливал вино. — Сегодня четверг и, кажется, нет никакого поста.

— Ты прав, Боря, — кивнул обладатель боро-

ды. — Но не тому я радуюсь, что довелось мне вспомнить бывшее, выпив этого чудесного вина. А тому, что удалось им, судя по всему, выполнить свою задачу.

— Да, — подтвердил Кацнельсон. — Действительно, за последние семь лет — не только ни одного прорыва, не было даже мельчайшего проникновения. Вот и Митя, то есть генерал Рахимов может подтвердить. Следить за этим входит в его обязанности.

Он повернулся и посмотрел на серьезного молчаливого человека с огромными черными глазами.

— Точно! — согласился Митя-Мустафа. — При чем просачивание стало сокращаться уже через год после их ухода, будто кто-то штопал дыры с той стороны. А семь лет назад прекратилось вообще. Сразу, как отрезало.

Все, не чокаясь, выпили вино, и Боря снова наполнил стаканы.

— Павел, мы давно с тобой не виделись, — обратился он к бородатому. — Как тебе в новом качестве митрополита?

— Как тебе сказать? — задумчиво сказал тот. — Я не стремился к столь высокому чину. Но если отцы церкви посчитали, что я его достоин, то я не вправе отказываться. А что я чувствую? Я нес свой крест тогда, когда был священником в маленьком сельском приходе, нес и сейчас. Разве что стал он намного тяжелее...

— Скажите, маршал... — вступила в разговор женщина необычайной красоты, судя по внешнему виду, лет тридцати — тридцати пяти, но Борис не дал ей договорить.

— Катя, ну как тебе не стыдно! — сказал он воз-

мущенно. — Я для тебя был и навсегда останусь Борей!

— Хорошо, — поправилась она. — Скажи, Боря, если они выполнили там свою задачу, не пора ли им возвращаться? Недаром ведь маршал позаботился сохранить тела неповрежденными!

В ее взгляде горела такая отчаянная надежда, что тот опустил глаза. Вместо него ответил Павел, носивший теперь имя владыки Феофана.

— Надежда, Катюша, есть всегда, — сказал он ласково. — В Писании говорится о случаях возвращения с того света. Дай Бог, дождемся и мы...

Боря пригубил вина и сказал, обращаясь к молодому:

— Антон, а для тебя у меня сюрприз. Пришло время передать тебе послание от твоего отца.

Глаза у молодого человека стали еще ярче, и он слегка побледнел. А Борис протянул ему пластмассовый пенальчик флешки и запечатанный конверт.

— Надеюсь, ты найдешь старинную машину, на которой можно будет открыть текст! — добавил он. — Если что, я могу тебе помочь.

— Ничего, справлюсь... — прошептал Антон, дрожащими руками вскрывая конверт. Достал из него лист пожелтевшей бумаги и стал читать вполголоса: — «Антон, если ты сейчас держишь в руках эту записку, значит, вы уже знаете, что мы с маршалом справились...»

Дальше он читал про себя.

— Идите скорее сюда! — послышался голос Мити-Мустафы, который со стаканом в руке отошел к сложенному из камней парапету. — Сейчас начнется!

На другой стороне долины, куда выходил балкон, высились высокие остроконечные горы с покрытыми снегом вершинами. Все это было затянуто легкой утренней дымкой.

И тут на востоке, за спинами стоявших на балконе людей, из-за горной вершины выглянуло солнце. Снежные шапки, накрывавшие горные пики на другой стороне долины, зарозовели. С минуту они все ярче наливались румянцем и вдруг...

Это был настоящий световой взрыв. Снег на вершинах вспыхнул нестерпимым для глаз пламенем, из которого протянулись к небу сотни, тысячи разноцветных протуберанцев. Извиваясь, они плясали в небе, образуя фантастические узоры самых невероятных расцветок. Их танец был великолепен, и людям показалось, что они слышат звуки сопровождающей его божественной музыки.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ЛИКВИДАТОРЫ ХАОСА.....	5
Глава 1. СЛУЖБА. ВИНО НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	5
Глава 2. СЛУЖБА. УБИЙСТВО В ПОЕЗДЕ.....	11
ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. СЕМЕРО.....	17
Глава 3. ШКОЛА. ДОСРОЧНЫЙ ДЕМБЕЛЬ.....	23
Глава 4. СЛУЖБА. НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ.....	45
Глава 5. ШКОЛА. В АНТИСОВЕТСКОМ ЛОГОВЕ	51
Глава 6. СЛУЖБА. ПРИКАЗАНО БЕЖАТЬ И НИКОМУ НЕ ДОВЕРЯТЬ	61
Глава 7. ШКОЛА. МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛИ....	72
Глава 8. СЛУЖБА. СВОИХ В БЕДЕ НЕ БРОСАЕМ.....	80
Глава 9. КАТЯ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	88
Глава 10. СЛУЖБА. УКРОЩЕНИЕ ЖАДНОГО МЕНТА	94
Глава 11. ШКОЛА. ЧУДЕС СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ	103
Глава 12. СЛУЖБА. РАЗБОР ПОЛЕТОВ	111
Глава 13 СЛУЖБА. СТАРОЕ ДЕЛО	118
Глава 14. ШКОЛА. МЫ ДЕЛАЕМ СВОЕ ДЕЛО ПРИ ЛЮБОЙ ВЛАСТИ.....	125
Глава 15. СЛУЖБА. СТАРОЕ ДЕЛО. ПЕРВЫЙ БОЙ	134
Глава 16. ШКОЛА. ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ	145
Глава 17. КАТЯ. СНЕГ НА ГОЛОВУ.....	162

Часть вторая

ПРОЗРЕНИЕ.....	174
ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. СЕМЕРО.....	174
Глава 1. СЛУЖБА В ОПАСНОСТИ	178

Глава 2. СНОВА В ХАРЬКОВЕ	189
Глава 3. ПРЕДЧУВСТВИЕ.....	197
Глава 4. ЗНАКОМСТВО С НАНОТЕХНОЛОГИЯМИ	204
Глава 5 ПРОФЕССОР БЫЛ НЕ ПРОСТ	212
Глава 6. ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ.....	223
Глава 7. МЫ СНОВА НА СВОБОДЕ; НО ПРОБЛЕМ МЕНЬШЕ НЕ СТАНОВИТСЯ.....	234
Глава 8. МЫ УХОДИМ НА НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	242
Глава 9. СТАРОЕ ДЕЛО. САТАНИСТЫ	249
Глава 10. В КРЫМУ	265
Глава 11. ВИЗИТ ЛЬВА.....	274
Глава 12. ПОД ЗЕМЛЕЙ	287
Глава 13. БОЙ.....	296

Часть третья

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ	306
ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. СЕМЕРО	306
Глава 1. СОЛНЕЧНАЯ ФЕЕРИЯ.....	314
Глава 2. ИСПОВЕДЬ МАРШАЛА.....	324
Глава 3. ГОРЬКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ	333
Глава 4. ЗМЕИНЫЙ КЛУБОК.....	341
Глава 5. ЛЬВИНАЯ ОХОТА	348
Глава 6. ЛЬВИНАЯ ОХОТА (продолжение).....	355
Глава 7. ОХОТА НА ЛЬВА	362
Глава 8. ОХОТА НА ЛЬВА (продолжение).....	367
Глава 9. СНОВА В СЛУЖБЕ	375
Глава 10. ОЧИЩЕНИЕ.....	379
Глава 11. А ВАС, ПОДПОЛКОВНИК, Я ПОПРОШУ ОСТАТЬСЯ.....	387
Глава 12. РАЙ	395
Глава 13. АД.....	404
Эпилог. 27 июля 2102 года	408

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Козловский Юрий

КОД ЗОЛОТОЙ КНИГИ

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Н. Скибина*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 12.08.2011.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 3500 экз. Заказ №8504

Отпечатано в ООО «Северо-Западный Печатный двор» ,
188300, Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Железнодорожная, 45Б

ISBN 978-5-699-52577-5

9 785699 525775 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
- В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
- В Казани:** Филiaal ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
- В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
- В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
- В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
- В Новосибирске:** ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
- В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
- Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
- В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
- В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

КОД ЗОЛОТОЙ КНИГИ

В советские годы рядовой Советской Армии Владимир Кубанский прошел обучение в таинственной Школе, получив недоступные обычным смертным знания и навыки. Курсанты Школы становятся сотрудниками особой Службы, задача которых – сражаться с порождениями Хаоса, которые в давние времена вырвались из параллельного мира, открытого при помощи кода Золотой книги... В наши дни Золотая книга была похищена одним из дезертиров Службы. Миру угрожает нешуточная опасность, если похититель сумеет воспользоваться кодом, призвав в нашу вселенную полчища тьмы. Кубанскому и его коллегам предстоит смертельная схватка – Апокалипсису уже дан обратный отсчет...

